

МИЛЕНА СТАИЛ

В ЛЮБОВЬ НЕ ИГРАЮТ

...Мы не искали **ЛЮБОВЬ** - **ОНА** сама нас выбрала...

Я всегда относилась к Ивану предвзято, но в душе таился огонек надежды.

И вот он, тот момент, когда пора превращать мечты в реальность.

Чувствую, она мне еще попьет кровь. Черт, но оно того стоит. Ласточка залетела именно в то гнездышко.»

ПРОЛОГ

— Если ты не слушаешь меня, тогда придётся обратиться к твоему брату. Он уймет твою попу с приключениями!

— Да что ты заладил-то? Даша, не делай то, Даша, не делай се. Я взрослая!!! Мне уже почти двадцать пять, и я сама вправе решать, делать мне что — то или нет! Ясно?

— Нет! Не ясно! До тех пор, пока я переживаю за тебя, мне не ясно! — кричал я, понимая, что с моей девочкой так нельзя, но по-другому — никак.

— Это что получается? — понизила голос Даша. — Я всю жизнь не смогу делать, что хочу? — понимает, что всегда буду рядом. Хочет этого.

— Нет, Ласточка. Ты можешь делать все, что хочешь. Но только не гонки, — дал понять я. — Вот, например, ты прекрасно едешь на мне, — немного улыбнулся, за что и получил по плечу маленьким кулачком.

— Идиот! — воскликнула Дарья. — Я тебе еще покажу, как езжу на тебе. — Она направилась к выходу. — И я буду участвовать в этих гонках! Хочешь ты этого или нет! — И покинула мой кабинет.

— А кто сегодня под номером двенадцать? — я недолго смотрел на щуплого парня, стоявшего на линии старта. Видно было, что тот спокоен, только иногда посматривал по сторонам. Словно искал кого-то.

— А! Так это же Дашка, — сказал мне Руслан, организатор гонок.

— Какая Дашка? — парень посмотрел на меня, как на ненормального.

— Дашка Золотарева, — было мне ответом.

— Что? — и в этот момент прозвучал выстрел, и все байкеры дали старт.

— А ты что, не знал, что твоя Ласточка гоняет? — Руслан смотрел на меня, как на идиота.

— Останови гонки, — попросил я злым голосом.

— Нет. Гонку не останавлию. Разбирайтесь по окончании. Она отличный ездок.

— Твою мать, я сказал, останови гонки. Прекрати. Как хочешь, все прекрати!!! — я не знал, что сделаю этому ублюдку. Если с Ласточкой что — то случится, убью всех.

— Иван! Хватит, что ты кипиш начинаешь?...

— Я тебе такой кипиш устрою потом! — заорал я и пошел прочь. Залез на высшую трибуну, чтобы видеть эту маленькую засранку. Иначе ее сейчас не назовешь.

— Все-таки пошла на это. Не послушала...

Мотоцикл мчал на невероятной скорости. Ну, я ей устрою. В последний раз вижу ее за рулем. За рулем байка. Невероятно. Эта мелкая решила меня совсем довести. Я покажу тебе гонки, только слезь с этого «коня».

— Ну, что, двенадцатый номер отлично оторвался вперед ото всех. Но... Смотрите, что происходит. Николаев пытается обогнать Золотареву. Да, мы все знаем, что они давние

враги. Владимир всегда завидовал Дарье и вот сегодня решил, вероятно, отомстить ей. И, что это происходит?... — говорил комментатор.

— Все знают? — начал разговаривать я сам с собой.

— О нет! Этот ненормальный решил... — раздался невероятный визг шин по асфальту, и я резко сорвался с места.

Я не заметил, как первым оказался рядом с Дашей, лежащей на земле. Ее отбросило от мотоцикла на три метра. Она лежала и не шевелилась. Я осторожно приподнял ее голову и отодвинул стекло на шлеме. Ласточка тяжело открыла глаза. Нешироко. Но я смог увидеть в них боль. И прежде, чем отключиться снова, она сказала единственное:

— Я люблю тебя.

ГЛАВА 1

Ваня.

Только рев мотора мог заглушить неутихающие крики. Что — то невероятное происходит на трибунах. Люди словно с ума сошли. Снуют туда, сюда, кто — то, довольный, пробирается сквозь толпу, кто — то, наоборот, разочарован и уходит с поля зрения. Только вот на трассе по-прежнему идет «борьба». Байкеры пытаются обогнать друг друга. Некоторые болельщики уже знают, кто выиграет.

И вот последний круг, к финишной прямой вырываются моя Дашка и этот хмырь, который постоянно пытается ее перепрыгнуть. Но я-то знаю, мою девочку не сломать. Она у меня не из робкого десятка.

Прозвучал первый возглас болельщиков, крики, визги, кое-где маты и счастливые улыбки. Да. Ласточка победила. Снова!!!

Она всегда это делает. Гонки — ее конек. С 16 лет начала гонять. Сначала у друзей брала «коня», а потом свой первый байк выиграла на закрытии сезона.

Я направился в бокс, куда Даша ставит свой байк после гонок. Если честно, ужасно ненавидел все это место, потому как безумно переживал за девушку. Но не приходить сюда не мог. Я должен быть рядом с этой выдрочкой, когда она находится в такой опасности. Так я чувствую хоть некоторое спокойствие.

Остановился у входа и замер. Как раз в этот момент Ласточка вставала с байка, при этом перекидывая свою изящную тонкую ножку через мотоцикл. Нет, из — за экипировки видно не было, какие у нее ноги, но я-то знал.

Встав на обе ноги, она принялась снимать шлем, и в один миг из него посыпались золотистые кудри волос. Идеально. С ума схожу от этого зрелища.

Немного повернувшись, я увидел сияющую улыбку на лице Даши. Она довольна. Счастлива. Победила. Снова обставила Николаева.

— Bravo! — я начал хлопать, что эхом очень громко отдавалось в полупустом боксе. — Ты была великолепна.

— Ванечка, — оговорила, никогда меня так не называет, вслух уж точно, — Иван. Что ты здесь делаешь, — она напустила на себя серьезность, и я мог видеть, что она злится. Прекрасно знает, как меня бесят эти гонки, поэтому не любит, если я сюда прихожу.

— Ну, как же я мог пропустить финал? Я должен был посмотреть, как ты утрешь нос Владимиру, — подошел в упор и мог видеть весь спектр эмоций в глазах этой удивительной девушки.

— У меня это прекрасно получилось. Хм, в принципе, как и всегда.

Я осторожно убрал волосы, которые зацепились за ее ресницы. Она моргнула и

прикрыла глаза.

— Согласен! Ты прекрасна, как и всегда.

— Может быть, — словно промурлыкала.

— Как себя чувствуешь?

— Хорошо, — шепотом.

— Хорошо.

— Да. Кхм, хватит меня лапать, — она очнулась, когда я нежно погладил ладонью ее шею.

— Где?

— Ты меня уже всю потрогал. Ты за этим приперся? — минутное молчание. — Кстати!

Где твоя новая кобылка?!

— Даша, давай не будем...

— Чего не будем? Я бы с радостью обсудила ее средние 90. И нижние...

— Ласточка, я не за этим здесь. Я приехал тебя поддержать.

— Поддержал?

— Нет, — я схватил ее под попку и усадил на байк. Ласточка смотрела на меня взглядом хищницы, и совсем не птички, — поддерживать нужно вот так.

Я со страстью, нет, скорее — с жадностью впился в ее губки. Она поддалась и тут же открыла ротик. Ее язычок прошелся по моей нижней губе, после чего я взял его в плен своего рта. Через несколько секунд почувствовал, как ее шаловливые ручки поднимают мой свитер у самого пояса. Моя рука собрала полную пригоршню белокурых волос. Чувствую, готов разорвать всю ее байкерскую экипировку и взять прямо здесь. Что и намеревался сделать, но Даша решила иначе. Уверен, все ради того, чтобы мне насолить.

— Да кто ж так поддерживает? — она оттолкнула меня и прыгнула с сиденья. — Только и хочешь меня поиметь. Я понимаю, когда бриллианты, цветы, всякие штучки там, — чуть ли не вопила.

— Ты уверенна, что хочешь цветов? И что потом не будешь жаловаться?

— Тю. Это еще на что я должна жаловаться?

— Ну, например, на аллергию...

— Чего? — какое удивление на ее выразительном личике. — Ну, Андрей, ну братик, удружил. Это ведь он тебе сказал? — она была так забавна в этом образе.

— Нет, блин, мне нужно было подарить тебе веник, а потом еще и выслушивать от тебя, что ты целый день чихала и покрывалась вся красными пятнами.

— Ой, ты, Боже мой, между прочим, у меня кожа нежная. И тебя вообще никто не просил делать мне подарки. И цветы можешь засунуть себе в за...

— Ласточка, следи за словами.

— В задницу себе можешь их засунуть, — все-таки выкрикнула. Не побоялась, но на миг застыла на месте, а потом бросилась убежать.

— Ахахаха, так и побежишь домой, не переодевшись? Думаю, родители будут не в восторге.

Ласточка остановилась и обернулась:

— Ха — ха — ха, — передразнила меня, кривляясь, — а ты так и собираешься оставаться здесь наедине со своим стояком? — взглядом указала на мой пах.

— Ты права, ты поможешь мне с ним справиться, — услышав эти слова, она с визгом рванула за дверь. Я спокойно пошел за ней, но, не дойдя до выхода, в проеме увидел светлую

головку.

— Пусть твоя кобылка минет тебе сделает, — и исчезла.

— Сучка.

Даша.

Я все-таки смогла оторваться от Ваньки. Зашла в соседний бокс, подождала, пока он исчезнет с поля зрения, и пошла в раздевалку. В голове мысли лишь о победе, ну и немного о Ванечке. Ну, хоть сегодня я поставила его на второй план. Вечно он занимает все мои мысли. Наглый, самоуверенный индюк. Но такой красивый и желанный. Чувствую, я скоро сорвусь и сама наброшусь на него. Слишком он притягателен, слишком красив, слишком идеален, в нем всего слишком. Так, ладно, хватит. Сегодня день моей победы. Лучше я подумаю о том, как в очередной раз обставила Николаева. Представляю, как он взбешён. Мальчик так хотел победить, а тут я снова влезла. Ну, ничего, будет знать, как палки в колеса вставлять. Недоумок.

Я только собралась раздеться, чтобы принять душ, как открылась дверь, и в проходе появился объект моих мыслей:

— Какая потрясающая картина. Ну, что ты, продолжай, я с удовольствием полюбуюсь. Наверняка нашей непобедимой леди есть, что показать. — Он очень близко подошел ко мне. Я поставила руки по бокам и испепеляюще смотрела на этого мерзавца. — Покажешь, что у тебя там? — он пальцем указал мне на декольте, где я успела расстегнуть кнопки больше положенного. — Или, может, дашь потрогать... Или просто дашь...

— Бу! — я выкрикнула ему в лицо и сделала шаг вперед. — Я тебе этот палец сейчас сломаю, если не перестанешь тыкать им. Понял?

— Ты такая грубиянка! Тебя хоть мужчины хотят?

— Так ты же, придурок, первый! — немного поразмышляла и добавила. — Хотя, о чем это я? Ты же не мужчина.

— Послушай сюда, — он резко схватил меня выше локтя, больно, но я этого не покажу. — Со мной лучше не шути. Или я тебе обещаю, однажды ты просто не доедешь до финиша, — и так же резко отпустил меня и направился к выходу.

— Не стоит мне угрожать, — предупредила я, и он сорвался с места и вмиг оказался около меня. Прижал к стене, при этом схватив за шею.

— Я всего лишь предупредил, девочка. А дальше буду действовать. — И исчез из раздевалки.

Я не стала акцентировать внимание на этом. Много раз были похожие ситуации, и что? Вот она я, живая и невредимая. Пусть катится со своими угрозами. А я лучше подумаю, чем заняться вечером.

— Больше я не буду с тобой ездить! Это тебе не байк, поняла? И не трасса, по которой ты можешь гонять, как ненормальная! — это кричит моя Наташка, подруга с детства.

— Ты чего орешь? Ну, немного развлеклись. Сейчас пойдем, выпьем, — я улыбнулась ей, дабы подбодрить.

— Я думала, меня будет тошнить от текилы или хотя бы от приставучих мужиков, а меня тошнит от поездки с тобой. Нет, Золотарева, ну ты совсем ненормальная. Тебя твои гонки до добра не доведут.

— Наташка, хватит причитать, пойдем лучше оторвемся, — я заглушила мотор и принялась открывать дверь, но подруга меня остановила.

— Ласточка, ты меня убьешь! — пропищала, зажмурив глаза и прилипнув к сиденью.

— Почему я должна это сделать? Что ты натворила?

— Я позвала Ваню, — сказала еще тише. Я психанула и сорвалась с места.

— Грандиозная идея. Поздравляю, ты сделала мой вечер, — ответила я уже на улице и подошла к клубу.

— Ты сильно на меня злишься?

— Нееет, — чуть ли не провыла я. — Пойдем уже.

В зале гремит музыка, мигают различные огни, люди танцуют на огромном танцполе. Практически все столы заняты, даже взгляд кинуть некуда. Но мое место всегда свободно. Меня здесь всегда ждут. Небольшая вип-комната, она всегда свободна. Неважно, как часто я здесь бываю. Этот клуб принадлежит моему брату, и мне всегда здесь рады.

— Дашка, — услышала я окрик сквозь музыку. — Привет. Поздравляю с очередной победой, — меня обняла Катя, мы учились с ней вместе в универе.

— Спасибо. Ну, что? Отметим это дело? — крикнула я в ответ.

— Дааа... — завизжали девчонки, и я поняла, к утру точно оглохну.

Как и говорила Наташка, тошнить нас будет от текилы, но это будет завтра, а сейчас она льется рекой. Одна за одной, мы практически не останавливались, могли прерваться только на танцы. В голове уже достаточно шумело, но это не повод ехать домой. Гулять, так гулять.

— Ласточка, — пропела Наташка пьяным голосом, — пора на танцпол. — И мы вместе, пританцовывая, направились к вышеупомянутому месту.

Все вокруг казалось немного размытым, алкоголь хорошо ударил в голову, но я помнила о нем. Помнила, что Ванечка должен быть здесь. Он, скорее всего, находится у брата в кабинете. Небось, развлекается с очередной сучкой. Ну, ничего, однажды настанет момент, и я всех его баб придушу голыми руками.

Я посмотрела по сторонам, девчонки уже танцевали с парнями, я же извивалась в одиноком танце. Звучала какая-то неизвестная мне песня, но не менее интересная, что подбивало меня к более раскрепощенным движениям. В один миг я почувствовала со спины руки на своей талии, и меня кто — то крепко прижал к себе.

Боже, Ваня, точно он, я же по запаху его определяю. Невозможно не любить то, как он пахнет. Я резко разворачиваюсь в его руках и оказываюсь лицом к лицу с ним. Или, вернее будет, лицом к шее. Он выше на голову, и я ощущаю себя совсем маленькой по сравнению с таким мужчиной. И снова его запах, неподражаемый. Свежий, словно только из душа. Хм, может, как раз и из душа, пока развлекался там, в кабинете с кобылкой, вспотел и решил воспользоваться ванной комнатой брата.

— Ты словно из душа. Не находишь странным? — задала я вопрос. Блин, ну что же я делаю, знаю ведь, что это его духи так пахнут. Но ход сделан, назад дороги нет.

— А от тебя разит текилой за километр. Может, хватит? — послужило мне ответом.

— Что хватит? Я только начала, — и лизнула его шею, он вздрогнул. Да, я пьяная. В трезвом виде, я бы себе не позволила этого.

— А я считаю, что маленьким девочкам пора в кроватку. — Я продолжала извиваться в танце. Терлась о его тело всеми своими изгибами. Пусть мальчик помучается, я-то знаю, как ему нравится.

— Ну вот, пусть маленькие девочки и спят, а я еще немного развлекусь, — я повернулась к нему спиной, руки закинула за голову и попкой потерлась о его член.

— Наказать бы твою попку, — прошипел мне на ухо мужчина и положил руку на мой живот.

— Она давно просится, да?

— Очень. — Молчание. — Тра*нул бы тебя прямо сейчас. — Я бросила на него вопросительный взгляд. — Боюсь, уснешь, как только твоя голова коснется подушки. А некрофилией я не занимаюсь.

— Так ты возьми меня не в кровати, ауч... — я только почувствовала, как Ваня перекинул меня через плечо, а потом сказал:

— В следующий раз, Ласточка, — и понес меня к выходу, — в следующий раз.

ГЛАВА 2

Даша.

Утром я еле продрала глаза. Голова моя болит нещадно, к тому же, она тяжелая, словно мне в уши натолкали кирпичи. Это просто ужас. Больше никогда не буду пить. Так, стоп. Это где я? Пошире открыла глаза, и до меня дошло, что я нахожусь у брата. Ну, слава Богу. А то в пьяном состоянии могла чего угодно учудить. Ну, да ладно, я почти дома, и это хорошо, пора вставать.

Я сразу решила принять душ, понадеявшись, что это хоть немного утихомирит мою голову. Я ошиблась. Спустила на себя ледяную воду, но голова взорвалась от боли с новой силой, и я поняла — душ мне не в помощь. Переключив кран на теплую воду, я быстро искупалась и вылезла из кабинки. Вытерлась насухо и, надев теплый махровый халат, я направилась вниз в кухню.

— Братик, какой божественный запах, обожаю твой кофе, только меня сейчас вырвет, — простонала я, понимая, что меня немного тошнит.

— Ты, часом, не беременна? — услышала голос этого засранца, и я обернулась в его сторону. Иван сидел на диване у стены. Когда спускаешься с лестницы, не сразу видишь, кто там может быть. Вот и я не заметила этого наглеца. Повернувшись, я решила его подколоть.

— Вот блин. Это меня тошнит от твоих духов паршивых, — и показала ему язык. Отчего Иван довольно ухмыльнулся. Вот гад!

— Даша! — позвал меня брат, решив тем самым меня одернуть, только от его окрика меня тряхнуло хорошенько.

— Доброе ... Эм... День? Да! Добрый день, Андрюша, — улыбнулась и поцеловала его в щеку. Пройдя в смежную кухню, я пробурчала себе под нос: — Черт, надо же было так налакаться! Еще этот хмырь тут...

— Этот хмырь решил узнать, как себя чувствует заноза.

— Ах, — Ваня подошел настолько тихо, что я не услышала его шагов и испугалась. — Придурок! Нечего пугать мою хрупкую натуру!

— Ох, простите, — он поставил руки перед собой в защитном жесте и начал отходить, словно боясь. Еще и издевается надо мной. Я начала наливать себе кофе, когда Иван продолжил. — Вчера ты была не из пугливых.

— Чего? — я ошарашенно повернулась к мужчине и бросила взгляд на брата. Он сидел в гостиной и со спокойной совестью попивал кофе, при этом наблюдая за нашей перепалкой с легкой улыбкой на губах.

— Говорю, вчера ты была более раскрепощенной.

— Где это ты меня вчера видел?

— Хм, очень интересно, — пропел он. — Вообще — то это я тебя сюда привез.

Мои глаза только что из орбит не вылезли.

— Ты меня силой сюда привез?

— Пришлось. Ты же пьяная была вдребезги. Трех мужиков хотела снять, — говорит так серьезно, словно это правда.

— Ты врешь!

— Конечно, вру. — Он наклонился к самому уху и добавил так, чтоб не услышал Андрей. — Ты ведь хочешь только меня...

— Не дождёшься, — ответила я и, взяв свою чашку, села рядом с братом.

— Как дела в салоне? — спросил у меня Андрей.

Ах, да! Я не рассказывала, что у меня есть салон красоты. Ему скоро будет всего лишь год, но мы успели себя хорошо зарекомендовать. И мои ребята, мастера, и дня не сидят без работы. Я сама парикмахер, и порой меня с работы не выгонишь. А порой не затолкнешь, вот, как сегодня, например.

Открыть салон мне помог братик, конечно же, вместе с Иваном. Они сами нашли мне помещение, разработали интерьер, завезли всю мебель и даже материалы с инструментами для работы салона. Откуда они все узнали, мне неизвестно, но не ошиблись ни в чем. Даже персонал подобрали отличный. И вот когда мне стукнуло двадцать четыре, я получила салон в подарок. Это было совершенно неожиданно, и моему счастью не было предела. Потому как сама мечтала открыть хотя бы маленькую парикмахерскую. А здесь — целый салоник.

На самом деле я только для персонала считаюсь директором. В действительности это не так. Приняв подарок, я попросила брата, чтобы он записал «Beautiful flower» на себя. Брат долго сопротивлялся, но, все же, записал. Но только на Ивана Вишневого. Как же я была зла.

— ...так что, пусть проведет семинар, — услышала слова вышеупомянутого.

— Эй, вообще-то брат у меня спросил, — вспыхнула я и глянула на Ивана.

— Ласточка, ты минут пять уже в облаках летаешь, вот Ваня и рассказал.

— Ничего я не летаю в облаках. Он меня просто перебил, — вывернувшись я и, встав, отнесла свою и брата чашки в раковину и быстро их помыла, бубня себе под нос: — Вечно лезет впереди паровоза. Везде хочет успеть.

— Дарья, поехали, я тебя отвезу! Мне сегодня еще в агентство заскочить надо.

— Желаю удачи, но как — нибудь без меня! Домой я доберусь сама. Не хватало еще, чтоб мама подумала, что я у тебя ночевала.

— Я маму предупредил, что ты у меня, — отозвался брат.

— Спасибо, Андрюша, — язвительным голосом пропела я. — Ты, как всегда, помог! — фыркнула и направилась вверх. Дойдя до последней ступени, ответила, — Через два часа буду готова. Хочешь, жди!

Естественно, я собралась за десять минут, но мне просто жизненно необходимо было потрепать нервы Ванечке. А все потому, что не нужно мне указывать, что делать.

— Мамочка, я дома! — забежав, с порога крикнула я.

— Наконец — то. Я смотрю, отлично погуляла, раз домой не доехала. — Мама поцеловала меня и вернулась в гостиную, я шла следом.

— Ага, отлично.

— А как Иван оказался в том же клубе, где и ты?

— Откуда ты знаешь, что там был Ваня? — я очень удивилась, потому как знала, Андрей бы намеренно не сказал маме.

— Как откуда? Он же позвонил мне, чтобы предупредить, что отвезет тебя к Андрею, — объяснила мне Тамара Николаевна так, словно это само разумеется.

— А! Ну, я же не знала, — только хотела обойти эту тему, как мама снова меня ошарашила.

— Как не знала? Ваня сказал, что ты попросила позвонить.

— Вот... — хотела ух как его обозвать, но при маме точно не стоит, — мог бы и предупредить, чтобы я душой не выглядела теперь.

— Так как вы встретились? Кстати, что ты праздновала?

— Я гуляла с Наташкой в клубе Андрея, просто решили развеяться. Там и встретили Ваню. Ты же знаешь, он там частый гость.

— Ладно. Дашенька, я хотела с тобой поговорить.

— Слушаю тебя, мам.

— Папу зовут на несколько месяцев в Штаты по работе. И он хочет, чтоб я поехала с ним. Как ты на это смотришь?

— А как я должна на это смотреть? Это идеально. Езжай, конечно, заодно развеешься.

— Правда? — у мамы вмиг засияли глаза, и она пересела ко мне на диван и прижалась, — я просто переживаю за тебя. Как ты будешь здесь одна?

— Почему одна, мамочка? А Андрюша? Мы же с ним постоянно видимся. К тому же, еще и Ваня есть, — упомянула я невзначай. — А салон? Ты же знаешь, что я постоянно зависаю на работе. И кстати, мне не пятнадцать лет, и дома могу остаться одна. И кушать приготовить смогу уж точно. Я буду очень рада, если ты поедешь с папой. — Я обняла маму в ответ, а она только счастливо вздохнула, соглашаясь.

Ваня.

После того, как отвез Ласточку домой, я отправился в агентство, чтобы уладить пару нерешенных вопросов со своим замом. А уже после обеда был свободен. Сразу решил заехать в игровой центр, где должны находиться Макс с няней.

С самого рождения мне с сыном помогала мама, а когда малыш подрос, я нашел для него няню. И вот, Нина Васильевна стала почти членом семьи.

Женщину я нашел возле батуты. А Макс прыгал на них, поддерживая девочку, младше на пару лет.

— Добрый день, Нина Васильевна, — поприветствовал я ее и оглянулся на сына.

— О, здравствуй, Ваня. Ты быстро сегодня. Все хорошо? — как всегда поинтересовалась женщина лет шестидесяти и с нежностью глянула на меня.

— Конечно. Вы как? Макс не баловался?

— Нет. Ты же знаешь, какой замечательный у тебя сын, — я улыбнулся. Нина всегда хвалит моего ребенка, вне зависимости от его поведения.

— Папа, папа, — обернувшись на голос сына, увидел, что он уже, передав малышку в руки ее мамы, стремглав несется ко мне.

— Привет, сын. Как дела?

— Отлично, пап. Мы сегодня пойдем с тобой в кино? Ты мне обещал.

— Может, лучше дома? — я достаю из внутреннего кармана куртки диск с мультфильмом, на который мы собрались идти. У Макса округлились глаза, и он запрыгал от радости.

— Тогда с тебя попкорн, — выставил требования малыш.

— Договорились, — я хлопнул парню по ладошке и обратился к женщине. — Нина Васильевна, я отвезу Вас домой.

— Спасибо, Ванечка, — и только мы собрались идти, как я услышал женский

навязчивый голос:

— Ванечка, милый, какая неожиданная встреча...

ГЛАВА 3

Ваня.

Ну почему именно сейчас ей нужно было появиться, и именно здесь. В игровом центре! Где я нахожусь с ребенком. Черт! Отморозиться нельзя, поэтому пришлось повернуться.

— Кристина, здравствуй.

— Привет, — она натянуто улыбнулась и нагнулась к Макс, — привет, малыш, как ты? — потрепала его за щеку, что ужасно не любил мой сын.

— Извините, но мы спешим. Правда, папа? — сын посмотрел на меня таким взглядом, что я поверил. Правда, спешим.

— Да, спешим, — она глянула на меня с недовольством и прошептала мне на ухо.

— Позвони мне вечером. Мы так давно не виделись, я соскучилась, — и, улыбнувшись, она помахала своей изящной рукой и пошла прочь.

С Кристиной нас связывал только секс. Но мы, правда, давно не виделись, и я не горел желанием. Ей от меня всегда нужны были только деньги, и она их получала, опять же, после секса. При этом она считала себя достойной девушкой, и не важно, что я платил ей за ночь. Словно шлюхе.

— Ну, что? Пойдем? Нина Васильевна, все в силе. Я Вас отвезу.

Мы направились к выходу, и по дороге к машине Макс задал мне вопрос:

— Пап, что это за тетка была?

— Макс, не тетка, а тетя!

— Ну, если бы там была тетя, я бы так и сказал. Но там была именно тетка! — продолжал утверждать ребенок.

— Ладно, тетка, — согласился я, зная, что если сын так решил, его не переспорить.

— Так кто она? — снова задал интересующий вопрос.

— Пф... Сын, что ты такой любопытный?

— А чего она тискалась к тебе?

— Я не понял. Ты где таких слов понабрался?

— Там уже их нет. Это секрет.

— Опять Даша?

— А чего сразу Даша? О! Вот она не тетка, она девушка, — довольно пропел Макс, отчего у меня чуть челюсть не отпала.

— Так, бегом в машину! — я помог няне забраться в авто, а после усадил и сына. — А с тобой, молодой человек, мы дома еще обсудим эту тему!

— С радостью.

Мы завезли Нину Васильевну домой, а потом поехали в супермаркет купить кое-какие продукты. Естественно, с ребенком сильно не побегаешь. Особенно, когда он такой, как Макс. Любопытный, сующий нос в отделы сладостей и игрушек. В итоге, из маркета мы вышли с попкорном, как я и обещал сыну, с двумя пакетами конфет и кучей вредной воды. Что будет есть папа, то бишь я, Макса не волнует.

— Сейчас приедем домой, я достану из морозилки мясо, пока оно разморозится, ты искупаешься, а потом я его пожарю вместе с твоими конфетами, — сказал я, загружая покупки и сына в авто.

— Фу. Па, что за извращение?

— Я не пойму, что снова за слова?

— С нужными людьми общался, — отвечает мне сын и направляется к себе в комнату.

— Иди сюда!

— Это еще зачем? Бить будешь? — непонимающе глянул сын на меня.

— Угу, отлуплю. Чтоб много не разговаривал, — пригрозил я строгим голосом.

— Да ладно, пап. Я-то знаю, что ты не будешь этого делать, — вот мелкий засранец.

Макс подошел ко мне и поставил руки на пояс.

— Макс, давай договоримся? — он кивнул головой. — Раз ты разбрасываешься такими словечками, то будь добр, не при Нине Васильевне.

— Договорились, батя, — о Боже, кого я воспитал!

— Отлично. Теперь в душ.

Я быстро приготовил мясо с макаронами, нажарил сырников и заварил чай для Макса и кофе для себя. Ребенок любит плескаться под душем, а потом еще может полчаса укладывать свои волосы. Когда он успел таким стать? Я не знаю. Как — то так все в один момент у него перевернулось. Или он таким образом начал взрослеть, или он переобщался с Дашей.

— Папа, я все. У тебя так вкусно пахнет, — сын вышел в пижаме и с мокрой головой. Что очень странно, ведь он около часа провел в ванной.

— Садись за стол, будем ужинать. — И только мы уселись, как раздался звонок домофона. — Хм, кто бы там мог быть? — я встал и прошел в прихожую. Увидев на экране гостя, я немного удивился, но томить не стал, сразу же открыл дверь.

На меня смотрят до безумия невинные глазки и хлопают своими длинными ресницами.

— Привет, эм... У меня тут неподалеку машина сломалась. И я подумала... — голос, словно она натворила что-то, в чем боялась признаться. Прямо, как в детстве.

— Проходи.

— Правда? Спасибо. Где Макс, дома? — тут же оживилась Даша, что меня ни капли не удивило.

— Нет. В клуб пошел с девчонками. — Девушка округлила глаза, и я улыбнулся. Поняв что я шучу, она расхохоталась.

На ее смех выбежал сын.

— О, Дашка, привет! — воскликнул сын и обнял девушку.

— Привет, чувак, — она обняла его в ответ.

— Так все же Даша, кто бы сомневался. Ладно, мы ужинаем, присоединишься?

— Я не голодна, спасибо, — мы все вместе прошли в кухню. Даша уселась на соседний стул и смотрела на нас по очереди. — Чем займемся?

— Мы собрались с папой мультик смотреть. Попкорн будем есть. Все, как в кино, — похвастался ребенок.

— Отлично. Можно мне с вами?

— Конечно, можно! — довольный ребенок чуть ли не прыгал на стуле.

— Макс, прошу, поешь спокойно, либо никаких мультиков, — попросил я, и сын тут же успокоился.

— О! А вот кофе я хочу, спасибо, — Даша, не спрашивая, взяла мою чашку с кофе и отпила.

— Это был мой кофе, но ты, конечно же, можешь его выпить.

— Я так и подумала.

После ужина Даша вызвалась помыть посуду, но я был против, сказав, что сам в

состоянии это сделать. Девушка уселась с Максом смотреть мультфильм, а я остался в кухне.

Никогда не понимал Дашу, чего она хочет. Если я к ней со всей душой, она меня отталкивает, если я к ней холоден, она липнет ко мне, словно липучка. Но, до чего же красивая липучка.

— Ванечка, — о, уже ей что-то нужно от меня.

— Да, Дарья, — ответил я и бросил на нее взгляд.

— У меня тут авария произошла...

— Так что, все-таки машина не ломалась, а ты ее разбила?

— Я не об этом, — голос, как у маленькой девочки, — можешь посмотреть, что у меня там? — она повернулась спиной ко мне и начала немного задирать кофту. — Мне кажется, у меня лифчик расстегнулся. Поможешь? — и повернула голову, посмотрев на меня через плечо все тем же невинным взглядом.

В один миг в кухне атмосфера накалилась, даже интимной стала, что ли. Учитывая еще то, что перед этим я оставил включенным свет только на шкафчиках.

Подойдя к девушке, я приподнял ей кофту, лифчик действительно был расстегнут, только вот случайно или... Я нежно прошелся пальцами по ее идеальной спине, услышал ее легкий вздох, и, не раздумывая, нырнул рукам под чашечки бюстгалтера, при этом резко прижав ее к своему телу. Девушка вздохнула громче и выгнулась. Она попкой могла чувствовать мой член.

Я аккуратно зажал ее соски между указательным и средним пальцами, грудь тут же набухла. Стала более округлой и манящей. Я сжал ее чуть сильнее своими ладонями и услышал легкий стон. Правой рукой начал движение вниз, порхая пальцами по ее животику. Когда рука дошла до пояса джинсов, я замер и смог почувствовать, как девушка возбуждена. Она вся трепещет в моих руках, тает, словно кусочек льда, и растекается по моим рукам. Я только хотел расстегнуть пуговицу, как услышал окрик сына:

— Папа, вы скоро? Все починили? А то мультик уже начался.

Я выдохнул одновременно с Дашей и начал поправлять на ней одежду, не забыв при этом застегнуть лифчик.

— Интересно, что ты сказала ребенку? — спросил я, немного задыхаясь, но Даша не ответила, лишь глянула на меня с улыбкой, и только хотела отвернуться, чтоб выйти, как на секунду припала к моим губам, прошептав:

— Хоть раз закончи начатое, — выбежала из кухни.

Вот сучка. Проворная сучка. Ничего, я тебе однажды устрою, на всю жизнь запомнишь.

Выключив свет в кухне, я направился в гостиную, но как раз когда я проходил мимо двери, кто — то позвонил. Глянув на экран, я увидел Кристину. Отлично просто. Лучше не бывает. Даша сейчас здесь все разнесет. Но если я не открою, будет только хуже.

— Милый, привет. Я мимо проезжала и решила к тебе в гости заглянуть. Малыш уже спит? — тараторила без остановки.

— Кристина, ты не вовремя... — только успел я сказать эти слова, как из гостиной вышла Даша, и я понял, это пи*дец.

— Дорогой, а кто эта фифа?

— Даша, это...

— Меня зовут Кристина, я любовница Ванечки, — пропела она и глянула на меня.

— О! Ванечка, ты хоть бы подождал, пока я уйду. Зачем сейчас позвал? — Ласточка глянула на меня, а потом обратила свой взор на фифу.

— Я, кстати, Даша. Жена Ванечки, оп, — она протянула правую руку к лицу Кристины и показала ей обручальное кольцо. Что? Какое кольцо? Какая жена? Я ничего не понимал. — Уяснила? — та кивнула. — А теперь проваливай! И чтоб я тебя здесь больше не видела, иначе я тебе зубы повыбиваю. Я тебе обещаю, — злым голосом проговорила Даша и выперла Кристину за дверь.

— Даша, — позвал я.

— Не дай Бог быть твоей женой и каждый вечер выпроваживать шлюх.

— Тебе точно не быть моей женой.

— Это хорошо. Я бы не хотела тебя после них.

— Можешь расслабиться, я тебя тоже не хочу. Но вот у меня мог быть сегодня секс, если бы ты...

— С этой фифой? Да мне противно было глянуть на нее! — она сделала удивленное лицо, и я решил немного ее поддеть.

— Я тебя не звал! Еще и кольцо это дурацкое нацепила, — девушка застыла с открытым ртом и, хлопая глазами, тихо произнесла:

— Извини.

Я прошел в ванную комнату, принять душ, а она направилась в гостиную. Под струями воды я смог немного успокоиться и решил поговорить с девушкой. Возможно, даже попросить прощения за сказанное, но, когда я вышел, Даши не оказалось дома.

ГЛАВА 4

Даша.

В понедельник утром мне позвонил брат, сообщив о том, что в среду у меня состоится семинар. Ко мне приедут студенты из института. И, конечно же, меня не могло это не удивить. Работа для меня — очень важная часть жизни, и эта новость просто ошарашила. Приятно так ошарашила.

— Андрюш, а ты мне не скажешь, почему об этой новости я узнаю от тебя?

— Я бы тоже хотел это понять, но твой друг не стал мне этого объяснять.

— Нет уж. Это твой друг, — сказала в трубку брату, громче, чем стоило бы.

— Даша, я не знаю, что вы не поделили.

— Мы ничего не делили. Андрюша, давай сменим тему. Есть более важные дела, чем разговоры об этом болване.

— Я тебя внимательно слушаю.

— Мне нужны два мастера.

— Что ты уже сделала со своими мастерами?

— Ленка уходит в декрет, а Сашка уезжает в Испанию. В общем, бросили меня ребята, — я, конечно, расстроилась по этому поводу, так как ребята — отличные мастера, но ничего с этим поделать не могу. Девушка уже на седьмом месяце, и я знала, что ей нужна замена.

— Может быть, попробуешь присмотреть кого — то на семинаре? Уверен, там есть талантливые ребята, — подал идею мне брат. А что, очень даже может быть.

— Братик, ты гений. Я тебя люблю, — я радостно запищала, кайфуя от этой идеи.

— Кто бы сомневался, Ласточка. Ну, все, мне пора немного поработать. Будут вопросы, звони.

— Целую, пока.

Ну, что же, будем воплощать идеи в реальность. Сегодня у меня две записи, завтра

проводим с Андрюшкой родителей, ну а послезавтра проведу семинар, глядишь, и подыщу там себе мастеров.

Отпустив первую клиентку, я решила смотаться к Наташке, так как до следующей записи у меня свободных два часа. А подруга работает недалеко, вернее, как работает, руководит. У нее свое кафе, небольшое, но достаточно уютное. Мы всегда с ней болтаем на веранде за чашечкой кофе. Вне зависимости времени года, потому как на зиму веранду закрывали, и было очень уютно сидеть там и наблюдать, как, например, сыплется снег.

Сегодня я довольствуюсь тем, что смотрю в панорамное окно на дождик, который только начал накрапывать. Наташа давала указания официанту в главном зале, и я могла видеть, как на ее хорошеньком личике проскальзывают нотки командира.

В помещении было насколько тепло и уютно, что я словно ощущала себя дома, осталось плед накинуть на плечи, и тогда точное попадание в сравнение. Кстати, эта деталь тоже имелась, и была особенно кстати, когда окна открыты.

Я уже минут десять, как довольствуюсь своим латте, да и внешним миром, как вдруг у меня зазвонил телефон. Глянув на экран, я немного удивилась вызываемому абоненту, но медлить не стала, взяла трубку:

— Что вдруг понадобилось такой важной персоне от незваной гостьи?

— Давно не слышал ее сарказма, вот и решил позвонить, — было мне ответом.

— Тогда good bye.

— Ласточка, прекращай. Нужно поговорить по поводу семинара. — Этот голос сводит меня с ума, но я не собираюсь от него таять. Моя обида сильнее.

— Я Вас внимательно слушаю, Иван Сергеевич.

— Через полтора часа хочу видеть тебя в салоне, — сказал этот засранец.

— Через полтора часа у меня запись, — передразнила его и добавила: — В салоне. Так что, придется Вам перенести нашу встречу.

— Я подожду! — ответил мне Иван, слегка повисив тон, и бросил трубку.

— Вот наглец! — взбесилась я и бросила телефон на стол.

— Кто он? Кто посмел разозлить мою подругу? — я вздрогнула, потому что не слышала, как подошла Наташа.

— Ооо... Ты можешь угадать с первого раза, подруга.

— Подожди — ка, это случайно не тот кареглазый красавчик, который частенько опшывается у тебя в салоне? — Наташа сделала умный вид, словно она действительно пыталась понять, о ком речь.

— Ага, опшывается, — фыркнула я. — Он там практически прописался. Нет, чтобы в агентстве своих строить, так он приезжает в салон и отдает мне распоряжения.

— Ну, начнем с того, что ты сама виновата. Могла полностью на себя салон оформить, и все было бы прекрасно.

— Могла, могла, — начала бубнить себе под нос, а потом резко прикрикнула: — Не могла!

— Не могла. Балда ты, Ласточка, балда.

— Ты прекрасно знаешь, бумажки — это не мое. Мне бы ножничками волшебничать — вот это — да!

— Тогда зачем с Ваней так себя ведешь?

— А это для профилактики, — больше я ничего не ответила, решив в молчании допить свой латте.

Я никогда не любила говорить о Ванечке, особенно с подругами. Они меня не понимают, оттого мы можем поругаться. А с мамой проще говорить на эту тему. Ей нравятся Иван и Макс. Да и мама всегда меня поддержит. Сколько раз она выслушивала от меня разную болтовню и никогда не упрекала ни в чем. Разве только могла немного поругать за глупости.

— Такого мужика бортуешь... — проговорила Наташа и отвернулась к окну.

— Никого я не бортую.

— А как это, по-твоему, называется, Даш? Он же тебя обожает, — поясняла она. — Ради тебя готов на все пойти, а ты...

— А что я? — меня начал бесить ее тон. — Наташа, ты ничего не знаешь! — я встала из-за стола и схватила сумку, намереваясь уйти, но подруга меня окликнула.

— Будешь себя так вести с ним — останешься с носом. — Я посмотрела на подругу в тот момент, когда она посмотрела в мои глаза. — Некоторые годами ищут то, что вы рушите за минуту. — На этих словах подруга резко встала и оставила меня одну.

Я знаю, что эти слова прозвучали не просто так, и они имели смысл. Глубокий. Но именно сейчас я не стала акцентировать на этом внимание. Будучи немного обиженной, я молча ушла из кафе.

Зайдя в кабинет, я прислонилась к двери, закрыв глаза, выдохнула и немного расслабилась. Намереваясь пойти к столу, я открыла глаза и вздрогнула, увидев перед собой Ивана. Он стоял в полуметре от меня и сверлил пронзающим взглядом. Словно читал по лицу все мои мысли, эмоции. У меня в животе начало все бурлить от чувств к этому мужчине. До чего же он красивый, невероятный...

— Ты меня сейчас сожрешь взглядом...

... и наглый.

— Какого черта ты здесь делаешь? — я потихоньку начала отходить от ступора и, решив сразу не теряться, пошла в нападение.

— Соскучился по своей Ласточке, — тихо ответил мне Иван и подошел вплотную, так, что еще чуть — чуть, и мне нечем будет дышать.

— Ласточка совсем не скучала, — начала врать, тая на него обиду. Я еще не простила ему те слова, сказанные в мой адрес у него дома. Никогда не думала, что он в штыки воспримет мое присутствие в гостях.

— Врешь, — секундное молчание. — Сладко врешь, — коснулся пальцами моего лица, и я задержала дыхание. Рука проследовала вниз по шее, через ключицу, и дотронулась холмика левой груди. Мое сердце участило биение, и легкие начали жечь, так как я забывала дышать. Резко выдохнув, тем самым показала свои эмоции, и мужчина довольно улыбнулся. — Только не говори мне, что ты не возбуждена. Твое лицо все говорит за тебя.

— Нахал, — еле пролепетала я.

— Еще и какой... Хочу почувствовать, какая ты там мокрая и горячая, — резкий выдох, и его губы накрывают мои, а рука перемещается к пуговице джинсов.

Расстегнув их, он скользит пальцами в трусики, и я снова задерживаю дыхание. Я так долго ждала этого момента, так давно хотела ощутить его пальцы на себе, а еще лучше — в себе. И Иван, видимо, прочитав мои мысли, вошел двумя пальцами в меня. И я забыла, как дышать. Его пальцы начали медленно двигаться, доводя меня до предела. Большой палец лег на клитор, и Ванечка начал массировать его круговыми движениями.

Я откинула голову на дверь и прикрыла глаза, довольствуясь невероятными

ощущениями, которые дарит мне этот желанный мужчина. Он еще недолго доводит меня этими сладкими муками, после чего вытаскивает пальцы из моего лона и подносит их к своим губам. И медленно, смотря мне в глаза, облизывает их, от чего меня бросает в жар, мгновенно и отчаянно. Я не выдерживаю и прикипаю к его губам, чувствуя вкус, соединяющий нас.

Ваня, схватив меня одной рукой за голову, страстно пожирал мои губы в поцелуе. Вторая рука начала расстегивать пуговицы моей рубашки. И если бы он меня не целовал, то явно не стал бы церемониться с каждой застежкой, а давно все вырвал.

Распахнув рубашку, он рукой прошелся по животику, двигаясь к груди, и мгновенно расстегнул лиф, благо, крючок находится впереди.

— Шикарная... — глубокий поцелуй. Руки уже на груди, мнут ее, пощипывают соски. Он со стоном продвигается по шее в легких поцелуях и добирается до холмиков.

— Вымаливай прощение, — мне удалось даже съязвить, после чего получила легкий укус за грудь, совсем нежный и ласковый.

Мужчина отстранился от груди и, схватив меня под попку, понес к столу, куда и усадил. Коснувшись легко моих губ в поцелуе, он отстранился и заглянул в глаза. То ли ища ответа в них, я не поняла, но он тут же немного наклонился и начал снимать с меня джинсы. Расправившись с ними, он снял надоевшую рубашку с лифом и снова посмотрел мне в глаза. Меня начали доставать эти гляделки, и я, притянув его за шею, проговорила у самых его губ:

— Тра*ни меня, ты же обещал.

И он, не думая, срывает меня со стола, разворачивает и нагибает над ним же. Моя горящая грудь чувствует прохладу дерева, но это ни капли меня не остужает. Иван плавным движением снимает с меня последнюю деталь — трусики, и на секунду отстраняется. Судя по шуршанию, он раздевается и, не заставляя меня ждать, начинает входить медленно, по чуть-чуть, растягивая меня для себя. Погружается все больше и больше, постепенно, на всю длину.

— Ого. Большой! Ах... — резкий толчок... — И страстный.

— Закрой рот, Даша, — приказал Иван и толкнулся в меня еще сильнее, и в этот момент мне показалось, что у меня полетели искры из глаз. Так здорово мне сейчас, так сладко. Наконец-то я его получила, всего. Так давно ждала этого, но я не покажу свою слабость, пусть даже не думает об этом.

Он продолжал двигаться во мне, распалая еще больше, давая то, чего не могли мне дать другие мужчины. А он мог, причем, все и сразу.

Его левая рука лежала на моей пояснице, при том как правая держала за бедро, чтобы я не билась об стол. От его чутких прикосновений и страстных, сильных толчков, я почувствовала, что вспотела. Неужели такое бывает? Никогда не думала об этом, вернее, не те партнеры были, чтобы думать о таком.

Толчки ускорились, мои стоны становились громче, и в этот момент я подумала, как замечательно, что у нас хорошая звукоизоляция. Иначе бы не только мастера, но и клиенты слышали бы мои стоны, что привело бы к негативным отзывам о салоне. Иван входил настолько глубоко, насколько только мог, доставляя мне удовольствие, и я почувствовала, как на меня надвигается оргазм. Стенки влагалища начинают сжиматься, обволакивая член мужчины, и придавая еще больше чувств. И я почувствовала, как меня настигла темнота. Мощный оргазм перекрыл перед глазами все, и я рухнула на стол, обессиленная.

Ванечка не заставил себя долго ждать, сделав несколько мощных толчков, он кончил,

оставшись глубоко во мне. После он рухнул на меня, при этом держась на локтях, чтобы не раздавить своим весом. Теперь я могла почувствовать, насколько мокрый Иван. Он тяжело дышал и немного подрагивал в такт моему телу. Это, наверное, отголоски оргазма.

— Ну, все, вставай, мне тяжело, кабан, блин.

— Ты неисправима. Нет, чтобы сказать, как тебе было хорошо, ты начинаешь задираться.

— Это ты должен радоваться, что, наконец, я тебе досталась.

— Кто-то в порыве страсти сказал, какой у меня большой член.

— Так то в порыве!..

— Дарья!

— Да что? Большой, большой, не переживай! Только когда возбужден, — шепотом добавила, скрываясь в душевой, которая пристроена к моему кабинету.

— А ну, иди сюда!

— Сам иди. У меня тут жарко...

ГЛАВА 5

Ваня.

— Говоришь, жарко у тебя? Я сейчас проверю, — сказал я, двигаясь в душевую к Даше. Девушка запищала, пытаясь закрыть дверь, но я вовремя успел ее, дверь, схватить. Ласточка снова пискнула и отбежала в дальний угол маленькой комнаты. — Ты чего убегаешь? Сама же позвала.

— Ну, да, конечно! Это не значит, что я тебя приласкаю.

— Я сам тебя приласкаю.

— И я еще тебя не простила!

— Простишь сразу же!

— Перебьешься, — снова выпалила она в порыве. — И вообще, у меня сейчас клиентка будет.

— У нас еще полчаса есть.

— Ну, ты и скорострел. Я люблю подольше.

— Ласточка, хватит испытывать мое терпение.

Даша стояла уже в душевой кабинке, моргая своими глазищами и тяжело дыша.

— И ничего я не испытываю, — томно проговорила, при этом опустив свой взгляд в пол. — Или испытываю, но совсем не то.

— Даша, — я подошел к ней и поднял голову, слегка коснувшись пальцами ее подбородка. — Ты должна говорить мне обо всем.

— Чего? — удивленно. — Облезешь! — выкрикнула эта колючка и резко открыла кран. Холодная вода обрушилась градом на наши обнаженные тела. Даша скукожилась от холода и глубоко вздохнула, прильнув ко мне.

— Чего тогда прижалась? — с усмешкой спросил я, и девушка хотела отойти, но я не позволил. — Стой!

— Тогда хватит болтать, — съязвила она и прильнула к моим губам. Я на ощупь переключил кран на теплую воду и уже через пару секунд почувствовал, как Даша расслабилась в моих руках. Согрелась. Доверилась и полностью отдалась.

Я приподнял ее на руках, и девушка смогла обхватить ногами меня за бедра. Даже сквозь теплую воду я чувствовал, какая она горячая там, в самой сердцевине своей женственности. А Даша, не стесняясь, ерзала по моему члену, распаяя меня еще больше. Я

же, в свою очередь, целовал все ее тело, куда только мог достать. Нашел на шее быстро бьющуюся жилку и лизнул языком, отчего девушка вздрогнула и прижалась ко мне еще сильнее.

Мы смотрели друг другу в глаза, не в силах отвести взгляды. Ласточка прижата моим телом к стене, гладит тоненьким пальчиком меня по брови. Недолго думая, снова касается моих губ в легком поцелуе. Отстраняется и пронизывает испепеляющим взглядом. И в эту же секунду, не до конца понимая, что происходит, я чувствую, как она сама насаживается на мою эрекцию. Я резко вздыхаю и подаюсь вперед, что дает возможность глубоко проникнуть в ее лоно.

Даша прикрыла глаза, и я мог видеть, как подрагивают ее ресницы, а губки слегка приоткрыты. Она ловит воздух ртом, в такт моим толчкам. Цепляется руками за плечи, вбивая свои ногти мне в кожу. Скорее, это должно быть больно, но я только еще больше возбуждался, зная, что приношу не меньшее удовольствие столь желанной девушке.

После нескольких сильных толчков я почувствовал, как Ласточка задрожала, растворяясь в экстазе. Давая возможность полностью окунуться в оргазм, я продолжал толкаться в нее, с каждым разом сильнее и сильнее. Резко выйдя из нее, я опустил Дашу на ноги и развернул к стене. Ее идеальная спина выгнулась, предоставляя моему взору шикарную округлую попку.

Правой рукой скользнул к манящей груди, сжал ее и слегка ущипнул за сосок, вызвав стон Ласточки.левой рукой коснулся ее бедра и плотно прижал к себе, снова осторожно проникая в ее влагу. Такую манящую и сладкую.

С этой девушкой невозможно о чем-то думать, кроме нее. Она дарит самые невероятные ощущения, и не важно, ласковая она в этот момент, или снова язвит. Даже ее острый язычок не в силах испортить теплое, нет, скорее даже горячее отношение к ней. Мне порой кажется, ее колкие фразы возбуждают меня больше, чем следует. А следует ли вообще, чтобы меня возбуждал ее сарказм? Чтобы я реагировал на все эти слова с улыбкой. Но этой невероятной занозе удастся все.

Я продолжал входить в нее, лаская руками грудь, позже скользнул по животу вниз, дойдя до ее клитора, и моя рука замерла. Буквально в нескольких миллиметрах я держал пальцы от ее чувственного бугорка эмоций. И мог ощущать, как в ее животе все скрутилось в тугую узел. А я приподнял ей правую ногу, чтобы войти в нее еще глубже, создал нужный угол и полностью увяз в этом невероятно сногшибательном теле. Сам задрожал всем телом, в голове все затуманилось. Мысли и вовсе исчезли, уступая место только эмоциям. По коже — множественное количество мурашек, и невероятный кайф от сближения с моей Ласточкой. Толчки мои ослабли, но я хотел снова довести Дарью до оргазма и, все же, опустил руку на клитор, массируя, лаская, давая выход эмоциям.

Я сразу почувствовал членом, когда она кончила, сжимая его своими горячими, мокрыми стенками. Словно поглощая его. Вбирая всего, до остатка.

Даша руками держалась за стену и постанывала, не в силах контролировать свои эмоции. Она словно погрузилась в другой мир и отдалась ощущениям, которые ее одолевают. Голова склонена вниз, спина по-прежнему выгнута, только ноги, похоже на то, что совсем не хотят ее держать. Выйдя из тела девушки, я аккуратно повернул ее и поднял, ступая под теплые струи воды, давая им возможность обмыть нас, привести в чувства и просто смыть липкость с наших тел.

Она обняла меня руками за шею и уткнулась в нее носом.

— Ну, что, простила? — шепотом спросил я, помня о ее пререканиях.

— Простила, после такого невозможно не простить, — с улыбкой на губах пролепетала Дарья и слегка укусила меня за плечо.

— Не дразнись... Ты меня снова возбуждаешь, — посетовал я, намекая на нехватку времени.

— Я только этого и добиваюсь.

— Из-за тебя у меня совсем не осталось свободного времени. Выгляжу, как курица. Причем, мокрая, — возмущалась Дарья, застегивая пуговицы на рубашке. Она пыталась пальцами уложить мокрые волосы, при этом делая макияж. Она, конечно, молодец, но не Юлий Цезарь. — Нет, ну это же капец. Иван! — прикрикнула на меня, — Что ты ржешь? Пойди, принеси мне лучше фен из зала, — в приказном тоне сказала девушка. Я опешил от такого ее поведения и решил немного усмирить. Подошел и резко развернул ее к себе, несильно взял за волосы и потянул вниз, чтобы заглянуть в ее глаза.

— Ласточка, не забывай, с кем разговариваешь. Я не шавка. Не стану терпеть такое поведение. Поэтому тон немного сбавь, и больше меня не огорчай. Договорились, милая? — проговорил ей в губы и хотел поцеловать, как она выпалила.

— Не шавка. Безусловно. Только скажи, кто ты для меня? Кого ты сейчас брал? Там! В душе. — томно шептала мне в ответ. Ее глаза бегают, ища, куда бы уткнуться. И дышит так тяжело, что грудь поднимается. — С кем ты сейчас был? С очередной своей шлюхой? Только вот я... — Я не дал ей договорить этот бред, перебил, пока она окончательно не наговорила глупостей.

— Тебе повезло, что сейчас придет клиентка. Иначе бы я тебя отг*ахал еще разочек за такие мысли.

Больше ничего не сказав, я вышел за дверь, намереваясь принести занозе фен. Но, дойдя до нужного места, я остановился, слегка опешив. На Дашином рабочем месте, успешно расположившись в кресле, словно на троне, восседала не кто иная, как Кристина. Девушка расчесывала свои золотистые кудри и смотрела при этом в зеркало. По всей видимости, она узрела меня, так как, резко отняв расческу от волос, она развернулась вместе с креслом. Черт, ну какого хрена из тысячи разнообразных салонов она выбрала именно этот?

— Ваня, а что ты здесь делаешь? Так неожиданно встретить тебя в салоне красоты, — радостно щебетала она, вставая со своего трона и направляясь ко мне.

— Действительно, странно. Как будто я не могу прийти просто подстричься, — съязвил я, не совсем довольный ее появлением здесь.

— Нет, что ты, можешь. Просто я как-то не готова к нашей встрече, совсем не в том наряде, чтобы...

— Расслабься, — перебил я. Меня начал утомлять ее бесполезный треп. Можно подумать, я здесь из-за нее. — У меня здесь немного другие дела были, и они не связаны с тобой.

— Прости, работа, я забыла. Черт, где эта парикмахерша, я уже задолбалась ждать, — говоря эти слова, Кристина следила за тем, как я брал фен. А отходя от нее, я тихо сказал:

— Бежала бы ты отсюда, бежала бы...

— Держи свой фен, суши волосы и уматываем отсюда, — сказал я Даше, протягивая фен.

— В смысле, уматываем? — она смотрела на меня с непониманием, а ее глаза были, словно пять копеек. — Меня там, наверное, уже ждут, а я все здесь вожусь со своими волосами.

— Уже никто не ждет, клиентка позвонила и отменила запись, — начал я врать, не зная, что придумать. Если Дарья увидит Кристину, той несдобровать.

— Ванечка, — подозрительно ласковый голос. — Вообще-то эта девушка звонила мне на личный телефон и, в случае отмены, перезвонила бы тоже мне. Думаю, ты что-то путаешь.

Блин, вот я и попал. Пока я думал, как бы сделать так, чтобы Даша не выходила в зал, она успела быстро уложить волосы и уже встала со своего места.

— Я бы хотела, чтобы ты меня дождался, и мы могли бы поговорить о семинаре.

— Дарья, послушай!

— Вань, мне некогда. Давай после, — ответила мне Ласточка, и я понял: это капец.

ГЛАВА 6

Даша.

Я поспешила в зал, недовольная тем, что задержалась. Не люблю задерживаться, потом оправдываться, да и вообще, это некрасиво. А сегодня у меня весь день в бегах. Ох, Ванька, красавчик. Решил меня соблазнить, прям на работе, ну, а я, конечно же, не против. Как же я давно мечтала оказаться в его объятьях, в его кровати, ну или не совсем в кровати. Неважно, где, главное — с Вишневым. Так, все, мысли прочь, работа сейчас — на первом месте. Стоп! А это еще что такое? Что здесь делает это чучело? Да еще и на моем рабочем месте! Эм... Это что получается? Она моя клиентка? О, Боги! Так вот почему Ванечка засобирался свалить отсюда. Хотел побережь зубки этой кучерявой? Ну, что же, удачи тебе, рыжуля.

— Привет, красотка. Не меня, случайно, ждешь? — я улыбнулась ей своей самой шикарнейшей улыбкой и подмигнула.

— Нет, мне пора, — тут же засуетилась рыжая и хотела встать с кресла, но я вовремя осадила ее, надавив рукой на плечо.

— Сидеть! — громко сказала я, что даже некоторые посетители салона обернулись в нашу сторону. — Ты у меня по записи, — добавила я тихо и принялась надевать пелерину на клиентку. Закрепляя ее сзади на шее, я затянула немного туже, чем следовало, от чего Кристина кашлянула и дернулась. — Ты чего, дорогая?

— Может, я — того? Пойду? — жалобным голосом проговорила девушка.

— То, что ты — того, — я для пущей убедительности покрутила пальцем у виска, причем, у ее виска, — я знаю. Как только увидела тебя, сразу поняла — ТОГО. — Я крутанула кресло, и она оказалась лицом ко мне, — Ну, чего желает клиент?

— У меня сегодня деловая встреча, и мне нужно выглядеть достойно! Сначала подстриги мне кончики. Еще нужно освежить цвет. А потом подобрать волосы, чтобы шею открыть. В общем, я должна всех поразить.

— Очень деловая встреча, я правильно поняла? — уточнила я, усмехаясь про себя. Рыжая кивнула, и я принялась за работу.

Волосы у нее, конечно, длинные, поэтому длину я трогать не стала, только кончики, по

просьбе клиентки. Резать такой лоск очень жалко, так что тут ей повезло. Что насчет цвета? Освежила. Причем, так охренительно освежила.

Все то время, пока я волшебничала над образом Кристины, Иван наблюдал за нами со стороны. Словно боялся, что я могу зарезать эту крысу. А я бы не прочь, только вот из-за нее не очень хочется мотать срок, а вернее — вообще не хочется.

Делая последние штрихи над прической, я довольно улыбалась. Ликовала всей своей доброй, а порой и не очень, душонкой. То, что я сделала, мне очень нравится. Мне вообще всегда нравится итог моей проделанной работы.

— Ну, чего, красotka? — я снова ей подмигнула. — Готова всех поразить сегодня?

Она делает недовольное лицо и произносит серьезное «да», и я разворачиваю ее к зеркалу.

Оцепенение. Шок. Открытый рот. Резкий, пронзающий вопль. Как же здорово, что последняя клиентка покинула салон, иначе бы она сюда больше никогда не вернулась.

— Дура!!! Ты что натворила? — она прильнула к зеркалу, пытаясь рассмотреть себя.

— Я так рада, что ты в себе рассмотрела дуру, — вокруг нас собрались все присутствующие в салоне, и некоторые из них тихо посмеивались. — Тебе нравится? — я кивнула головой в сторону ее прически.

— Это ты дура! Ты все испортила. Как я покажусь в элитном обществе в таком виде?

— Я тебя умоляю, элитное общество. Наоборот, ты выступишь из толпы.

Смотря на это чудо, — мне хотелось заржать, причем, в голос. Когда-то огненные рыжие волосы, теперь горели светофором. Я надеялась, что моей клиентке это понравится. Чередование красных, зеленых и желтых цветов очень ей идет. Но я решила еще и разбавить эти однотипные цвета и добавила синий, причем, такой яркий, что глаза режет. Обычное, но только с усиленным эффектом — мелирование. Ну, к завершению образа с помощью трафарета я сделала ей на волосах граффити черного цвета. Мышь. Правда, летучая, но это не опровергает тот факт, что она очень подходит светофору. Теперь Кристина точно всех поразит, сразит и затмит.

— Я опозорюсь. И все из-за тебя. Давай, исправляй! Сейчас же!

— И не подумаю. Мало ли, вдруг у тебя от большого количества окислителя волосы вылезут. А я виноватой быть не хочу. И, кстати, — решила ее еще больше поддеть, — волосишки то у тебя — слабенькие. — Я нагнулась к ее уху и прошептала: — А я ведь обещала тебе зубы выбить, так что радуйся, зубы целы, на этот раз. — Я развернулась и направилась в свой кабинет, напоследок добавив: — Можешь не платить, это подарок к деловой встрече.

У самой двери меня настиг Иван и, затащив в кабинет, прижал к стене, не больно обхватив шею. Глаза его очень разъяренные, как и он сам:

— Ты что себе позволяешь? Что устроила там? Даша, я прошу, не переходи границы. — Мои глаза полезли чуть ли не на лоб. Он что, ее защищает?

— Ты что, ее защищаешь? — задала свой вопрос вслух.

— Я не защищаю...

— Не защищаешь, тогда какого хрена ты не хотел пускать меня в зал? Побоялся за свою шлюху, да?

— Даша, замолчи. Ты прекрасно знаешь, что мне на нее плевать!

— Ничего я не знаю, — ответила я и оттолкнула Ивана. Схватила свою сумку и направилась к двери, кинув напоследок: — Счастливо оставаться.

Нет, это же надо так, не ожидала я от него такой подставы. Значит, нашел, кого защищать. Но Ваня хорош, ничего не скажешь. Сначала со мной, в душе, теперь ринулся на защиту рыжей. А я ведь предупреждала — не попадаться мне на глаза. Нет же, она явилась. Еще и в мое кресло. Ужас! Я вам всем еще покажу!

— Доченька, ты чем-то расстроена? — мы с мамой сидели в кухне за чашкой чая. Папа задерживался на работе. Решал последние дела перед отъездом. Мама отвлекла меня от мыслей. — Ты прекрасно знаешь, как я тебя чувствую. Что случилось? С братом поругалась? — мама действительно всегда хорошо чувствовала мое настроение, и сейчас не прогадала.

— Нет, ты что, мамуль, с Андрюшкой невозможно ругаться, ты же знаешь, какой он у нас.

— Знаю, поэтому и удивляюсь. Но мне не нравится твое настроение. Мы завтра уезжаем, и я бы не хотела оставлять тебя в хандре, — с болью в глазах произнесла мама.

— Это пройдет. Просто повздорила с одним человеком. Завтра вечером позову к нам Наташку, она точно поднимет мне настроение.

— Я надеюсь на это. Что нового в салоне?

— В среду намечается семинар. Ребята постарались, — ответила я, отпивая чай.

— Я рада, что ты развиваешься. А с тем человеком, с которым повздорила, помирись.

— Обязательно, мамочка. Как вы с папой? Готовы? Я буду скучать.

— И я буду скучать, малышка. Да, вещи собраны. Завтра в 11 самолет. Андрей приедет. Даша, у меня к тебе просьба.

— Какая?

— Если что-то произойдет, сразу же звоните.

— Договорились, мамуль. Но ты не переживай, все будет отлично.

— Спасибо. Как у тебя дела с Иваном? — невзначай поинтересовалась мама.

— А какие у меня с ним могут быть дела? — вопросом на вопрос.

— Ласточка моя, все видят вашу страсть, вашу тягу друг к другу.

— Мама! — небольшой возглас с моей стороны. — Прошу, давай не сейчас. Да, мне нравится Ванечка, но он слишком самовлюблен.

— Ты плохо о нем думаешь.

— Если бы я плохо о нем думала, вряд ли бы с ним общалась. Есть у меня такой один кандидат на примете, — вспомнила я Николаева, и меня прям трухнуло.

— Что это еще за кандидат?

— Один самовлюбленный, напыщенный индюк.

— Дочь, ты очень критична к нему. Или он тебе нравится?

— Ну, уж нет. Я лучше по Ванечке буду сохнуть, мамуль.

— Ох, Даша, ну ты у меня и чудачка. И когда ты успела вырасти?

— Уже давно, мамулечка, давно.

Проводив родителей в аэропорту, мы с Андреем поехали к нему домой. Часто так

собирались и пили с ним кофе, болтая ни о чем и обо всем сразу. Он рассказывал о работе, о том, как дела в его клубе, порой — о друзьях. Но никогда о личной жизни. Я же, в свою очередь, делилась с ним всем. Даже когда у меня пошли первые месячные, я первым делом побежала к нему, а не к маме. Ох, что тогда было! И смех и грех. Нет, Андрей, конечно, повел себя, как мужчина — купил мне (капец — блин) прокладки. А мама меня немного поругала, сказав, что с этим нужно было идти к ней. Так что, скрывать от брата что либо я не могу. Слишком он мне брат.

— Что у вас с Ваней вчера произошло? — спросил Андрей, делая глоток кофе.

— Эм, а что? — я сделала вид, что не понимаю, о чем он спрашивает, а потом все же отвечаю: — Мы с Ванечкой переспали.

— Боже, Даша, порой ты много мне рассказываешь, — мужчина даже скривился, а потом улыбнулся загадочной улыбкой.

— Чего лыбу давишь? — у него тут же изменилось выражение лица. Стал серьезным и поистине взрослым.

— Что за слова? Ужас!

— Андрей, пей кофе, — глянув на него, я захохотала и опустила голову вниз.

— Ты мне не ответила, что у вас произошло? — снова повторил вопрос брат.

— Так, я же...

— Нет. Дело не в этом. Сомневаюсь, что он был бы огорчен после ЭТОГО, — нарочито выделил последнее слово и заглянул мне в глаза.

— Тогда ничего не знаю, спроси у своего друга, — только ответила я, как прозвучал звонок в дверь. Андрей пошел открывать незваному гостю. Я же думала о том, что сказал брат. Значит, огорчен Ванечка был, ну-ну. Гад такой, курицу рыжую защищал, пожалел, еще и Андрею пожаловался. Прибила бы.

— О, привет, парикмахерша, — с насмешкой произнес Иван. Кто? Я резко поворачиваюсь и вижу перед собой улыбающегося мужчину. Но, до чего же красивого.

— Что ты за мной таскаешься? — не сдержалась я.

— А что ты вечно кусаешься?

— Я не кусаюсь! — воскликнула и встала из-за стола. Как он меня достал! Хотя, он сам виноват. Нечего меня злить.

— Ты только и делаешь, что кусаешься! — произнес Иван мне в самое ухо.

— А это я, наверное, твою рыжую укусила, да?

— Она не моя. Пора тебе это запомнить.

— Подожди! — прикрикнула я, взяв в руки звонящий телефон. — Алло, привет подруга.

— Ласточка, привет. Родителей провели?

— Да, и уже скучаю.

— Это, конечно, грустно. Чем занимаешься? В клуб не хочешь? — предложила Наташа.

— В клуб? — громче, чем следовало, спросила я. — Хочу, конечно. В десять вечера встречаемся там. Целую, — я сбросила вызов и посмотрела на брата. — Братик, вип оставишь мне?

— Без проблем, — ответил он. — Я — к себе. Не поубивайте друг друга.

— Не переживай, Андрюша, я точно останусь живой, а вот за твоего друга не ручаюсь.

— А я не ручаюсь за твой язык, — ответил Иван и глянул в спину удаляющемуся другу.

— В общем, я не собираюсь слушать твои гадости в мою сторону. Или ты извиняешься, и мы все забываем, или я пошла.

— Иди.

— Сам иди, — снова взбесилась я, — к своей рыжей. — На этих словах мужчина хватает меня за руку и словно шипит:

— В сотый раз повторяю: Она не моя! Ясно?

— А кто — твоя? — пишу я и слышу в ответ слова, которые вводят меня в ступор, и я могу только хлопать глазами.

— Ты — моя! Только ты!

ГЛАВА 7

Ваня.

Я практически сказал ей о своих чувствах, только нужны ли они ей? Дарья слишком взбалмошная, чтобы нормально отреагировать. И порой мне кажется — слишком трусиха, хотя пытается показаться смелой. Хочу признать, у нее это отлично получается. К тому же, ее многие боятся, но я-то знаю, какая она на самом деле. Вот, например, сейчас замерла в моих руках, вся такая скованная и хрупкая, что безумно ей к лицу. Стоит с огромными от удивления глазами, моргает и наверняка не понимает, что происходит. Я чувствую, как по ее телу прошла дрожь, и Даша в один момент хочет то ли обнять меня, то ли ударить, но останавливает свой порыв. И еще несколько секунд она смотрит мне в глаза, резко чмокает в уголок губ и вырывается из рук, направляясь к выходу. Я срываюсь за ней и хватаю за руку у самой двери.

— Ты сбегашь, Дарья! Это не серьезно!

— Я вспомнила о важном деле.

— Нет у тебя никакого важного дела! Признайся в этом. Сама себе.

— Я сказала, у меня важное дело!

— Босиком пойдешь? — она глянула на свои ноги.

— Черт, все из-за тебя.

— Ну, конечно, из-за меня. И то, что ты трусиха, тоже из-за меня!

— Я трусиха?

— Ты! Теперь давай, проваливай!

— Не смей меня выгонять. Я не к тебе пришла, а к брату!

— Только теперь срочно убегаешь, — я придвинул девушку за руку ближе к себе и добавил: — Бежишь сама от себя, — она вырвалась, обулась в сапожки и вышла, схватив перед этим пальто с вешалки.

Я несколько минут стою и смотрю на закрывшуюся дверь, и не могу понять, что происходит в моей голове. Эта засранка все постоянно переворачивает вверх дном. Я пытаюсь каким-то образом наладить отношения, а она совсем убегает. Такое чувство, что ей не двадцать пять будет, а семнадцать. Глупышка.

Оторвавшись от созерцания двери, я направился к другу, он уже восседал в гостиной, листая какие-то документы. Я сел на соседний диван, смотря в никуда, и не сразу услышал слова Андрея:

— Друг, тебе Дашка, что, совсем мозги забила?

— Что, прости? Немного задумался.

— Совсем немного, — улыбнулся он и добавил: — Говорю, совсем разругались?

— Порой она невыносима. Мне кажется, что твоя сестра думает, что на мне можно ездить.

— Она капельку разбалована, — виновато проговорил Андрей.

— Совсем капельку! Ты извини, конечно, но я ее немного спущу на землю.

— Я прошу тебя, только без рук.

— Прикалываешься? — удивился я.

— Просто переживаю. Она — моя сестра, и мой долг — ее защищать.

— Я никогда не подниму на нее руку. Максимум — свяжу, — ответил я, и мы вместе засмеялись.

— Лучше свяжи и не отпускай. А то наделает дел со своим характером. — Мы замолчали на несколько секунд, а потом друг спросил: — Любишь ее?

— Очень. Только понять не могу. Сама же липнет ко мне, словно боится, что я исчезну, да и эта сцена в салоне. А сейчас убежала, от меня же.

— Дай ей время. Я думаю, потом сама расскажет, почему она такая.

— Это связано с прошлым? — друг только кивнул на этот вопрос. А я не стал расспрашивать его, понимая, что это не совсем приятная тема для него.

— Может, вечером тоже в клуб? А то я через неделю в Лондон на выставку лечу, да и нужно порешать некоторые дела в галерее. Думаю, пробуду не меньше месяца, — высказал предложение Андрей. Я, не думая, ответил.

— Почему бы и нет? И мне проще, за Ласточкой присмотрю. Вдруг решит вляпаться в очередную историю.

— Да уж, она может.

Мы с Андреем сидим у барной стойки, так как он дает некоторые указания бармену. А я, немного развалившись на высоком стуле, уперся локтями в столешницу и наблюдаю за танцующими и проходящими мимо. Сегодня людей было меньше обычного, но достаточно, чтоб затеряться в толпе. То там, то тут снуют люди, в поисках своей компании. Я бросил взгляд в сторону вип-комнат, и мне показалось, что я заметил светлую головку. Нет, все же мне не показалось, у самого входа в вип стояла Ласточка. Я могу видеть только ее макушку, но точно знаю, что это она, причем, в обществе какого-то мужчины. Хм, а вот это мне не нравится.

— Ванечка, привет. Как я рада тебя видеть, — раздается голос у самого уха, после чего девушка прыгает мне на бедра, целуя в уголок губ, при этом лизнув языком.

— Алена? — я слегка удивился. — Привет. Как жизнь? — я собрался пересадить девушку на соседний стул, но она уцепилась за меня еще крепче.

— Отлично! Замуж выхожу, вот сегодня мой девичник. — Алена когда-то была моей близкой подругой. И нас даже не связывал секс, хотя она много раз мне намекала, но я решил, что дружба останется дружбой. А спустя время она нашла себе мужчину, и мы совсем перестали видеться.

— Поздравляю. Не за того ли самого, на которого меня променяла? — в шутку сказал и улыбнулся, отчего девушка засмеялась, откидывая голову назад.

У Алены красивые черные волосы ниже лопаток, как всегда закрученные в локоны. Глаза миндалевидной формы, карие. Она очень красивая женщина, и многие наши общие друзья задавались вопросом, как получилось, что мы не вместе. Но я всегда испытывал к этой красотке только дружеские чувства.

— Нет, не за того, — лукаво улыбнувшись, прикрыла глаза и в удовольствии

прошептала: — Этот круче.

— Рад за тебя, — я держу руки на ее талии, а она словно специально ерзает на мне. Продуманная сучка, только вот на меня это не действует. Она не Даша. Алена наклоняется к моему уху, отчего я поворачиваю голову, чтобы ее услышать, и упираюсь взглядом в Ласточку.

— Не хочешь в последнюю ночь моей холостяцкой жизни меня развлечь? — томно шепчет девушка, и я соскакиваю с места, ставя ее на ноги.

— Значит, только я? — с обидой выплевывает Дарья, резко разворачивается и убегает.

— Ласточка, стой, — кричу и оборачиваюсь к Алене: — Извини, но не стоило тебе этого делать!

— Ваня! — непонятливо глядит девушка, но все, что я замечаю — как Андрей подходит к ней и что-то говорит.

Я бегу следом за обиженной девушкой и, достигнув места, вижу, как она просит какого-то мужчину о чем-то на ухо. Беру Дарью за руку, и она, развернувшись, отвешивает мне оплеуху. И замирает ненавидящим взглядом на мне.

— Сгинь! — выкрикивает мне в лицо. — Женька, поехали? — она, словно меня не замечая, снова поворачивается к своему дружку.

— Даша, мне кажется, этот мужчина...

— Пусть проваливает этот мужчина! — снова выплевывает, не смотря на меня. — Женья, у нас нет времени. Ах, да! — резко развернувшись ко мне, она говорит: — Иван, познакомься, это мой жених, Евгений.

— Твой жених Евгений хорошо об этом подумал? — зло прошипел я, начиная все больше и больше злиться.

— Более чем, — после этих слов последовал резкий удар в челюсть ее жениху. Я больше не мог сдерживаться, слишком все зашло далеко. Я наносил удары и не слышал ничего вокруг, только через время почувствовал, как чьи-то руки меня оттаскивают. Это была охрана вместе с Андреем. Они пытались меня успокоить, унять мою ярость, но я трудно поддавался.

— Довольна? — крикнул я, глядя на девушку. — Ты этого хотела? Чтоб я избил его? Или чтоб ревновал? Радуйся, идиотка.

Во мне столько сейчас было злости, что я высказал ей и, развернувшись, ушел. Эта девчонка не ведает, что творит. Совсем заигралась. Решила меня позлить, ну, что же, у нее это отлично получилось. У меня внутри все кипит, бушует. Я не собираюсь терпеть ее игры со мной. Пусть подумает над своим поведением, а у меня есть дела поважнее. Сын. Вот кому я нужен.

Утро встретило меня солнечно, и настроение было достаточно неплохим, учитывая вчерашний вечер. Костяшки пальцев немного болели. Я потер лицо руками и открыл глаза. Отлично. Утро точно замечательное, и я проведу его с Максом, а эта стервочка пусть сама сегодня в салоне руководит. Я приеду к середине семинара. Потянувшись, я сел в кровати, и ко мне в комнату влетел маленький ураган.

— Батя, ты проснулся? Отлично, значит, сегодня отвезешь меня в сад, — сын юркнул ко мне на кровать и крепко прижался.

— Да, Макс, ты меня все больше поражаешь. Все-таки это Дарья тебя учит таким словам. Ну и, во-первых, с добрым утром.

— С добрым. Ничему она такому меня не учит! — отрицательно покачал головой.

— Так я и поверил, и скажи-ка мне, друг мой, а как тогда Дарья оказалась у нас? Когда мы с тобой мультфильм собрались смотреть.

— Пап, ну конечно, это я ей позвонил. Я же знаю, как она тебя любит. Неужели она тебе совсем не нравится? — удивлял меня с новой силой пятилетний сын.

— Нравится, очень. Только в жизни не все так просто, Макс. Когда ты подрастешь — поймешь это.

— Все из-за твоей Кристины, да? Она мне не нравится.

— О, Боже, и ты туда же. Кристина не моя, сын. И она здесь не причем.

— Тогда, что вас...

— Макс, тогда идем завтракать и одеваться в сад. Ты очень любопытный.

Ребенок немного обиженно глянул на меня и вышел из спальни. Ну, вот, даже сын все видит. Порой больше, чем нужно.

Я встал с кровати и отправился в душ, возможно, он поможет мне немного прочистить мой мозг. Утро так здорово начиналось, нет же, моему сыну нужно было его испортить. Я не спорю, мои мысли со вчерашнего вечера не покидала Ласточка. Но я хоть немного притупил свою ярость, а теперь все по-новой.

— Макс, тебе супа или тосты с маслом? — спросил я сына, когда отправлял хлеб в тостер.

— С маслом и колбасой, — подтвердил он и добавил: — Звонила Даша, просила передать, что ждет тебя к часу.

— А почему это ты с ней разговаривал, а не я?

— Потому что ты был в душе. Пап? — подозрительно позвал парень.

— Что? — в тон ему ответил.

— Мне кажется, Дашка на тебя обижается. — Что? Я был в шоке от услышанного. Это она на меня обижается за то, что сама спровоцировала?

Я молча встал, достал тосты, положил сверху колбасу, предварительно намазав маслом, и ответил сыну:

— Жуй, и быстро переодеваться! Только запивай, — поставил рядом с ним чашку с чаем.

Отвезя сына в сад, я отправился в агентство, чтобы немного поработать, но, как мне показалось, я не успел. Только погрузившись в бумаги и полностью увязнув в работе, я услышал звонок своего мобильного. Дочитав предложение до конца, я оторвал взгляд от бумаги и посмотрел на телефон. Ну, естественно, как я не догадался, кто бы еще так настырно мне трезвонил, да еще и в рабочее время.

— Слушаю, Вас, Дарья!

— Ванечка, ты ни о чем не забыл? Или, быть может, Макс ничего не передал?

— Даша, послушай, хватит язвить. Я буду к часу. Что-то еще?

— Да! — громко крикнула и добавила чуть тише: — Уже три часа! — и сбросила вызов.

— Вот черт... — время за документами так быстро пролетело, что я и не заметил, а ведь, вроде, только сел. Теперь она мне и за это плешь проест.

— Спасибо, что вообще явился, — съязвила Ласточка и бросила на меня обиженный взгляд.

— Я засиделся с документами.

— Я почему-то так и подумала. У тебя не хватило просто на меня времени.

— Даша, прошу тебя, не начинай сейчас, а?

— Конечно. А ты можешь ехать обратно к своим бумагам. У меня остались две стрижки, а потом я с одним парнем еду в ресторан. — Все тот же обиженный голос.

— Отлично. Он из этих студентов? — она покачала головой, уверен, специально, чтобы я не начал разборки. — Ладно. Делай, как считаешь нужным. И жениха своего предупреди, — бросил я на выходе и покинул салон, не обращая внимания на взгляды стажеров.

ГЛАВА 8

Даша.

Казалось бы, вовсе и не признание он произнёс, а в то же время его слова “Ты моя” выбили меня из колеи. Разнесли все на моём пути, весь устойчивый мир, и задели за живое. Да, безумно хотела от него подобных слов, признаний, но не думала, что это будет так больно и так тяжело. Это страх своими маленькими щупальцами мною овладел. И я убежала, как маленький ребёнок, не в силах ни страх побороть, ни просто взглянуть в глаза Ивану. Мне пора научиться быть сильной, вне зависимости от ситуации. И то, что Иван обозвал меня трусихой, это правда, таковой я и являюсь, иначе не сбегала бы.

Конечно, у меня не было никакого важного дела, я просто тупо сбегала. Сбегала, как малолетка, подальше от проблем, где меня никто не найдёт. Взяла из гаража свой байк и помчала по северной трассе, подальше от города. Хоть немного проветрить голову, мысли. Скорость всегда мне помогала, и сейчас меня не кинет. Я должна справиться с этим, должна выбросить из головы прошлое. Ему нет там места.

Мне так давно нравится Ванечка, но из-за дурацкого липкого страха я боюсь ему довериться. Секс не в счёт, мы оба этого хотели, а вот что насчёт других отношений? Как довериться, как взять, и просто быть счастливыми?

А что, если просто отбросить все мысли и довериться чувствам. Отдаться на их волю. Да. Так и сделаю!

Я ещё недолго гоняла по трассе, а после проделала обратный путь. Уже более спокойный и умиротворенный. Мой байк плавно нес меня прямо к дому, когда я увидела возле ворот знакомую мне фигуру. Чёрт, а этот что здесь забыл?

Я остановила байк у его ног и, медленно сняв шлем, подняла глаза на Владимира.

— С чем пожаловал?

— Дарья, где же твои манеры? А «здравствуй», а поцеловать? — начал этот умник.

— Ты знаешь, Вова, — выплюнула его имя, — мой кулак отлично бы поцеловал тебя в глаз...

— Но у тебя определённо есть “но”?

— Есть! Не хочется марать руки о такое дерьмо, как ты.

Мужчина резко хватает меня за руку и шипит прямо в лицо, не отрывая взгляда от моих глаз.

— Была бы ты моей, я бы тебя наказал за такие слова.

— Да, но я никогда не буду твоей! Говори, зачем припёрся, и проваливай!

— Какая же ты сука, Золотарёва. Бедный Иван, как он тебя терпит?

— А ты за него не переживай. Повторюсь, тебе не быть на его месте.

— Ну, посмотрим. Посмотрим. Собственно, чего я приехал.

— Ну, наконец-то.

— Помнишь о гонках?

— Издеваешься? Это же в марте.

— Я не хочу, чтобы ты забыла.

— Такое не забуду. Только не понимаю, в чем твой интерес? Чего ты так переживаешь?

— А мы будем соревноваться на твой золотой байк.

— С чего вдруг?

— Он мне нравится.

— Нет. Исключено, — я собралась нажать на кнопку, чтобы открыть ворота, но Николаев меня остановил.

— На что хочешь ты?

— На желание. Если я выигрываю, ты оставляешь меня в покое, навсегда!

— А если выиграю я? — от его слов я засмеялась. Он ни разу меня не побеждал, отчего и бесился.

— Ну, мы же оба знаем, что этого не будет.

— Нет, дорогая моя, в этот раз победа будет за мной! Так что с моим призом? Нет, подожди, я сам отвечу. Ты будешь моей. — Мои глаза чуть на лоб не полезли от его желания.

— Идиот, — ответила я, развернувшись, села на байк и, отталкиваясь ногами, начала заезжать в открывающиеся ворота.

— Ничего, Ласточка, мы ещё посмотрим, кто кого, — добавил он, но я ничего не сказала в ответ.

В восемь часов вечера я начала собираться в клуб. Решив ехать на байке, подобрала соответствующую одежду. Кожаные облегающие брючки сели на мне, как влитые, шикарно подчеркнули мои изгибы и придали сексуальности ножками. Сверху же надела майку и пиджак золотистого цвета. Волосы завila в лёгкие локоны и собрала в хвост. Нанеся последние штрихи вечернего макияжа, я решила завершить свой образ каблуками и коротенькой шубкой. Хотя ехать на мотоцикле в обуви на каблуках — это не совсем удобно, но я решила сегодня собой пожертвовать. Я ведь уверена, что Ванечка будет в клубе. Слишком хорошо знаю его натуру.

Ближе к полуночи решила выйти из vip-комнаты, чтобы попросить бармена принести ребятами коктейли, а мне — сок. Сегодня я не пью, потому как за рулём. У двери меня задержал Женька, парень из нашей компании, попросив заказать мясных нарезок. После я отправилась сквозь толпу к барной стойке и, дойдя, увидела занимательную картину: Ивана с какой-то бабой, сидящей у него на коленях.

Что-то сказав ему, я быстро развернулась и отправилась в vip за своей сумкой, но мужчина меня догнал там. Я не знаю, зачем сказала, что Женька — мой жених, это я после поняла, что сглупила. Ведь парню попало ни за что.

Иван словно с ума сошёл, начал избивать парня, не замечая ничего вокруг. Как хорошо, что Андрей с охраной вовремя подоспел. Иначе быть беде.

Когда Вишневский ушёл, брат отвез Женьку в травму, а мне приказал ехать домой и успокаиваться, то бишь, ложиться спать. Но, конечно, я не уснула, и даже не собиралась. Взяв в баре бокал и бутылку вина, я откупорила её и уселась в гостиной на диване.

Различные мысли так и лезли в мою голову. Снова и снова. Я, наверное, никогда не научусь контролировать свои эмоции. Даже не разобравшись ни в чем, я снова налетела на Ивана, ни за что, ни про что. Но эта барышня на его коленях, черт, до чего же она красивая. Конечно, я приревновала. А как иначе? Я никогда не страдала низкой самооценкой, но эта брюнеточка — она не может не нравиться мужчинам. О, Боже, снова эти мысли...

А Николаев к чему приперся, только нервы мне мотать. Мой золотой байк захотел, смотри, чего удумал. Ненормальный. Все равно победа за мной, независимо от приза.

Больше книг на сайте — Knigolub.net

Утро наступило быстро, учитывая, что уснула я часа в четыре. Но это не помешало мне выглядеть бодрой. Сегодня у меня семинар, и я должна быть на высоте. Поэтому, приняв душ, для начала я позавтракала. Глянув на телефон, решила позвонить Ванечке, конечно, не без страха, после вчерашнего. Но как только в трубке я услышала голос Макса, я тут же начала заново дышать. Попросила ребенка передать отцу, что я его жду к часу. В том, что Максим передаст мою просьбу, я не сомневалась.

А потом, выпив кофе, прошла в гардеробную, чтобы взять свой сегодняшний наряд. Так как на семинар я еду на Corvette, то и наряд у меня соответствующий. Золотистое облегающее платье без бретелей, достигающее до середины бедра, и продолженное легкой тканью — шифоном — практически до самого пола. Выглядит оно, конечно, по-королевски. Туфли я выбрала соответствующие, точно в тон, на высоком каблуке. Волосы собрала в пучок на затылке, при этом придав объем своей прическе. Дневной макияж, и я готова.

За всеми сборами я не заметила, как стрелка часов начала показывать полдень. Проверив в ноутбуке все нужные записи для семинара, я положила его в сумку — чехол и отправилась в салон.

Как и предполагалось, к часу Иван не приехал, и к двум тоже. Время летело незаметно, и я даже присмотрела несколько человек для работы в салоне, но пока молчала, решив обрадовать ребят в конце. Кстати, студенты были предупреждены, что мне требуется два мастера. Они все безумно старались, но мне нужны лучшие из лучших.

Посмотрев на экране ноутбука время, я поняла, что мужчина совсем не торопится ко мне. Попросив ребят завершать свои стрижки самостоятельно, я решила позвонить Вишневскому.

Выплюнув мужчине, что уже три часа, я сбросила звонок и начала метаться по кабинету. К часу он приедет, вот гад, да он совсем не собирается ко мне, а я жду, переживаю. Ну, ладно, Ванечка, я тебе устрою.

Вернувшись в зал, я продолжила занятия. Уже через двадцать минут в дверях увидела Ивана. Не стала сразу идти к нему, а закончила объяснение новой стрижки, и только потом оставила ребят одних. Мужчина проследовал за мной в кабинет, прикрыв за собой дверь.

Снова повздорив, я наговорила глупостей. Нечего было опаздывать, да что там, он и вовсе не собирался приезжать. А я так ждала его поддержки. И, конечно же, я не собиралась ни в какой ресторан, ни с каким парнем. А как всегда решила позлить мужчину, хотела увидеть его реакцию. А он, как всегда, взбесился. Внутри у меня словно все оборвалось, мне оставалось только проводить его взглядом, услышав напоследок:

— ... И жениха своего предупреди.

Все ребята оглянулись на Ивана, а мне словно соль на рану насыпали этими словами. Я стояла и смотрела на дверь, за которой только что исчез мужчина. Внутри все сжималось, а глаза начали щипать от непролитых слез. Я стояла и смотрела, не в силах оторвать взгляда, а в голове бились мысли, что если я буду продолжать так себя вести, то могу потерять его. Остаться, как сейчас, одна, только навсегда. Без него.

Словно в трансе, я провела семинар до конца и объявила двум счастливицам о приглашении на работу. Они весело завизжали и кинулись меня обнимать. Марк и Алиса, новые мастера салона «Beautiful flower», были невероятно счастливы. Я сказала им приходить завтра к одиннадцати и всех отпустила, поблагодарив за замечательное занятие.

Настроение — ниже плинтуса, ничего не хотелось, ни клуба, не чьего-то общества. Только побыть наедине со своими мыслями. Я взяла свою сумочку и, предупредив ребят в салоне, что меня сегодня больше не будет, села в авто и уехала.

Изначально я ехала, просто минуя машины, не думая ни о чем, гнала по дороге, превышая скорость. Спустя полчаса, остановилась возле супермаркета, купила бутылку виски и пачку сигарет. Именно в такие моменты мне хотелось курить, думая, что сигареты помогают. Нет, на самом деле они просто дают возможность расслабиться на неопределенный момент, а потом все возвращается, и я начинаю задаваться вопросом, а зачем вообще курила.

Кинув все это на соседнее сиденье авто, я сняла туфли и бросила их под кресло вместе с алкоголем. Завела двигатель и вырулила на дорогу, вливаясь в поток машин. Не нарушая правил, я покинула город, слушая лирическую музыку.

Отъехав на достаточное расстояние от города, я остановила Corvette у обочины и все так же босиком вышла из машины, прихватив сигареты. Обойдя ее, оперлась о капот и закурила, наблюдая за осенним закатом солнца.

Багряное небо так и манило, требуя срочно прикоснуться к невероятно красивым облакам. Я сделала затяжку и поежилась от холода. Ветер пронизывал мои голые плечи и грозил мне простудой, только сейчас меня это вовсе не волновало. Как не волновало и то, что я стою голыми ногами на холодной земле.

Мысли то и дело возвращались к мужчине. К такому желанному и нужному мужчине. Только он мне нужен, а я еще, в свою очередь, его отталкиваю, боясь, что мне снова причинят боль, и тогда я не выдержу этих пыток. А без Ванечки мне еще сложнее, больнее и совсем одиноко. Совсем пусто в душе и не менее больно.

Я вернулась в салон авто совсем продрогшая и, чтобы немного согреться, откупорила бутылку и сделала пару глотков. Врубила на полную мощность Nickelback — Lullaby и на большой скорости помчала по трассе. Просто прямо, не ведая, куда, главное — подальше от проблем, только вот не учла, что от мыслей не сбежишь.

Слова, звучащие из колонок так точно били по нервам, что из глаз добровольно полились слезы, наплевав на мой макияж. Я снова и снова курила, продолжая глотать слезы вместе с дымом. Запивая алкоголем боль и не думая, что я мчу на огромной скорости. В голове снова появлялись мысли о любимом мужчине. О мужчине, которого сама постоянно отталкиваю. Которого боюсь и люблю. Но на этот раз я решаю довериться ему, и будь, что будет. Только, конечно, если я ему еще нужна. Ведь после произнесенных им слов «Ты моя» я столько глупостей натворила, что, скорее всего, он и видеть меня не захочет.

Продолжая гнать, я почувствовала, что мою машину немного заносит, и мне с трудом удалось ее остановить. Доли секунд, и я оказалась бы в кювете. Находясь немного выпившей,

я не сразу поняла, что произошло, но, спустя минуты, до меня дошло, что я могла разбиться. Разбиться, и больше никогда не увидеть своих родных, Ваню, Макса.

— Идиотка! — крикнула сама себе и ударила по рулю. Слезы снова покатались из моих глаз, стекая по щекам и падая прямо на грудь. Я снова поежилась от холода, даже уют салона не грел меня.

Я попыталась завести машину, но все тщетно, она сломалась, и мне не выехать. Глянув на телефон на приборной панели, я решила звонить Вишневному. Почему не Андрею, я не знаю, первая мысль была о Ване, а зря.

— Ванечка, привет, — сладким голосом произнесла я, чтобы задобрить его. Или я просто была рада, что он вообще поднял трубку.

— Дарья? Мне кажется, ты должна быть на свидании...

— Заберешь меня отсюда?

— Ты где? — недоуменный голос.

— Я не знаю. Где — то прямо. Здесь только дорога и пустыри вокруг. — Очень виноватый голос.

— Вот объясни мне! Какого хрена ты туда... — начал орать он.

— Тебе, что, в падлу? Не читай мне нотации, а просто заberi отсюда! — не выдержала и снова вспылила, дура.

— Не думаю, что тебе нужна помощь. Не жди меня!

— Да у меня машина сломалась! — но в трубке я уже слышала короткие гудки. — Вот гад. Ваня, ты же не бросишь меня здесь, одну! — я продолжала смотреть на телефон. — Я же знаю, не бросишь, — в носу и глазах снова зашипало от слез, и я заревела в голос.

Видимо, от накотившей усталости и слез я не заметила, как уснула, сложив руки на руле и уткнувшись в них лбом. Проснулась только, когда почувствовала нежное поглаживание мужской руки по ноге. Медленно подняла голову и встретила с глазами Ивана. Он сидел на корточках около меня.

— Зачем ты это делаешь? — слышала его шепот.

— Что? — не поняла я.

— Садись за руль в нетрезвом состоянии? Куришь? Ты же совсем замерзла. Почему без куртки?

— Шуба осталась в салоне, — в такт ему ответила я.

— Глупышка, что мне с тобой делать? — он продолжал смотреть в глаза. Хотелось крикнуть «Люби меня», а мне становилось стыдно от своего поведения. — Бери сумку и телефон, — я послушно взяла названные вещи, а он достал из замка зажигания ключи. Осторожно поднял меня на руки и понес к своей машине, не забыв закрыть при этом мою.

Усадив на переднее пассажирское сиденье, он закрыл дверь, а сам прошел к водительскому месту. Заведя двигатель, он начал прогревать салон и полез на заднее сиденье, достав оттуда свое пальто и накинув мне на плечи.

Практически всю дорогу мы ехали молча, погруженные в свои мысли. Я наблюдала, как Иван время от времени сжимает руки на руле, видимо, злясь на меня. И он прав, я поступила глупо.

— Я наврала про ресторан, — выпалила, решив сейчас объяснить свое поведение.

— Я знаю, — ну вот, его не обманешь.

— И жениха у меня нет, — он только кивнул, а я добавила: — Я думала, ты не приедешь, — и отвернулась к окну. Заметила, что мы притормозили у обочины,

почувствовала прикосновение к щеке и повернулась.

— Неужели ты считаешь, что я бы тебя бросил? Там, у обочины? Ночью? — И по моей щеке потекла слезинка от его таких нежных, пронзающих насквозь слов. — Ты мне, конечно, все нервы уже вытрепала, но я не могу тебя оставить. Ты вот здесь, — и он приложил мою ладонь к своей груди, туда, где бьется его сердце. Несколько секунд не отпуская мой взгляд, а потом переложил мою руку к себе на бедро, и мы снова поехали.

— Ты привез меня к себе? — я стояла в его спальне и смотрела на огромную двуспальную кровать. Через плечо глянула на мужчину, когда он заговорил.

— Не мог же я сына оставить одного дома, на всю ночь...

— На всю ночь?

— И тебя не оставлю на всю ночь, одну... — томный шепот и легкое дыхание на обнаженном плече. Легкий поцелуй на нем же, и я чувствую, как молния на моем платье расходится, а сам наряд падает к ногам.

ГЛАВА 9

Ваня.

Я глубоко вдохнул, когда ее платье упало к моим ногам, и она осталась передо мной в одних трусиках. Засранка, целый день щеголяла без бюстгалтера. Выпороть бы ее прямо сейчас, но у меня есть идея получше.

Осторожно наклонившись, подул на ее плечо и следом оставил поцелуй, от чего Даша вздрогнула. Я вытащил из ее прически несколько шпилек, и белый водопад волос упал на ее плечи и спину. Снова глубоко вдохнул, только на этот раз для того, чтобы насладиться ее ароматом. Таким сладким, манящим, с привкусом ванили. Все тот же запах, она всегда так пахнет. Сколько помню, везде после нее остается этот шлейф духов.

Кончиками пальцев провел от плеч по рукам, слегка касаясь кожи. Даша вся дрожит, и такое чувство, что она вот-вот рухнет. Перекинув ее волосы на одну сторону, я прикоснулся губами к шее в легком поцелуе и, не раздумывая, подхватил девушку на руки, перед этим слегка повернув к себе. Она обняла меня правой рукой за шею, а левой провела по моему лицу. Мы некоторое время так и стояли, смотря друг другу в глаза, после чего девушка немного придвинулась и поцеловала мои губы. Нежно, легко, без какого-либо намека. Отстранившись, она снова заглянула мне в глаза:

— Прости меня, — тихий шепот и одинокая слезинка.

Как реагировать на нее в данной ситуации я не совсем понимал. Либо она действительно осознает, что ее поведение не совсем правильное, либо это алкоголь еще не выветрился из ее головы.

Я губами стер мокрую дорожку и направился в сторону ванной, когда Ласточка снова меня поцеловала, только теперь в уголок губ, лизнув язычком, от чего мое дыхание участилось. Она продолжила свое движение к щеке, потом вернулась обратно, к губам, прикусывая их и лаская.

— Прекрати, — приказал я, а она ошарашено на меня уставилась. — Для начала я хочу смыть с тебя запах сигарет. Мне совсем не нравится то, что ты курила, — девушка виновато опустила глаза вниз, а потом головой улеглась мне на грудь.

Так-то лучше, — подумал я про себя и двинулся в нужном направлении. У самой душевой я поставил ее на пол, а сам открыл кран, чтобы спустить холодную воду. Достал пару полотенец и халат и принялся снимать с себя вещи. Раздевшись, я подошел к Дарье. Ее глаза блестели, подпернутые дымкой страсти. Рукой убрал прядку волос, успевшую упасть на

ее лицо, и медленно опустил к ее ногам.

Поддев пальцами трусики, аккуратно спустил их вниз и прошелся руками вверх по бедрам. Дарья снова дернулась, и я резко подхватил ее, вставая. Она совсем обмякла в моих руках, когда я ладонью коснулся между ее грудей и последовал вверх по ключице к шее. Глаза прикрыты, ресницы трепещут, и тяжелое дыхание из полуоткрытых губ.

Схватив под коленками, я поднял ее на руки и встал под теплые струи воды. Девушка крепче прижалась ко мне, ногами обхватывая мои бедра, и я хорошо ощущал ее грудь, все ее тело. Теплое и податливое, такое манящее и мое.

Сначала мы просто стояли и смотрели друг другу в глаза, ощущая теплые струи, стекающие по нашим разгоряченным телам. Потом девушка дернулась и прижалась теснее, так, что я мог ощущать жар ее лона. Моя выдержка тут же закончилась, и я, не медля, прижал ее к стенке, продолжая держать в руках. Губами прошелся по скуле, приближаясь к ее открытым губам, и наконец, завладевая ими.

Дарья со страстью отвечала мне, скользя своими ручками по моим плечам и затылку, лаская тонкими пальчиками и возбуждая еще больше. Услышал протяжный стон и оторвался от ее губ. На лице блуждала улыбка, и я не смог сдержаться и, приподняв ее, легко скользнул в горячую податливую влагу. Оба замерли, наслаждаясь первым ощущением единения. Я почувствовал, как она сильнее сжала меня внутри себя, и в голове будто молния промелькнула. Так остро ощущал ее, так ужасно хотел. Поняв, что больше не могу ждать, я осторожно начал двигаться, проникая все глубже, но не менее аккуратно. Я все еще боялся причинить ей боль. Она же такая хрупкая и беззащитная, особенно сейчас, в моих руках. Я просто хотел насладиться своей Ласточкой, но она была против таких сладостных мук. Это я понял, когда девушка, прижавшись щекой к моей щеке, начала сама двигаться навстречу моим толчкам. Тем самым давая возможность проникать в нее глубже и яростнее. Убедившись, что она крепко держится, я расставил руки по обе стороны от ее головы, упираясь в стену, при этом продолжая двигаться в ней.

Почувствовал, как она начала сокращаться, сжимая член и обволакивая меня своей страстью. Даша стонала сквозь зубы, а потом и вовсе укусила меня за плечо, продолжая издавать звуки. Наверное, так пыталась заглушить стоны, чтобы не разбудить Макса.

Она расслабилась в моих руках, но все еще продолжала дрожать от настигнувшего оргазма. А я, сделав еще несколько мощных толчков, утонул в своем экстазе.

— Мне нравится твой сладкий запах, — прошептал ей на ушко, отчего Ласточка дернулась и прижалась попкой к моему паху.

— Ванилька, — сказала она.

— Ванилька, — подтвердил. — Этот запах всегда ассоциируется с тобой, где бы я его не почувствовал... — поцеловал в плечо.

— Даже если ты с другими девушками? — сейчас меня удивил не сам вопрос, а ее тон. Даша не язвила, не проявляла вездесущий сарказм, она просто интересовалась. Я прикрыл глаза и ответил негромко:

— Я не смел думать о тебе, когда был с другой. Если в моих мыслях ты, значит, больше никто!

— А как же ванилька? — удивленно спросила она.

— Ванилька только с тобой, только тебе подходит. И запах дурманящий, и вкус с горчинкой...

— Тогда, чувствую, что мне больше присущ перец чили.

— Это еще почему?

— Уж слишком много горечи во мне. И язвительной. И душевной.

Я приподнялся на локте, всматриваясь в ее лицо и пытаюсь понять, о чем она говорит, но Даша молчала, думая о чем-то своем.

— Ты просто живешь во власти страха. Ласточка, милая моя, — прошептал ей на ушко, — расскажи, что тебя тревожит?

— Не думаю, что тебе будет интересно. Это не лучшая история, — печальным голосом произнесла Дарья, еще больше отворачиваясь.

— Дарья! — строгим голосом произнес я. — Меня заботит все, что касается тебя!

Она резко повернулась ко мне и ладошкой накрыла мои губы. Несколько секунд смотрели глаза в глаза. Я видел, что в ее взгляде плещутся боль и отчаяние. Мне до жути захотелось ее пожалеть, но я знал, этого делать нельзя, ибо станет только хуже. Дарья рождена для любви, а не для жалости. И даже если учесть ее характер, именно для этой девушки я всегда найду оправдание. Поэтому, не говоря ни слова, я еще крепче и еще ближе прижал ее к себе. Просто давая понять таким способом, что я ее поддерживаю. Но спустя минут десять, когда я уже думал, что Дарья уснула, я услышал тихий, охрипший голос:

— Мне было восемнадцать, когда я начала жить со Стасом, а перед этим мне родители подарили квартиру. Это сейчас я зарабатываю себе на жизнь, а тогда, на первом курсе, мне помогали мама с папой или Андрей. Вот на совершеннолетие я получила такой крутой подарок, — Дарья слегка улыбнулась.

— Я был зол тогда на Андрея, — перебил я.

— Правда? — удивилась Даша.

— Да. Я считал, тебе еще рано жить отдельно от родителей. А теперь мое мнение лишь подтвердилось. Еще и с парнем, — меня пробила небольшая злость, хотя я не имел на это права.

— Мы со Стасом на то время уже полгода встречались и подумали, раз есть возможность, почему бы не попробовать жить вместе. И попробовали. Стас старше меня, он работал, я училась в университете. Все вечера проводили только вместе, как и выходные с праздниками. Он так красиво ухаживал, всегда дарил подарки, цветы. А я просила не тратиться, ведь деньги не зарабатываются легко. Только он всегда отмахивался и продолжал осыпать меня подарками. На Новый год поехали с ним на Мальдивы, опять же, за его счет.

— Что было потом? — спросил я, видя, что Ласточка колеблется.

— В марте мы расстались.

— Из-за чего?

— Пожалуй, я не вовремя пришла домой. У меня отменили последнюю пару, и я решила как раз приготовить обед. Заехала в супермаркет, накупила продуктов, домой заявила счастливая. Только вся моя улыбка испарилась, как только я закрыла дверь квартиры.

Я снова крепче обнял Дашу, поддерживая, и тем самым показывая, что я с ней. Она не одна. Девушка тяжело вздохнула и выпалила:

— Он т*ахал бабу! — мои руки сжались от злости, но я понял, что могу причинить боль Ласточке, и слегка ослабил хват. Она рассмеялась, но вовсе не веселым смехом, а больным, печальным. — Он т*ахал бабу лет на двадцать старше меня. Только виноватой осталась я! — из ее глаз потекли слезы, и я принялся вытирать их. Даша дрожала, словно от холода, но в спальне достаточно тепло, учитывая, что наши тела находятся слишком близко. Она дрожала от горьких воспоминаний, от причиненной ей боли. — Оказывается, чтобы

быть со мной, нужно много денег. Одаривать подарками, водить по ресторанам. А ему, несчастному, пришлось спать с богатыми взрослыми дамами. — Я непонимающе глянул на нее. — Они ему деньги платили. Он проститутка. Боже...

Она уткнулась в мою грудь и зарыдала, а мое сердце сжалось от вида ее слез, от того, как ее тело сотрясает дрожь. Несколько минут она продолжала плакать, после чего, подняв голову, произнесла:

— Самое ужасное, что все это он делал на нашей постели. В моей квартире. И продолжал спать со мной. — Даша дернулась, видимо, пытаясь от меня отодвинуться, но я не позволил. — Тебе должно быть неприятно теперь со мной.

— Ты глупая, — прошептал ей на ушко, придвигая поближе. — Глупая, ты ни в чем не виновата. Ни в чем. — Новый всхлип, поцелуй. Я перевернул девушку на спину, а сам навис над ней, опираясь локтями по бокам, дабы не придавить маленькое хрупкое тело. — Именно поэтому ты так себя ведешь со мной? Защищаешься? Думаешь, я такая же сволочь, как и этот Стас? Стал бы тебя предавать, унижать?

— Я не знаю. Просто боюсь. Боюсь довериться. Боюсь обжечься. Боюсь снова пережить такую боль. Да и переживу ли?

Я смотрел в ее глаза, наполненные по-прежнему болью. Как же мне хотелось найти этого урода и придушить собственными руками за причиненную боль моей Ласточке.

— Запомни, чтобы ни произошло, я не обижу тебя! Никогда! — Даша блаженно потерлась носиком о мой подбородок, на секунду улыбнулась, возможно, поверив мне, а потом продолжила:

— Мы очень поругались тогда, он пытался все объяснить мне, просил прощения. Говорил, что именно таким способом пытался сберечь наши отношения. В общем, вот так проявлял свою любовь. Но я, конечно, не простила и выгнала его. А с тех пор, собрав вещи, переехала к родителям, сославшись на то, что скучаю по ним, и больше никогда не возвращалась в квартиру.

— Поэтому ты ее продала? — спросил я, глядя, как Ласточка отвела взгляд. Андрей мне говорил, что Дарья решила продать квартиру, а подробностей не знал никто. Даже родители.

— До сих пор невыносимо вспоминать. А приходить туда было бы издевательством над собой, — ответила и посмотрела на меня, меняя тему. — Что насчет тебя?

— А что насчет меня?

— Андрей никогда не говорил о твоей жене. Где она?

— Я думал, ты в курсе, — теперь девушка меня перекинула на спину и улеглась сверху.

— Не совсем. Я раньше как-то не интересовалась твоей жизнью так сильно. Ты для меня был просто другом брата.

— А сейчас? — не удержался я от вопроса.

— А сейчас некто больше. Так, что с женой? — увильнула эта засранка от ответа и переключилась на свой вопрос. Я вздохнул, но ответил.

— Лера умерла при родах. — Девушка охнула и прижалась ладошкой к моей щеке. — Оказывается, она была больна, и ей нельзя было рожать. Но врачи упустили этот момент, — я сжал кулаки, вспоминая тот день.

— Ты любил ее?

— Много вопросов, Дарья! Пора спать, — я хотел перевернуть ее на бок, но девушка не позволила.

— Ты любил ее? — уже громче спросила.

— Нет, — ответил правду, и она осторожно положила голову мне на грудь, что-то нашептывая, только мне не было слышно, что. — Я тебя всегда любил, только тебя. Строптивую, — добавил я, и мы крепче обняли друг друга.

— Почему тогда ничего не говорил мне? — услышал сквозь дрему.

— У тебя же был Стас.

— Прости...

ГЛАВА 10

Даша.

Уже месяц, как мы с Ванечкой живем вместе. Макс, узнав о том, что я переезжаю к ним, наверное, час скакал по дому от счастья, приговаривая: «Я так и знал, я же говорил, они будут вместе!» Мы с Иваном только смеялись на это.

Каждый день мой мужчина чем-то радует меня. То с утра, перед работой, кофе в постель приносит, то вечером готовит ужин. Иногда они с сыном могут учудить что-нибудь несусветное, например, как в пошлый раз, решив приготовить торт, о котором даже раньше и не ведали, после чего я очень долго смеялась. Ведь из несостоявшегося бисквитного теста у них вышла сухая лепешка, до сих пор не понятная мне в приготовлении. Но мальчишки не унывали и продолжали меня удивлять.

Порой мы ругались с Ваней, а учитывая мой характер, мне его становилось жалко. Но он все равно продолжал обо мне заботиться, порой чересчур, и я честно старалась не сесть ему на голову, хотя как-то даже пообещала.

Три дня назад приехали родители, сославшись на то, что у отца временно нет работы. На что я только посмеялась. Это какой такой работы у него нет? Руководить подчиненными, подписывать документы и инвестировать? Вот чудные, я-то знаю, что они просто соскучились, да и я не меньше их скучала. А вчера днем ко мне заявился братик, только что вернувшийся из Лондона. Я как раз была в родительском доме. Мы с ним проболтали несколько часов, Андрей казался таким загадочным и счастливым, что ли, но лезть с вопросами я не стала, по крайней мере, пока не стала.

Проснулась я минут пять назад и старалась не шевелиться, чтобы не разбудить своего мужчину. Он так сладко посапывал мне в макушку, что я сама, того не заметив, улыбнулась. Аккуратно, совсем тихонечко, еще ближе прижалась к нему, чтобы полностью ощущать его тело. Такое манящее, возбуждающее и родное. Немного понежившись в его тепле, я приподнялась на локте, уткнувшись ладошкой в щеку. Пальцами правой руки осторожно коснулась его щетины. Она ему так шла, делая его невероятно сексуальным и мужественным.

Указательным пальчиком я провела по его нежным губам, и по моему телу пробежались мурашки. Рука двинулась вниз по шее к груди, слегка лаская кожу Ивана. Я начала пальцем вырисовывать узоры по его животу, от чего почувствовала, как мужчина напрягся. Всего мгновение подождала, пока он расслабится, и снова продолжила свое занятие. Через несколько минут я совершенно случайно опустила взгляд на его бедра и заметила, что разбудила вовсе не хозяина. Улыбнулась и прильнула губами к его животу. Услышала тихий вздох и продолжила целовать каждый кубик сексуального пресса. Опустившись еще немного ниже, и начав отодвигать в сторону одеяло, я поняла, что мой мир перевернулся с ног на голову. Теперь я лежала на спине, прижатая манящим и мощным телом, а по моей коже блуждали руки Ивана. И когда только он успел проснуться?

— Решила поиграть со мной, Ласточка? — его губы были слишком близко к моим, и я могла ощущать его дыхание на своих губах.

— Я, вообще-то, спала, — в шутливой форме ответила, и облизнула нижнюю губу. Его взгляд опустился мне на рот, и я услышала тихое ворчание и легкий поцелуй.

— А кто тогда приставал ко мне, когда я спал? — отстранившись от моих губ, поинтересовался Ваня.

— Откуда ты знаешь, если говоришь, что спал? — я прищурила глаза и улыбнулась. Почувствовала резкий толчок между ног, и жар прошелся по всему телу.

— Это все доказательство твоих ласк, — нежный, тихий шепот, и легкий поцелуй в шею.

— Баш на баш? Дразнишься, — пропела последнее слово и перекатилась вместе с Ваней. Теперь я практически лежала на нем, но по-прежнему ощущала все его мышцы.

— Дразнюсь? Да я ужасно хочу тебя, малышка, — он положил мою руку себе на член, еще и придавив сверху мою ладонь. — Чувствуешь?

— Нет, — резкий ответ, и нереально удивленное лицо мужчины.

— Чего? — протянул он, а я в ответ лишь рассмеялась. Конечно, я все чувствовала, и сама не меньше хотела, но ведь можно его действительно подразнить? Он принялся сладко меня целовать, причем, не сильно заботясь, куда именно. Его губы были по всему моему лицу и шее.

Когда он оторвался от меня, чтобы мы оба могли перевести дыхание, услышали громкий топот, и через секунду дверь с грохотом открылась, ударившись о стену. Как же хорошо, что мы не зашли слишком далеко, и были прикрыты одеялом.

— Семья, привет, — прокричал Макс и прыгнул на отца.

— Твою м... Макс! — грозно прикрикнул Ваня, — Я сколько раз тебе говорил, чтобы ты без стука не влетал? Еще и ребра решил мне сломать?

— Прости, — с меньшим энтузиазмом проговорил ребенок.

— Прости, — передразнил и добавил: — Сын, пора усвоить мои слова. Ты знаешь, что теперь здесь живет Даша, и некрасиво врываться в спальню, не постучав.

— Я больше не буду, пап, — и, посмотрев на меня, добавил: — Прости меня, Даш.

— Договорились, — кивнула я и подставила ладошку, а Макс, в свою очередь, дал «пять» мне своей ручкой. — А теперь беги к себе переодеваться. Ты уже зубки почистил?

— Обижает, Даша, — мило улыбнулся он, вставая с отца.

— Совсем взрослый. Беги, — и Макс выбежал из комнаты, при этом осторожна закрыв дверь. Я снова прильнула к Ванечке, и только наклонилась к его губам, как дверь снова открылась:

— А перед тем, как я сюда забежал, вы тоже целовались?

— Максим! — одновременно с Иваном крикнули мы, а ребенок — хоть бы хны.

— Нет, ну, а что?

— Скажу, чтобы Нина Васильевна тебя сегодня никуда не водила и мультики не включала! — пригрозил отец сыну.

— Тогда я пойду, еще и постель уберу, — быстро сообразив, что к чему, Макс развернулся и покинул нашу спальню.

— Ты его напугал, — посетовала я.

— Для профилактики, — Ваня поднялся с постели и направился в сторону ванной, добавив: — Вечером тебе отомщу, — я только тихонько улыбнулась и сладко потянулась в кровати.

Сегодня суббота, и мы договорились с Ниной Васильевной, что она заберет Макса к

себе, до завтра. А мы устроим себе романтический вечер, и я приготовлю ужин, пока Иван съездит на деловую встречу.

Я и не заметила, как задремала, проснувшись только тогда, когда мужчина улегся на меня мокрым телом.

— Ванечка. Боже... Холодный, — по телу прошла непонятная дрожь, то ли от холода, то ли от возбуждения, но я прикрыла глаза и улыбнулась.

— Между прочим, это ты меня должна охлаждать.

— Это еще почему? — недоуменно глянула на желанного мужчину.

— Это же ты утром начала меня возбуждать, — с довольной улыбкой проговорил он.

— Ну, да, все беды из-за женщин, я помню, — проворчала я и наткнулась на нахмуренный взгляд.

— Ласточка, ты же знаешь, я тебя никогда ни в чем не обвинял.

— Только в соблазнении, — он кивнул и, нежно поцеловав, встал с меня и начал одеваться.

— Ванечка, тебе обязательно сегодня ехать на встречу?

— Да, милая. Поэтому поднимайся, и в душ. А я — готовить завтрак.

И как я могу не послушаться? Вместо того, чтобы гнать в кухню, Ванечка нежно послал меня принимать утренний душ.

Пока мы выпроваживали няню с Максом, уже пора было уезжать и Ивану. Поэтому он решил по пути забросить их в игровой центр, и уже в полдень я осталась дома одна.

В первую очередь решила полистать кулинарную книгу, выбрать, что готовить, при этом полагаясь на имеющиеся продукты. Хотя, в этом доме всегда полно различных запасов еды. Вишневский любит готовить, и может в любой момент заняться приготовлением той или иной вкуснятины.

Усевшись на высокий стул у бара, я, не спеша, листала страницы, потягивая терпкий кофе. Остановившись на телятине с черносливом и нескольких легких закусках, я надела фартук и приступила к воплощению задуманного.

Когда я уже собралась ставить мясо в предварительно нагретую духовку, на мой телефон пришло сообщение. Я, на минутку отставив противень, взяла телефон и, открыв сообщение, увидела, что оно со скрытого номера. И сам текст был достаточно содержательным: «Приезжай на Калининскую, 7. У него свидание». Меня словно чем-то тяжелым ударили по голове, и так больно мне стало.

Забыв обо всем, я резко взбежала по лестнице в спальню, надела первые попавшиеся джинсы и кофту и, ни о чем не думая, побежала вниз. Вспомнив о духовке, выключила ее, чтобы, не дай Бог, не устроить пожар, и, схватив телефон и ключи от байка, направилась по адресу.

Я не знаю, зачем это делала. Не доверяла Ивану, хотела убедиться лично? Не знаю. Нс прошлые страхи не давали покоя. А что, если меня снова предадут, обманывают? Ведь второго раза я точно не переживу.

Не знаю, за сколько, и на каких парах я добралась до ресторана, но нервничала знатно. Мысли то и дело подкидывали картинки прошлого, погружая меня в темноту. Тело дрожало, а в горле пересохло от страха. Я пыталась заставить себя не верить в это, хотя и окончательно не понимая, что сама себе напридумывала.

Припарковав кое-как байк у входа, я дрожащими руками достала ключ из замка зажигания и на ватных ногах поплелась в ресторан. Глубоко вздохнув, я сделала

нерешительный шаг в зал и замерла на месте. Шок, и словно удар под дых. Вишневский действительно был не один, а в компании шикарной красотки. Даже не было сомнений, что это не «деловая встреча». Девушка-блондинка так мило улыбалась ему, а рука Ивана накрывала ее ладонь. Из последних сил я сдерживала себя, чтобы не расплакаться от отчаянья, и направилась к их столику.

Ваня.

Деловая встреча прошла на ура, клиенты остались довольны работой нашего агентства. И теперь я мог подумать о том, как бы нам с Дашей и Максом поехать отдохнуть за границу. Я задержался в ресторане, делая последние звонки по работе, дабы вечером нас с Дарьей ничто не отвлекало. И уже когда собирался уходить, неожиданно ко мне за столик под села моя двоюродная сестра. Мы редко виделись, и поэтому проболтали около часа перед тем, как к нам так же неожиданно присоединилась Дарья. Я заметил, как она подходила к нам с тяжелым и пустым взглядом. Не успел ей ничего сказать, а она тут же завелась:

— Так вот какая у тебя деловая встреча. С этой шваброй? — она ткнула пальцем в лицо девушки.

— Дарья, утомонись, — попросил я, пока она не наговорила кучу глупостей.

— Значит, вот на кого ты меня променял. Индюк общипанный. Я ему ужин, а он... с этой... этой, — Даша была настолько зла, что даже не могла подобрать слов.

— Ты позоришь себя, прошу, уймись, или я... — она не дала договорить, объяснить ситуацию.

— Нет! Это я сейчас твоей курице выщупаю все перышки! — не унималась она, продолжая ругаться.

— Даша, закрой рот, и познакомься. Это моя сестра — Валерия! — она вмиг переменилась в лице. Кинула пару взглядов с Леры на меня, и обратно. Уселась на соседний стул и защebetала. Вот сучка. Как ни в чем не бывало. Еще и глазками заморгала.

— Ух, ты. Очень приятно. А я Даша, любимая твоего брата.

— Кхм...

— Очень приятно, — ответила сестра и покосилась на меня.

— Я как раз рассказывал Валерии, какая ты у меня замечательная, — Ласточка бросила на меня злой взгляд и снова посмотрела на Леру.

— И то правда, замечательная... — не громко сказала она. — Когда твой брат нервы мне не мотает. Лера, прошу прощения за свое поведение, если бы я знала... А у тебя не прошу, — рыкнула в мою сторону. Ну, точно, сегодня схлопочет. И как она здесь оказалась?

— Все нормально. Я понимаю, твой любимый мужчина сидит в компании другой девушки. Я бы тоже не стала спокойно реагировать, — ответила Лера, и Дарья ей улыбнулась. — А сейчас извините, мне пора. Приятно было познакомиться.

— И мне. Спасибо, Лера.

— Увидимся, — та подмигнула и обратилась ко мне. — Вань, не пропадай. Приезжайте ко мне в гости, и Максу привет.

— Договорились, — ответил я, мы обнялись, девушка поцеловала меня в щеку и покинула ресторан. Я с непониманием глянул на Дашу, она, немного успокоившись, расслабилась, но казалась грустной. — Садись на байк и езжай домой.

— Вань, я... — начала она, но я перебил ее.

— Садись на байк и езжай домой, — повторил свою просьбу. — Там и поговорим.

— ... подумала, что... — она пыталась продолжить, но я снова перебил.

— Я знаю, что ты подумала. Очень хе*ового ты обо мне мнения. Езжай домой. Нам следует подумать над твоим поведением. Максимальная скорость шестьдесят километров, и не дай Бог, ты поедешь быстрее...

С тихим вздохом она кивнула, поднялась со стула и направилась в сторону выхода. Фигурка ее была поникшей и невероятно хрупкой в этот момент. Мне так хотелось ее прижать к себе, подбодрить, сказать, что все хорошо, но я не мог оставить все так. Ей пора научиться контролировать свои эмоции.

Я заплатил по счету и вышел из помещения. На улице Даши уже не было, и я, сев в свой автомобиль, направился в сторону дома. Что ж, предстоит серьезный разговор.

ГЛАВА 11

Даша.

Все мы иногда делаем глупости, порой намеренно, а порой — сами не ведая об этом, причиняя боль самым близким и любимым людям. Режем, словно по живому, сами того не понимая, придумываем глупости, усложняем жизнь, при этом не имея представления о правде, не зная настоящего. Верим в чьи-то слова, не разобравшись изначально, кто вообще говорит или пишет эти слова. Вот и я не разобралась, а просто вот так, с места в карьер, бросилась проверять Ваню. Не поверила ему, рванула на всех парах, зачем, куда, а главное — для чего. Только вот поздно я задумалась об этом. Все испортила, и Ваню подставила, а может, и наши с ним отношения. Вот дура, сидела бы, готовила спокойно ужин, и не бегала бы, как ненормальная, с проверками. Только поздно теперь судить, когда глупости я уже натворила.

— Дарья, пойдем в комнату со мной, — услышала я голос Вани за спиной, когда уже стояла в кухне и пыталась продолжить приготовить ужин. Ну, что же, от разговора не уйти, и лучше сейчас поговорить, чем оттягивать. Я прошла за мужчиной, отмечая, что он успел переодеться в домашнюю одежду, а я даже не слышала, когда он пришел. — Присядь, пожалуйста, — попросил он, и я выполнила просьбу, не имея желания спорить. Усевшись на краешек дивана, я сцепила руки на коленках и взглянула на него извиняющимся взглядом. — Расскажи мне, что произошло? — Я резко вскинула на него уже опущенные глаза и часто заморгала. Сделав непонятную мордашку, застыла, не имея представления, зачем он это спрашивает. Ведь сам все видел. Был, так сказать, на месте происшествия. Да, собственно говоря, из-за него ведь я и начала кипиш.

— В общем....- неуверенно начала спустя минуты три, но, сказав два слова, снова сглупила. — Да я тут, собственно, и не причем. Просто нечего после деловых встреч с сестрами по ресторанам рассиживать. Предупреждать надо, вот! А то верные девушки сидят дома, ужин готовят, и совсем не в курсе, где вы, с кем и как...

— Может, мне тогда о каждом своем шаге оповещать тебя? — с удивленным взглядом спросил он и уселся рядом со мной, согнув и положив одну ногу на диван. — Ну, чтоб больше ты так глупо не поступала, и не прибегала с проверкой? Как считаешь, Ласточка?

— Это было бы идеально, — вполголоса ответила я.

— Что, прости? — чуть громче переспросил он.

— Идеально, — неуверенно прошептала я и повернула лицо к своему мужчине.

— А может, лучше расстаться, чтобы вообще не бегать?

— Да! — воскликнула я и увидела безумные глаза Ивана. — О, Боже.... Что я говорю, нет, Ваня, я...

— Зачем ты приехала в ресторан? Кто тебе сказал, где я? Кто сказал, что я с девушкой?

— Сейчас, — я рванула в кухню, вспомнив о сообщении, пришедшем на мой телефон. Схватила его со стола и так же быстро вернулась в комнату.

— Даша, сейчас немного не вовремя совершать звонки. Ответить мне на мои вопросы. — Пока он говорил мне это, я копалась в телефоне, ища нужное сообщение. Наткнувшись на него, я протянула руку с аппаратом Ивану. — Вот!

— Что там? — он взял мобильный и уткнулся в экран. — «Приезжай на Калининскую, 7. У него свидание», — вслух прочитал сообщение и посмотрел на меня. — Кто это прислал?

— Я не знаю. Со скрытого номера, предположив, что мы можем искать отправителя.

— И я обязательно выясню это. А теперь с тобой, Даша. Ты получила сообщение от анонима и рванула проверять, правда ли я тебе изменяю, вернее, не так. Хотела застать изменника за горяченьким. Вопрос: зачем я тебе?

— Ваня! Что за глупости?

— А какие глупости? Ты мне не доверяешь, а в отношениях — это важная составляющая. Или, быть может, я давал тебе повод?

— Нет, но...

— Что? Будешь ссылаться на прошлое? Только вот один момент ты упустила, Дарья. Я не Стас! — громче, чем следовало, сказал он.

— Ванечка, у меня и мысли такой не было. Ты что?

— Но не доверяешь ты именно мне.

— Я пытаюсь...

— Пытаешься что? Не доверять? У тебя это прекрасно получается.

— Я пытаюсь тебе доверять, но мне сложно, — попыталась объяснить, но, по всей видимости, Ваня не собирался на данный момент слушать мои оправдания.

— Думаю, что нам нужно это исправить, — предложил он, а я посмотрела на него во все глаза.

— Как?

— Пока пожить отдельно.

— Что? — я недоуменно уставилась на Ваню, поверженная его словами. Зачем он говорит такое, ведь это не вариант. Я ведь уже не смогу без него не то, что жить, но и дышать.

— Даша, просто я пока не вижу иного выхода. Тебе нужно научиться сдерживать эмоции, иначе наши отношения ни к чему хорошему не приведут. То, что сегодня произошло, это уже ни в какие рамки не входит, понимаешь?

— Ваня... — я слегка подалась к нему. — Ванечка, я очень стараюсь, ты же знаешь, но я... Я не могу так скоро... Господи, я не могу так быстро довериться.

— Быстро? Ласточка, ты меня сколько знаешь? — спросил он, заглядывая в мои глаза.

— Давно, очень давно я тебя знаю, с самого детства. Но...

— Так неужели ты не научилась за все это время хотя бы немного доверять мне? Хоть самую каплю? Да хоть, как другу твоего брата?

— Это другое! Друзья не изменяют так, как любимые. Там другая политика.

— Другая... Конечно! Я думал, что хоть немного заслуживаю твоего уважения, — немного повысил голос.

— Ты не немного, ты действительно заслуживаешь, и гораздо большего, чем я могу тебе дать. Просто я очень испугалась, представив, что ты там... — я начала всхлипывать, не имея больше сил сдерживать слезы, — ... та-ам с другой, а я, я тут... Я же не знала, что это твоя

сестра.

— Глупая моя, — он приблизился и обнял меня крепко. Точно, ребра сейчас затрещат, и я заплакала еще горше. Ваня начал гладить рукой по голове и укачивать, чтобы я прекратила плакать. А в его теплых и родных объятиях хотелось еще больше рыдать, вспоминая, что я могла его потерять. — Понимаешь, даже если бы это была не сестра, ты должна мне верить. Хотя бы попытаться.

— Не бросай меня, Ванечка, не нужно. Я буду стараться, правда, — и в подтверждение своих слов закивала.

— Я не собирался тебя бросать...

— Я же без тебя теперь никак, совсем не смогу. Ты мое...

— Даша, прошу, успокойся, милая. Не могу видеть, как ты плачешь.

— Не хочу без тебя, не хочу.

— И я не хочу без тебя, Ласточка. Но тогда нам нужно что-то делать с твоими эмоциями.

— Я буду очень стараться. Обещаю тебе.

— Очень-очень обещаешь? — Ванечка посадил меня к себе на колени и совсем легко, едва касаясь губами, поцеловал в висок.

— Очень-очень постараюсь, — промурлыкала в его объятиях, немного успокаиваясь, убаюканная теплом.

— Ласточка, ты неисправима, — прошептал он в ответ и набросился на мои губы.

Я сладко впитывала его поцелуи, даже не имея возможности дышать, и не от того, что не могла, а просто не хотелось отрываться от желанного мужчины. Все его прикосновения, легкий трепет пальцев по всему моему телу, и невероятно приятный озноб.

Когда я начала расстегивать рубашку на Ваниной груди, раздался звонок домофона. Я нехотя оторвалась от него и начала подниматься, но он усадил меня обратно.

— Ласточка, — прошептал он мне в губы и снова начал целовать. Звонок не прекращался, и я все же нашла силы оторваться от мужчины и пойти открыть дверь.

— Ванечка, мы только узнаем, кто там, и быстро выпроводим незваного гостя, — пообещала я уже на полпути к коридору.

— Что же нам с самого утра мешают воплотить в жизнь наши желания? — пробурчал он, но последовал за мной.

Оказавшись в коридоре, я повернула ключ в замке и толкнула дверь, открывая ее, и так и застыла с немим вопросом в глазах.

— Привет. Ванечка дома? — мой пульс участился, но я сделала глубокий вдох, успокаиваясь, помня о своем обещании, и услышала голос Ивана позади себя.

— Кристина? — капец, что ж за непруха сегодня.

Даша.

— Ой, Ванечка, привет, — я несколько раз моргнула, пытаюсь понять, что сейчас происходит. А происходит, собственно, самая наглая вещь, которую я только могла видеть. Кристина, не стесняясь, оттолкнула меня в сторону и проскочила к Ване, в миг забравшись на него. И кто бы знал, скольких мне усилий стоило, чтобы не выдрать ей патлы. Но, помня свое обещание, данное Ванечке пять минут назад, я старалась держаться из последних сил. Я не видела, но со стороны могло показаться, как из моих ушей валил пар. Иван же, не медля и секунды, скинул с себя эту пафосную выдру.

— Кристина, мне кажется, ты перебарщиваешь, — предупредительно сказал Иван.

— Что не так, милый? Ты соскучился? — тупое выражение на ее милом личике, по которому мне так и хотелось съездить своим кулаком. Но я же девочка.

— Кхе-кхе, — подала я голос.

— А она что здесь делает? — ткнула в меня пальцем.

— Для тебя — Дарья Борисовна, — прошипела я сквозь зубы. — А что, волосы так быстро отросли, что ты перекрасилась?

— Ваня, — Кристина зыркнула на моего мужчину и зло выдавила из себя слова. — Что она... — снова ткнула пальцем мне в лицо, — ... здесь делает?

— Даша — моя жена, и мы это уже обсуждали. Разве ты забыла?

— Так... я... эм... думала, ну, вы специально мне, меня... — она переводила взгляд с меня на него и обратно, заикаясь и невнятно говоря.

— Нет! У нас все серьезно! А тебе здесь не рады, — высказалась я.

— Ну, ладно! — язвительно пропела она. — Посмотрим, насколько долго вы с этой истеричкой продержитесь.

— Ах ты су... — я все же рванула к ней, но прежде, чем она захлопнула дверь перед моим носом, Ваня успел меня схватить.

— Даша, Даша, я прошу тебя, успокойся, Дарья! Она тебя провоцирует. Все хорошо, девочка моя, — успокаивал он меня.

— Ванечка, я держалась, когда она на тебя запрыгнула. Видит Бог, каких усилий мне это стоило.

— Я верю, малышка, верю.

— Сколько еще она будет появляться в нашей жизни? Я больше не хочу так, понимаешь, не хочу. Почему нам вечно пытаются помешать?

— Понимаю. И уложу этот вопрос. Обещаю.

Когда мы, наконец, остались одни, Ванечка подхватил меня на руки и понес в спальню. И теперь я могла думать только о нем, сильном, красивом и невероятно сексуальном. Чувствовать все его мощное тело, теплые руки на своей коже и блаженную, уносящую в рай, дрожь. Будь то мимолетное или целенаправленное касание, я не могла не реагировать на них. Столько в них ласки, тепла и заботы. Каждый раз, когда он меня целовал или касался, я понимала, что пропаду без этого человека. Он мне нужен был, как утопающему воздух.

Поцелуй за поцелуем, касание за касанием, кожа к коже, и я прижата к мягкой поверхности кровати. Припечатана намертво его телом, поглощающим мое. Он, не щадя, целовал мою шею, слегка прикусывая и зализывая, а я выгибалась всем телом от неистовых ласк. Ваня пробирался руками под кофту, нежно лаская пальцами мой живот, от чего по телу с новой силой пробирались мурашки. Когда я почувствовала его руку на пуговице джинсов, между ног стало невыносимо жарко, и я глубоко застонала, требуя скорейшего его проникновения. Мужчина улыбнулся, явно удовлетворенный такой моей реакцией на него, и рывком сорвал пуговицу, которая, подпрыгивая, застучала по паркету. Уже через миг его рука аккуратно проникала под трусики, а губы переместились на ключицу, прикусывая ее.

Свободная рука, на локоть которой он опирался, нежно гладила мои волосы, а я касалась его затылка, пытаясь оказаться еще ближе, получить еще больше. Внутри у меня все горело, и мое тело свело в напряжении и ожидании. Так жутко мне хотелось его всего, до ломоты в костях, до дрожи в руках. Своими поцелуями, касаньями он заставил меня позабыть обо всем, что происходило пять минут назад. Словно мы вечность вот так тонули в ласках друг друга.

Все это время он гладил рукой мои влажные складки, массировал клитор, все больше и больше разжигая меня, давая возможность почувствовать все краски и прелести наслаждения. А я стонала и двигалась ему навстречу. Я почувствовала, как два его пальца проникли в мою влагу, и я тут же взорвалась, сжимая его, обволакивая жаром и дрожа от оргазма. В этот момент он посмотрел мне в глаза, а в его я увидела поволоку страсти и жажды. Он немного грубо припал к моим губам, проникая языком в рот, поглощая мои поцелуи, а я просто летела, словно в небеса, от этих ошеломляющих эмоций.

Когда я немного успокоилась, Ваня приподнялся, лишая меня своих пальцев, и снял с меня джинсы, скидывая их на пол. Туда же полетела и кофта, и я, полностью разгоряченная, осталась лежать в одном белье. Мои волосы разметались по подушке, губы слегка припухли от поцелуев любимого, и, я уверена, глаза блестят от счастья.

Я не заметила, когда он успел снять с себя вещи, и теперь, полностью голый, пробирался ко мне. Я видела, насколько он был возбужден, как его пульс учащенно бился на шее, но Ванечка не спешил. Руками взяв меня за правую ногу, он совсем невесомо поцеловал каждый пальчик, продвигаясь губами вверх, вдоль ноги. Поцелуй за поцелуем, он все ближе и ближе подходил к моей промежности. Пройдя колено, он начал целовать ногу с внутренней стороны бедра так тщательно и ласково, облизывая языком, что я начала возбуждаться с новой силой. И, дойдя до заветной точки, он сквозь трусики накрыл рукой мою киску, отчего она внутри вся сжалась.

Мои глаза, до этого закрытые, распахнулись в удивлении, почему он замер. Проследила за ним, а в этот момент Иван бережно положил мою ногу на кровать и так же нежно взял мою левую руку. Таким же путем исследовал каждый пальчик, при этом посасывая, втягивая в рот, и переместил губы, целуя в центр ладони. Снова и снова поднимаясь выше, распаяя меня, доводя до исступления. После того, как он дошел до плеча, я почувствовала его руку на груди, он сжимал ее, слегка причиняя боль вперемишку с наслаждением. Прodelывал дорожку из поцелуев от плеча к шее и скулам, и я почувствовала легкое касание к губам и услышала свой очередной стон.

В следующий миг мой лиф лежал уже где-то на полу, освобождая путь для мужчины. Ваня лизнул сосок сначала на правой, а затем — на левой груди, и я могла слышать его довольное рычание. Он так сладко посасывал мою грудь, и крепко гладил ее руками, что мое ненасытное тело грозило снова взорваться. Его нога находилась между моих ног, и я, поддавшись искушению, дернулась вверх и начала тереться промежностью о его бедро. Мое тело так и просило освобождения, не имея сил терпеть эту сладкую пытку, и когда он в очередной раз прикусил сосок, втягивая его крепко в свой рот, я снова взорвалась, сжав коленями его ногу.

Он видел, как меня трясло в этот момент, и, крепко обняв, прижал меня к своему горячему возбужденному и твердому, как камень, телу. Но мне все еще казалось мало, хотелось, наконец, целиком получить его в себя, о чем сразу же и попросила. Только Ваня желал другого, переворачивая меня на живот.

— Это тебе месть за тот случай с лифчиком в кухне, помнишь? — прошептал он мне на ухо и слегка прикусил мочку. Я же только сдавленно пискнула и расхохоталась. Почувствовала поцелуй на шее, легкий трепет его пальцев по моим ребрам, скольжение языка по позвоночнику, и снова все последующие действия доводили меня до точки кипения. Это лучшие прелюдии в моей жизни.

А я ведь помнила тот финт с расстегнутым лифчиком, и вовсе не против такой сладкой

мести. Полностью поглощенная его ласками, поцелуями, неистовым порханием пальцев, я совсем потерялась в пространстве и очутилась в реальности, только когда почувствовала томное погружение его члена в меня, упустив тот момент, когда он снял с меня последнюю деталь гардероба.

Ваня согнул мою правую ногу в колене и приподнял, чтобы удобнее было погрузиться в меня. Он точно издевался надо мной, потому как, проникая все глубже, он еще и успевал ласкать пальцами мое бедро, гоняя во мне дрожь возбуждения.

В этот раз мы кончили вместе, поглощенные страстью друг друга. Он продолжал лежать на моей спине, при этом основной вес переноса на локоть. Мы одновременно тяжело дышали, до сих пор переживая наш общий оргазм. Тела были пропитаны сексом и страстью, и не было никаких сил вставать и идти в душ. Не было также сил на то, чтобы что-то говорить. Сейчас, в этой спальне, в этой кровати, когда между нами не было и миллиметра пространства, было до невыносимости ясно, что наши чувства перенесут любые испытания.

ГЛАВА 12

Даша.

Прошло несколько месяцев с тех пор, как в нашей паре наступило умиротворение и счастье. Мы все меньше и меньше ссорились с Ванечкой, я все больше прикипала к Максиму и чувствовала, что мы одна семья. Причем, семья такая — со стажем. И неважно, что мы не женаты с Вишневым, что у нас нет колец, нам просто хорошо вместе. Разве имеет значение штамп в паспорте, когда люди счастливы друг с другом? Я, конечно, не скрываю, что мечтаю о свадьбе в белом пышном платье, с кучей гостей, но это все дело времени. Сейчас у нас намечается одно событие, которое требует много внимания, времени и забот.

— Даша, расскажи, как продвигаются дела с новым салоном? — мы с Евой сидели на террасе, пили горячий чай, укутавшись в теплый плед. Девушка значительно округлилась с последнего момента нашей встречи, она стала краше, милее, и ее глаза светились счастьем. Вот, что делает с людьми любовь и беременность.

— Слава Богу, все хорошо, и количество посетителей увеличивается с каждым днем. А записи у мастеров растут не по дням, а по часам.

— Ох, я очень рада этому, надеюсь, и сама попаду к вам, — Ева глянула на свой животик.

— Вот и отлично, жду тебя вместе с Маришкой. А я поколдую над вашими прическами, — пропела я, уговаривая невестку посетить свой новый салон.

— Ладно, уговорила. Люблю, как ты выполняешь свою работу, — улыбнулась она и сделала глоток своего напитка.

— Вот и отлично, — обрадовалась я. — Евчик, ты как себя чувствуешь? Малышка сильно беспокоит тебя?

— Да нет еще. Она пока маленькая, вот как начнет пинаться, тогда действительно весело будет.

— А когда начнет?

— Еще пара недель точно пройдет. А там, как малышке заблагорассудится.

— Блин, Ева, это, наверное, невероятные ощущения, да?

— Невозможно передать, нужно только чувствовать, — ответила она, на что я грустно вздохнула.

— Ну, ты чего?

— Знаешь, мы с Ваней ни разу не предохранялись, а я даже не смогла забеременеть.

— Дашуль, не каждая девушка может с первого раза забеременеть, и я уверена, что и у тебя получится. Ты же здорова, — подбадривала меня Ева.

— В том то и дело, что здорова.

— Мамочка, привет, ой, и Даша, — к нам подбежала Маришка, вернувшаяся из сада с отцом.

— Привет, подруга, — я хлопнула ее протянутую ладошку, которую она всегда подсовывала мне для приветствия. — Как дела в садике?

— Хорошо, — довольно пропела девочка. Ева с упоением наблюдала за дочерью, и я могла только представлять, что она чувствует.

— Милая, а где папа?

— А он на улице с какой-то тетей разговаривает, — ответила малышка, и я заметила, как лицо Евы погрузнело.

— Марин, беги в дом, переодевайся, а потом ужинать будем. Я тебе, кстати, подарок привезла, — попыталась я отправить малышку к себе в комнату, с чем она любезно согласилась, услышав о подарке. — Что за тетя? — немного грубовато спросила я, когда мы с подругой остались наедине.

— Да соседка наша новая клеится к Андрюше, — посетовала Ева.

— А он че, ведется, что ли?

— Нет, но все равно меня это расстраивает. Мое положение меня только подстегивает.

— Тааак, — протянула, вставая со своего места, — А ну, пойдем за мной.

— Даша, что ты удумала?

— Сейчас узнаешь, пойдем.

Я потащила Еву на улицу, где, скорее всего, находился брат с соседкой.

— Я потом напою Вас чаем... — услышала я обрывок разговора и, не медля, подскочила к Андрею.

— Андрюша, привет.

— Даша, — он посмотрел на меня с растерянностью, после чего изменил свой взгляд на более жесткий. — Девочки, что-то случилось?

— Нет, любимый, что ты, — тут же начала я импровизировать. — Просто соскучились по тебе. Ты так надолго нас оставил одних. А кто эта девушка?

— Меня зовут Валя, я здесь дом купила, — начала знакомство вышеупомянутая.

— Дом, значит? А Андрей тебе зачем? — я с интересом начала ее разглядывать. Девушка выглядела слишком худощавой и простенькой. Черные волосы неестественно обрамляли ее лицо, и она выглядела, словно зомби. Я даже немного поежилась. — Подожди, я поняла. Слушай, ну, у нас здесь, как бы, нестандартные отношения, и...

— Даша, — позвала меня Ева, но я проигнорировала ее и продолжила.

— Мы групповушку любим. Как насчет присоединиться? Четвертой будешь? — у Вали глаза стали, словно пятикопеечная монета.

— Даша, прекрати! — строго приказал Андрей.

— Ты хочешь остановиться на трио? — я обратила внимание на соседку и на то, как она начала пыхтеть, переводя взгляд с меня на Андрея, а после — на Еву.

— Извращенцы! — выкрикнула она в сердцах и направилась к своему двору, бубня под нос: — Валить отсюда нужно...

— Катись, давай!

— Дарья, я требую объяснений! И, Ева, только не говори, что ты в этом участвовала.

— Что, я...

— Твоя жена здесь не причем. Пойдем во двор.

— Я требую объяснений, — снова властно произнес Андрей.

— А я сейчас все объясню, — мы отправились в сторону террасы. Ева немного притормозила, но я ее подтолкнула вперед, давая понять, что я еще не закончила.

— А теперь я внимательно слушаю. Ева, — он глянул на жену, давая возможность объясниться ей, но я не выдержала и выпалила громче, чем стоило бы.

— Да, причем тут Ева? Это как раз ради нее. Андрей, ты чего, оборзел?

— Смени тон, — рыкнул он на меня, и я поникла.

— Прости, братик, — и уже громче добавила: — Андрюш, ты нафига строишь глазки этой соседке?

— Чего? — с недоумением он посмотрел сначала на меня, потом на жену. — Она попросила повесить картины у нее в гостиной...

— Ага, а после чаем напоить, а потом, знаешь, что случается в таких ситуациях?

— Ну, расскажи-ка мне, просвети.

— Потом она берет, нечаянно проливает на тебя чай, уговаривает застирать вещи, ты раздеваешься, а после все, само собой разумеющееся.

— Даша, я вот иногда сочувствую Ване, откуда в твоей белокурой головке берутся такие мысли? Я на кой хер женился? Чтоб потом соседок тра*ать? — от этих слова Ева пошатнулась и пошла в сторону дома. — Снежинка, вернись, пожалуйста, — она оглянулась, но осталась стоять на месте. — Ты мне не доверяешь? Ты поверила в весь этот бред?

— Как вам вообще можно доверять? — пробубнила я себе под нос.

— Я не знаю, Андрей, но мне не нравится вся эта ситуация. — Видно было, что Ева дается с трудом сдерживать эмоции, и она едва ли не плачет. Заприметил это и Андрей, резко подошедший и обнявший жену.

— Я люблю только тебя, Ева, и ты прекрасно знаешь об этом. Я бы ни за что не променял свое королевство, на одноразовый... на одноразовую девку. — После этих слов она заплакала, а Андрей напрягся. — Даша, тебе повезло, во-первых, что ты моя сестра, а во-вторых, что Ева стала очень сентиментальная во время беременности. Иначе эти слезы я списал бы на тебя!

— Бу-бу-бу... Если я правильно поняла, то мне пора сматываться? — глянула я на обнимающуюся парочку из-под лба.

— Желательно, иначе отшлепаю ремнем, — мы улыбнулись друг другу, после чего я подошла и поцеловала их обоих в щеки.

— Даша, Даша, ты уже уходишь, — навстречу мне выбежала Маришка, держа в руках красивую куклу в наряде императрицы. — Спасибо большое за эту плинцессу.

— Не за что, дорогая, — она крепко обняла меня маленькой ручкой, во второй продолжая держать подарок, и, поднявшись, я удалилась подальше от глаз брата.

— Ласточка, что ты там сегодня устроила у Андрея дома? — мы сидели, ужинали втроем в столовой. Макс с воодушевлением уплетал свой стейк, я же нехотя ковырялась вилкой в тарелке, обдумывая недавно пришедшее сообщение.

— Ничего, Вань. Просто нечего женатым мужчинам заглядываться на посторонних женщин, — было моим ответом, но я не удосужилась даже взглянуть на Ивана, чтобы не выдать своего нервного состояния. Он хмыкнул.

— Я почему-то уверен, что ты себе напридумывала больше, чем было на самом деле.

— Возможно, — также нелепо ответила. — Просто хочу, чтобы они были счастливы.

— Я попросил сдерживать свои эмоции, так ты решила брату удружить, — он улыбнулся и нежно провел рукой по моей скуле. — Даш, я с тобой разговариваю, может быть, ты поднимешь глаза? — я долго решалась, что ответить на его замечание, но, не найдя ни одного подходящего слова, я просто выполнила его просьбу. — Так-то... Что с тобой? Ты заболела? — взволновано спросил он.

Я покачала головой и принялась есть свой стейк, якобы с удовольствием.

— Я все, — Макс поднялся из-за стола и подошел ко мне. — Ласточка наша, спасибо за ужин, — так он меня еще не называл, я улыбнулась.

— Пожалуйста, дорогой.

— Я к себе, если соскучитесь, я вас жду.

Он вышел из столовой, оставив нас с Ваней наедине. Я сделала пару глотков сока, делая вид, что разговора и не было, но мужчина не намерен был все так оставлять.

— Дарья, так что насчет тебя?

Я решила не скрывать и выпалила на одном дыхании:

— Я думала, что Владимир забыл, и все отменяется, но сегодня он прислал мне сообщение, что в субботу открытие гонок. Что-то он запоздал в этом году. В общем, еще на закрытии сезона все было подписано, мы с ним соревнуемся. И я пообещала себе, что сделаю это, иначе он подумает, что я сдрейфила, тогда он никогда от меня не отстанет.

— Давай, я улажу это.

— Нет, Ваня. Я должна это сделать. Я утру ему нос, и он больше не сунется ко мне.

— Я против!

— Ты не можешь мне помешать, я хочу доказать сама себе, ему, всем, что я могу. Могу победить Владимира Николаева.

— Ты понимаешь, что это твоя жизнь, твое здоровье? Ты рискуешь всем. Даша Золотарева неоднократно побеждала такого охламона, как Владимир, зачем сейчас что-то кому-то доказывать?

— А также я рискую поставить свою честь под сомнение.

— Ты боишься, что о тебе станут плохо говорить твои поклонники, если ты откажешься от этой гонки? В общем, я запрещаю, Дарья, — он строго глянул мне в глаза, и от этого взгляда я поежилась. — Ты нужна мне целой и невредимой. Мне и Максу.

— Может, ты хоть раз спросишь мое мнение? Ты не понимаешь, что мне это нужно? Нужно! — я даже соскочила с места, где все это время сидела, и пристукнула ногой, доказывая свою правоту.

— Если ты не слушаешь меня, тогда придется обратиться к твоему брату. Он уймет твою попу с приключениями!

— Да что ты заладил-то? Даша, не делай то, Даша, не делай се. Я взрослая!!! Мне уже почти двадцать пять, и я сама вправе решать, делать мне что-то или нет! Ясно?

Ваня.

— Нет! Не ясно! До тех пор, пока я переживаю за тебя, мне не ясно! — кричал я, понимая, что с моей девочкой так нельзя, но по-другому никак.

— Это что получается? — понизила голос Даша. — Я всю жизнь не смогу делать, что хочу? — понимает, что всегда буду рядом. Хочет.

— Нет, Ласточка. Ты можешь делать все, что хочешь. Но только не гонки, — дал понять я. — Вот, например, ты прекрасно едешь на мне, — немного улыбнулся, за что и получил

по плечу маленьким кулачком.

— Идиот! — воскликнула Дарья. — Я тебе еще покажу, как езжу на тебе. — Она направилась к выходу. — И я буду участвовать в этих гонках! Хочешь ты этого или нет! — И покинула мой кабинет, в который мы успели перейти во время перепалки.

— А кто сегодня под номером двенадцать? — я недолго смотрел на щуплого парня, стоявшего на линии старта. Видно было, что тот спокоен, только иногда посматривал по сторонам. Словно искал кого-то.

— А! Так это же Дашка, — сказал мне Руслан, организатор гонок.

— Какая Дашка? — парень посмотрел на меня, как на ненормального.

— Дашка Золотарева, — было мне ответом.

— Что? — в этот момент прозвучал выстрел, и все байкеры дали старт.

— А ты что, не знал, что твоя Ласточка гоняет? — Руслан смотрел на меня, как на идиота.

— Останови гонки, — попросил я злым голосом.

— Нет. Гонку не останавлию. Разбирайтесь по окончании. Она отличный ездок.

— Твою мать, я сказал, останови гонки. Прекрати. Как хочешь, но все прекрати!!! — я не знал, что сделаю этому ублюдку. Если с Ласточкой что-то случится, убью всех.

— Иван! Хватит, что ты кипиш начинаешь...

— Я тебе такой кипиш устрою потом! — заорал я и пошел прочь. Залез на высшую трибуну, чтобы видеть эту маленькую засранку. Иначе ее сейчас не назовешь.

— Все-таки пошла на это. Не послушала...

Мотоцикл мчался с невероятной скоростью. Ну, я ей устрою. В последний раз вижу ее за рулем. За рулем байка. Невероятно. Эта мелкая решила меня совсем довести. Я покажу тебе гонки, только слезь с этого «коня».

— Ну, что, двенадцатый номер отлично оторвался вперед ото всех. Но... смотрите, что происходит. Николаев пытается обогнать Золотареву. Да, мы все знаем, что они давние враги. Владимир всегда завидовал Дарье и вот сегодня решил, вероятно, отомстить ей. И, что это происходит... — разговаривал комментатор.

— Все знают? — начал разговаривать я сам с собой.

— О нет! Этот ненормальный решил... — раздался невероятный визг шин по асфальту, и я резко сорвался с места.

Я не заметил, как первым оказался рядом с Дашей, лежащей на земле. Ее отбросило от мотоцикла метра на три. Она лежала и не шевелилась. Я осторожно приподнял ее голову и отодвинул стекло на шлеме. Ласточка тяжело открыла глаза. Нешироко. Но я смог увидеть в них боль. И, прежде чем отключиться снова, она сказала единственное:

— Я люблю тебя.

ГЛАВА 13

Ваня.

Всего лишь три заветных слова взорвали мой мозг, дали определенный толчок, который разрушил мои мысли, планы и принципы. Только очень жаль, что именно в такой ситуации, в таком ужасном положении прозвучало ее признание. Признание, перевернувшее мой разум, заставившее мое сердце сделать кульбит.

Я много думал о нас с Дарьей, как о паре, а еще чаще — как о семье. Хотя мы и жили вместе уже несколько месяцев, но мне хотелось узаконить наши отношения. И, наверное, я просто поступал глупо, раз ждал признаний от Даши, а не отвез ее сразу в ЗАГС, воплощать свои мечты. Нужно было, не думая и не спрашивая у девушки тащить ее и жениться, возможно, тогда было бы все иначе. Она была бы моей женой, и я имел бы право запретить ей участвовать в гонках, да и вообще гонять на байке. Еще лучше, если бы она была беременна и носила нашего с ней малыша, думаю, тогда она сама бы остепенилась. Только поздно об этом размышлять, когда самое ужасное, что могло быть, уже произошло.

Я в который раз налил себе в стакан виски, не для того, чтобы напиться, а просто мне необходимо было занять чем-то руки, иначе я не ручался за себя, и мог разнести весь свой кабинет в щепки. Уже прошло три дня с той проклятой аварии, а я ни разу не видел Дашу. Сразу же с места происшествия ее увезла «скорая», а я, не теряя ни минуты, помчался следом в больницу. Но, как оказалось, поздно. И, черт возьми, я целый невероятно долгий час не мог разобраться, почему меня не пускают к любимой девушке. А когда увидел когда-то равнодушную, теперь же ненавистную мне рожу Николаева, все понял.

— Это ты, урод, все подстроил, — я тогда кинулся на него с кулаками, но, благо, Андрей находился рядом и оттащил меня от этой гниды.

— Остынь, Ванечка, — он словно выплюнул мое имя и добавил: — Просто Даша выбрала меня. Теперь она моя жена, вот доказательство, — он протянул мне паспорт, который я тут же выхватил и, открыв нужную страницу, ошалел от увиденного. «Брак зарегистрирован с В.С. Николаевым».

— Ну, ты и мразь, пусти меня к ней, — заорал я.

— Извините, конечно, но имейте совесть, — из палаты показалась пожилая женщина. — Пациентке нужен покой, вы могли бы не кричать?

— Я хочу видеть Дарью!

— Опять же, извините, но Владимир Станиславович запретил кого-либо пускать к своей жене.

— Да я тебя живьем закапаю, ты мне за все заплатишься, — обратился я к вышеупомянутому, и не мог успокоиться, не веря в происходящее.

— Что за шум? — к нам вышел врач из палаты, оглядел всех по очереди. — Я могу при всех сказать?

Этот урод глянул на нас с Андреем надменным взглядом и кивнул.

— Ну, что же, у девушки перелом правых ноги и руки, повреждены также и ребра с правой стороны. Плюс ко всему, она очень ударилась головой, соответственно, у нее сотрясение мозга, и я практически уверен, что это вызовет если не полную, то частичную амнезию.

— Ах, ты, сука, ты знал, ты все продумал, я тебя уничтожу, — я снова кинулся на него, но Андрей и эти амбалы, стоявшие возле палаты, разъединили нас.

— Поражаюсь Даше, как она терпела такого ненормального? Не пропускать его, ни в коем случае, — дал указание охране и собрался было идти, но Андрей его остановил.

— Запомни, я со своими связями нарою то, что ты задумал, и когда откроется правда, я тебя в особо изощренной форме накажу. И не дай, Бог, ты причинишь вред моей сестре! — во время своей речи друг подошел вплотную к Николаеву, схватив того за лацканы кожаной куртки. А когда отпускал, со всей силы толкнул его так, что эта мразь чуть не упала. — Пойдем, Иван.

— Что? Ты собираешься оставить Ласточку в компании этих уродов? — возмутился я.

— У тебя есть другой вариант? — он поволок меня на улицу и, остановившись на крыльце, добавил: — Я прекрасно понимаю тебя, Ваня, но нам нужно время, сейчас нельзя ничего делать сгоряча.

— Андрей! Ты совсем, что ли? Там Даша, наша Даша, моя девушка, твоя сестра.

— И еще, черт возьми, жена этого урода, — заорал Андрей. — И я тоже в бешенстве от сложившейся ситуации, но мы не можем сейчас ничего предпринимать. Понимаешь? Пойдем в машину.

Я сам тогда закипал, не соглашаясь с мнением друга, но он был прав, что меня еще больше бесило. Бесила безвыходная ситуация, бесило, что я не могу увидеть любимую, бесило все, что я не мог сделать. А я ничего не мог сделать. Абсолютно ничего!

— Ваня, пойми, нам нужно разгадать, что он задумал, выяснить, установить слежку. Мы не можем рисковать Дашей, мы не имеем права.

— Я не могу сидеть, сложа руки, и ждать, неизвестно чего. Ласточка ничего не помнит, что с ней будет, когда она очнется? — продолжал нервничать я.

— Понимаю, я прекрасно тебя понимаю! Но тобой в данный момент руководят эмоции, чувства, любовь, в конце концов, а нам нужно рассуждать здраво! И это еще не точно, может, все-таки, она не потеряет память.

— Андрей, ты понимаешь, что я не переживу, если с ней что-то случится? Я его живьем закапаю.

— Я тебе помогу. В любом случае.

Сегодня же я чувствовал, что мои нервы на пределе, но опять не мог ничего сделать, сколько бы раз не порывался. Всегда со мной рядом был Андрей, который при малейшем дерганье сдерживал мой порыв жажды крови. Хотя я видел, как он и сам нервничает, ведь Дарья его сестра, и у них безумно теплые отношения. Никому из нас не хочется, чтобы она пострадала. Благо, родители в США и не знают о случившемся, ибо неизвестно, что было бы с Тамарой Николаевной после этой ужасной новости.

— Ты снова пьешь? — любопытствовал входящий в кабинет Андрей.

— Делаю вид, — лишенным каких-либо эмоций голосом ответил я. — Какие новости?

— Есть новости, только для начала и мне налей. Ева уже подумывает, что я ее избегаю из-за капризов, но сказать ей, что с Дашей, я не могу.

Я лишь кивнул, понимая, что ни к чему нервничать беременной девушке. Я знаю Еву, и как она всегда за всех переживает. После этого налил ему в стакан янтарной жидкости, приготовившись услышать новость.

Даша.

Наконец-то, сегодня я попаду домой, хотя, что есть для меня дом, я не понимала. И дело не в том, что я месяц пролежала в больнице, а в том, что совершенно ничего не помнила. Полностью, как будто стерли память, я даже не помнила, как выгляжу, пока врач не дал мне зеркало.

Блондинка...

На меня смотрела блондинка с карими глазами. Но в них не было и намек на счастье, они были грустными, потерянными, я бы даже сказала, пустыми. А еще я узнала, что у меня есть парень, Вова, только вот и его я совсем не помню.

Единственное, что хорошо врезалось мне в память, это боль, которая преследовала меня после того, как я пришла в сознание.

Как же ужасно — ничего не помнить, ничего не знать о себе, что я любила, чувствовала, желала. Для чего я жила? Боже, неужели я так и буду всю жизнь мучиться в неведении?

— Улыбнись, любимая, — позвал меня парень, сидевший за рулем. Мы ехали, как я понимала, в направлении нашего дома, и я ничего из окружающего не узнавала.

— Что-то настроение не совсем хорошее, — ответила я и снова глянула в окно на мелькающие витрины и дома.

— Что, так трудно улыбнуться своему мужчине? — в этот раз его голос казался раздраженным.

— Ты был той, прежней Кати, женщиной, а я... — он резко затормозил, и я подалась вперед, едва ли не ударившись головой о лобовое стекло, благо, ремень безопасности был застегнут моим заботливым парнем.

Он резко развернул меня к себе и, обхватив лицо обеими руками, крепко сжал и прошипел мне в губы.

— Я и сейчас твой! Поняла? И не смей думать иначе! — и жестко поцеловал мой рот, что мне до ужаса не понравилось, но я промолчала. Возможно, в прошлой жизни мне так нравилось, но сейчас... Это было неприятно, даже невыносимо и жутко. Мне хотелось спрятаться, забиться в кокон от этого серого мира, вернуть свою память, и я не знаю, понравилось бы мне мое прошлое, или лучше здесь, сейчас, в настоящем.

Отпрянув от меня, он большим пальцем погладил по щеке и, развернувшись, снова поехал по известной лишь ему дороге.

— Здесь мы с тобой жили до аварии, — мужчина показывал мне все места, где я раньше бывала, но, увы, в моей памяти не проскользнуло ничего такого, что дало бы толчок к воспоминаниям.

— Долго мы жили вместе? — поинтересовалась с надеждой на малейший шанс.

— Полгода. Но нам было очень хорошо, дорогая, — он подошел ко мне вплотную и нежно провел тыльной стороной ладони по щеке. — Мы собирались пожениться. Надеюсь, это в силе?

Я резко глянула на него и застыла, не в силах произнести хоть что-то.

— Девочка моя, неужели ты передумаешь?

— Я любила тебя?

— Ты всегда мне это доказывала, — ответил он и прижал мою руку к своим губам, — и я уверен, сейчас ничего не изменилось, ты просто не помнишь этого.

— Не помню, — с сожалением кивнула я и отошла от него к массивной кровати, чтобы нас хоть немного разделяло пространство. Но не прошло и минуты, как я почувствовала толчок, и мой еще пока не устойчивый мир пошатнулся, а я оказалась лежащей на твердом матрасе.

ГЛАВА 14

Даша.

Когда я почувствовала на себе тело Вовы, я тут же поняла, что не хочу его, что мне неприятны его касания. А мужчина, по всей видимости, считал иначе: давая волю рукам, он пробирался мне под кофту, при этом пытаясь поцеловать меня везде, где мог достать. И как же противно было ощущать его губы на своем теле, и я, собрав все свои силы, которые

остались после падения с высокой лестницы, попыталась отодвинуть его от себя. Удалось не слишком хорошо, но мужчина оторвался от меня на несколько сантиметров.

Его дыхание было тяжелым от возбуждения, которое я чувствовала через плотную ткань своих брюк. Мое дыхание было тоже тяжелым, но от бессилия. Я знала, что, в случае чего, не смогу ему противостоять, но сейчас я должна была попробовать, хотя бы попытаться.

— Катюша, что случилось? Тебя что-то тревожит?

— Мне как-то не по себе, понимаешь? Я же совсем тебя не знаю, не помню, и мне сложно сейчас вот так заниматься с тобой...

— Что плохого в том, что мы займемся сексом? Мы давно вместе, и неоднократно тра*ались.

— Тра*ались? — я удивленно вытаращила на него глаза. — Ты любишь так выражаться?

— Когда злюсь.

— Значит, сейчас ты злишься, но почему?

— Катя, у меня месяц не было секса, и это по понятной причине, но когда любимая женщина тебе отказывает в этом, то настроение — не самое лучшее.

— Я просто хочу поближе познакомиться с тобой. Хочу, чтобы ты мне рассказал как можно больше о нас, как мы познакомились, как начались наши отношения, первый поцелуй. Я же ничего этого не помню, абсолютно ничего, — я тяжело вздохнула и прикрыла глаза, после чего почувствовала, как он отстраняется от меня, и я, наконец-то, могу дышать полной грудью.

— Для знакомства со мной даю тебе неделю, больше ждать я не намерен, — сказал он и вышел из спальни, крикнув напоследок: — Через час будет ужин — спустишься, звать больше не буду.

Господи, неужели я и раньше так жила? Если да, то теперь я не хочу этого. Не хочу, чтобы мой мужчина относился ко мне так холодно, так бесчувственно. Ведь если он меня любит, то должен мне помогать, подсказывать, просто давать толчок к воспоминаниям, к прошлому. Дать хоть какую-то зацепку, чтобы я могла начать вспоминать, хоть самую малость.

Я все сделаю, чтобы вспомнить, иначе просто не смогу так жить. Пусть расскажет все, что знает обо мне. Я хочу почувствовать, что любила этого человека, да и любила ли вообще, потому как сейчас меня совсем не тянет к нему.

Быстро, насколько позволяла недавно травмированная рука, я приняла душ и, одевшись в найденный в шкафу спортивный костюм, спустилась в кухню к своему парню. Вова уже сидел за столом и с аппетитом уплетал ужин, я прошла и заняла, по всей видимости, свое место.

— Прият...

— Чтобы после ужина сняла это ужасный костюм, — перебил меня мужчина. — Я покажу, что тебе стоит носить.

— Чем же он ужасен, можно узнать? — непонимающе уставилась на него.

— Он ни грамма не сексуальный. И прическу тебе пора сменить: новая жизнь — новая ты.

— Мне нравится моя прическа, — выразила свое мнение я и взялась за вилку.

— А мне — нет. Завтра же поедем в салон, — настаивал на своем мужчина, с упоением наблюдая за моей реакцией.

— Ты всегда диктовал мне, что делать?

— Скажу одно — ты всегда меня слушалась.

— Ладно, не спорю, возможно, так и было, но...

— Не возможно, Катя, а так и было.

— Хорошо, так и было. Видишь, согласилась, потому как я не помню. Но теперь мне это не нравится, я не хочу, чтобы ты говорил мне, что надевать, как сидеть, что есть, что говорить. Я хочу сама решать.

— До тех пор, пока ты живешь в моем доме, я буду решать, что тебе делать.

— А я думала, что это наш дом, раз мы живем вместе. Отлично, — я швырнула свою вилку в тарелку с нетронутым ужином и, встав, быстро направилась в сторону лестницы, но, не успев дойти до нее, была прижата к стене.

— А вот характер, девочка моя, показывать мне не нужно. Я никогда не терпел твои выбрыки, и сейчас не стану, — прошипел он мне в лицо и рванул спортивную кофту за молнию. Его взору предстала моя грудь в лифчике, и он с рыком набросился на губы, и все, что у меня получилось — это всхлипнуть.

Владимир с остервенением сжимал мои губы в поцелуе, терзая их, кусая, причиняя боль, и ни капельки нежности не проскакивало в так называемой его ласке. Одной рукой он крепко зафиксировал мои кисти, придавив их к стене, вторая рука не менее крепко держала лицо, а бедра придавили ноги, ограничивая меня в движениях.

Через некоторое время он оторвал свою руку от моего лица и принялся ласкать тело, опускаясь по шее ниже, к груди. И дойдя до нужной цели, он слишком сильно сжал мою грудь, причиняя боль, оставляя свои следы, помечая, ставя клеймо.

Дальше я только чувствовала боль. Чувствовала, как он сдирает с меня штаны и проталкивается вглубь, жесткие толчки, и жгучая боль, пронзающая, заставляющая сжиматься и чувствовать себя униженной. И, скорее всего, это было то, чего так хотел он, но я не готова была сдаваться.

Проснувшись я, когда за окнами было уже темно, и, слегка пожившись от боли, я открыла глаза, приподняв голову. В спальне было темно, ничего не выдавало намека на свет, и, по-моему, никого кроме меня больше не было. Я, не спеша, опустила ноги на пол и, оттолкнувшись, поднялась с постели и пошла, аккуратно нащупывая свой путь к двери. Когда я, наконец-то, оказалась в коридоре, прислушалась и услышала, что Вова разговаривает по телефону. Я направилась, как предполагала, в сторону его кабинета. Когда я дошла до двери, уже было совсем тихо, и я неуверенно постучала и приоткрыла ее, заглядывая внутрь. Мужчина сидел за столом, листая какой-то журнал и хмурия брови, но, заметив меня, отвлекся.

— Ты зачем поднялась? — его голос был по-прежнему раздраженным, он направился ко мне и, подойдя вплотную, пальцами убрал волосы с моей щеки.

— Мне надоело лежать, и я подумала, может быть, ты расскажешь мне обо мне, — прохрипела я, на что Вова тяжело вздохнул.

— Ладно, но только в спальне, нечего тебе перенапрягаться, — я ухмыльнулась, подумав о недавно произошедшем возле лестницы. Как брать меня, так можно перенапрягаться. Но мысли свои я так и оставила при себе, боясь задеть его, и не услышать рассказа о себе.

Мы удобно расположились в кровати. Вова усадил меня к себе под бок, при этом положив под мою правую ногу подушку и, приобняв, начал рассказ:

— Мы познакомились в супермаркете, это был канун Нового года, ты тогда тащила кучу

сумок с продуктами, а я решил тебе помочь. Ты согласилась, мы разговорились. Я тогда задал тебе вопрос, с кем будешь отмечать, а ты сказала, что одна. Я еще удивился, зачем такой маленькой хрупкой девушке столько еды. А ты сказала, чтобы не чувствовать себя одиноко, потому как, когда родители были живы, мама много готовила, и теперь ты накупила это все для создания видимости большой семьи.

— У меня нет родителей, — я с огорчением заглянула ему в глаза.

— Нет, дорогая. И даже нет ни одной фотографии, чтобы показать их тебе. Когда я предложил тебе переехать ко мне, ты решила продать свою квартиру, велев, чтобы все твои вещи вывезли на свалку, — я всхлипнула от чудовищности ситуации и прикрыла рот ладошкой, чтобы не разрыдаться. — Я отговаривал тебя, но ты сказала, что не хочешь, чтобы тебя связывало прошлое с настоящим.

— Господи, — прошептала едва слышно. — Какая же я дура.

— Тихо, малышка, тихо, все в прошлом.

— Не верится, что я могла так поступить.

— Честно признаться, ты была достаточно жестокая и расчетливая.

— Ох, какой ужас. Но сейчас я не хочу быть такой. Не буду.

— Ты будешь такой, какой хочешь быть. Только в некоторых вещах я хочу, чтобы ты была прежней.

— Например?

— Например, ты всегда любила жесткий секс, — пояснил он, отчего по моему телу пошли неприятные мурашки.

— Но сейчас мне это не нравится, — жалобно пропела я.

— Дорогая моя, неужели ты меня лишишь и этого? Я ведь и так пошел на уступки ради тебя.

— Что еще?

— Что?

— Ты говорил про некоторые вещи, значит, не только о сексе.

— Да, не только о сексе. Сейчас, — он осторожно выбрался из-под моей спины и подошел к шкафу. Открыв дверцу, он начал что-то искать на полке и, найдя нужную вещь, повернулся ко мне. — Раньше по дому ты ходила только в таких вещах, ну, минуя те случаи, если у нас гости бывали.

Он развернул пакет, и в его руках оказался ажурный прозрачный красный пеньюар, отделанный камнями по низу и на груди. Тут же в его руке показался комплект белья: стринги, которые практически ничего не могли прикрыть, и лиф с чашечкой-половинкой. Словно его специально обрезали, издеваясь над девушками.

— Это уже слишком, — посетовала я.

— А жесткий секс — не слишком? Между прочим, это ты меня ему научила, моя коварная женщина, — довольно добавил он.

— Я против.

— Думаю, со временем я попытаюсь тебя переубедить.

По мере поступления информации мне начинало казаться, что я больная на голову. Все это казалось бредом и несусветной чушью, и лучше пусть он меня берет, как хочет, здесь я смогу стиснуть зубы и вытерпеть ужасные минуты противного секса. Но ходить перед ним в столь откровенных нарядах и видеть, не имея возможности закрыть глаза, как он пожирает мое тело часами? Нет, я так не смогу. Это слишком большое унижение для меня.

И вообще, мне начинало казаться бредом то, о чем он мне поведал. Не знаю, смогу ли я позже поверить в то, что могла поступить так с памятью о родителях, и выбросить все (хоть я их совершенно не помню, как и все остальное сейчас), на данный момент я не верю в это.

ГЛАВА 15

Даша.

Прошло два дня с тех пор, как я узнала о себе правду. Тяжелую, ужасающую, но правду. И мне до боли в висках не хотелось верить в то, что я в прошлом была такой дрянью, что могла поступать так, как поступала. Неужели я могла уничтожить память о родителях? Единственных и родных. Какими они были? Добрыми, любящими или злыми, ненавидящими меня, непутевую дочь? Почему я не помню ничего? Абсолютно. Моя душа разрывается на части от неизвестности и боли от происходящего. Так хочется хоть частичку прошлого узнать, увидеть. Быть может, тогда я бы смогла что-то вспомнить. Почему я с Владимиром ничего не вспоминаю? Может быть, у меня были и другие родственники?

— Ласточка, что-то ты совсем приуныла. Того гляди и заноешь, — я резко вскинула голову от услышанного прозвища.

— Ласточка? Почему Ласточка?

— Ну... Ты просто такая же легкая и воздушная, как ласточка, — было мне ответом, и я не придавала особого значения этому. Меня интересовал куда более важный вопрос, который может привести меня в сознание.

— У меня были брат или сестра?

— Нет. Ты была единственным ребенком в семье, — он тут же разрушил мои мечты.

— Как жаль... — я опустила голову, огорченная ответом, на что слышала.

— Ничего не жаль. Я тоже был у родителей один, и это здорово.

— Что с ними случилось?

— Разбились на машине. Неважно.

— Ты так просто об этом говоришь.

— А что, мне надо плакаться? Сесть, пореветь, как ты? Что от этого изменится?

— Ты бесчувственный...

— Да, что ты, милая? А когда велела выбросить все вещи своих родителей, ты была не бесчувственной?

— Зачем ты так? Это жестоко — вот так напоминать мне об этом. Ведь все то в прошлом. Сейчас все иначе, — говорила я, разрываясь на куски изнутри. — Главное, что сейчас я не такая, как раньше. Я не хочу быть такой.

— А ты ничего не хочешь, не заметила? — он зло смотрел на меня, и мне казалось, что он готов меня убить своим ужасающим взглядом. — Тебе все не нравится. Вставай, — он резко подошел ко мне, хватая за запястье и пересаживая на стол.

— Что ты... — он раздвинул мне ноги, хватая одной рукой за голову, второй за бедро.

— Я научу тебя, как нужно вести себя со мной, как нужно хотеть, — он стал развязывать пояс моего халата и срывать его с меня. Дальше я слышала резкий треск белья и грубый толчок во мне. — Научу не ныть из-за всяких пустяков. Я покажу, какая ты была, и какой снова должна стать.

Очередная боль, пронзившая мое тело, еще одно отвращение и всхлип унижения и беспомощности. Все, что я сейчас чувствовала, кроме боли, это ненависть и презрение к этому человеку. Мне казалось, что в меня вбивают кол, режут на операционном столе, без анестезии. Просто убивают.

Он вколачивался в меня, не щадя, словно я не человек, и вовсе не живая. Он причинял мне невыносимую боль, и ни капли не жалел. Разве могла я полюбить такого человека, как он? Могла? Господи!!! — кричала я в мыслях, на деле же просто всхлипывала, корчась и глотая воздух.

— Ты должна знать, кто я для тебя, — очередной толчок, рвущий тело, забирающий силы и прибавляющий еще больше ненависти. — Ты будешь снова той женщиной, которой была до падения. Поняла? — заорал он мне в лицо, и я увидела, как его перекосило, по всей видимости, от оргазма, а перед моим лицом все поплыло.

Ваня.

— Люди следят за домом Николаева, а Даша часто гуляет по двору. К сожалению, она не выглядит счастливой, я бы даже сказал, наоборот, — говорил Андрей, обеспокоенно поглядывая на меня.

Да, я мог в любую минуту сорваться и начать разносить весь кабинет. Мы чертов месяц искали причину поведения этого придурка. И только сейчас выяснили, что дело лишь в самой обычной мести и в золотом байке Даши. Этот урод просто хотел нам насолить, не имея мотивов.

— Андрей, мне по*еру, что она гуляет по двору. Мне нужно, чтобы она вышла за пределы, где я могу ее перехватить и забрать к себе. Понимаешь?

— Я-то понимаю, но и ты не забывай, у Даши амнезия. Ты можешь ее напугать!

— Господи, — простонал я, пряча лицо в ладонях от безвыходности. — Ты видел, какая она на фотографиях? И хочешь сказать, она не напугана?

— Она напугана, Ваня. Но у нас нет права пугать ее еще больше. Нам просто нужно выманить их обоих из дома.

— Каким образом? Черт, я даже мыслить связно не могу.

— Моих друзей эта гнида знает. Нам нужен неприметный человек, который предложит Николаеву выгодный контракт, и тот не сможет отказаться. Они пойдут семьями отмечать успешное подписание, и перехватим Владимира.

— И Ласточку. Тогда мы сможем ее спасти.

Наш разговор прервал телефонный звонок Андрея, и по мере изменения выражения его лица я попытался понять, что происходит, но, увы, так и не смог понять, пока друг не произнес:

— Даша сбежала...

— Как? — я, словно ненормальный, подорвался с места.

— Ваня, сядь. За ней Миша следит, и по его прогнозам она не в лучшем состоянии.

— Нужно ехать. Где она сейчас?

— Недалеко от салона.

— Поехали, Андрей. Я не намерен больше ждать.

Больше книг на сайте — Knigolub.net

Мы оба практически выбежали из кабинета. За руль сел Андрей, чтобы с моей невменяемостью не попасть в аварию. До нужного места мы добрались в рекордные сроки, периодически созваниваясь с Михаилом, начбездом Андрея.

Остановив машину в квартале от салона, мы огляделись. Андрей заметил машину Тарасова, стоявшую недалеко от нашей, а я приклеился взглядом к хрупкому, ссутуленному тельцу девушки. Не сомневаясь, я понял, что это моя Ласточка. Она словно вся изранена и избита, не имея ран на теле. Просто весь ее вид говорил о незащитности и слабости. Я, не

теряя ни минуты, вышел из машины и быстрым шагом направился к девушке. Хотелось бежать, чтобы ничего не упустить, обнять крепко, и посмотреть в до боли родные глаза. Но я боялся. Боялся ее спугнуть, навредить, просто сделать то, что ей не понравится.

Я приближался, а Ласточка тем временем присела на скамейку у входа.

— Даша, — позвал я издалека, дабы не испугать ее. Но девушка никак не отреагировала. — Дашенька, — позвал я снова, подойдя еще ближе, предоставляя себя ее обзору. Она не спеша подняла голову и уставилась на меня с немым вопросом.

Она не узнала меня. Боже, не узнала. А ее глаза — в них тревога. Что же этот урод с ней сделал?

— Что вы на меня так смотрите? — спросила она дрожащим голосом, отчего мои внутренности скрутило в тугой узел.

— Даша, — прошептал я, на что девушка прищурилась.

— Нет, — протянула она, и добавила: — Я Катя, а вы?

— Ваня. Ты не помнишь меня? — Катя, значит, ну Николаев и мразь, ничего не скажешь.

— Нет. Почему я должна знать вас?

— Я... Потому что ты моя девушка, — пояснил я, и девушка вскинула голову, смотря на меня ошарашенным взглядом.

— Но у меня есть парень. Вы перепутали меня с кем-то, — попыталась объяснить она.

— Тебя я ни с кем не перепутаю, Ласточка, — прошептал я, подходя к ней и садясь рядом.

— Ласточка?

— Да. Так тебя называли до аварии...

— Странно, почему именно Ласточка? И до какой аварии?

— Родная моя, ты любишь мотоциклы, и гоняла на них. На одной из гонок тебя подрезали, и в итоге ты оказалась в больнице с переломами и амнезией. А Ласточка — потому что быстрая, всегда всех обгоняла, побеждала. Быстро летала.

— Вы обманываете меня? — недоверчиво спросила она. — Вова сказал, что я упала с лестницы.

Я тяжело вздохнул, представляя ее состояние, и сам сходя с ума от того, что происходит с Дашей.

— Это не правда... Это Вова подстроил аварию.

— Даша, — услышал голос Андрея, одновременно следя за эмоциями девушки.

Она резко встрепенулась, оборачиваясь, и устремляя взгляд на брата. Я чувствовал ее прерывистое дыхание, чувствовал, как дрожало ее тело. Хотел обнять, унять дрожь и успокоить, но снова и снова боялся ее спугнуть. Она — словно хрустальная ваза, которую страшно разбить. Слишком важна и драгоценна.

— Андрей...

ГЛАВА 16

Даша.

Удивительно, сбежав из собственного родного дома, который я таковым до сих пор не считаю, я перестала бояться, по крайней мере, эти двое достаточно мощных мужчин не вселяют в меня страх. Владимир же, наоборот, одним появлением перед моими глазами, я не говорю — в моей жизни, вселяет тревожное волнение, рождает негативные эмоции и отвращение. Ожидала ли я чего-то другого, после того, как он вел себя со мной, как

причинял боль, и сам отталкивал меня от себя, не ведая об этом? Конечно же, нет. Я бежала, сломя голову, из этого адского дома, пока Вова спал пьяный в своем кабинете, после очередного нашего скандала и унижительного для меня секса.

Как бы мне теперь хотелось это все забыть, вычеркнуть, вырвать из памяти, и никогда не вспоминать моменты страданий и унижений, но, к сожалению, не так просто перестать думать об этом, перестать трястись и бояться, что этот человек снова нападет. Словно со спины, резко, неожиданно и опасно.

— Ласточка, выпей чаю, — передо мной на столе появилась большая чашка с чаем и красивая вазочка с печеньем.

— Я не буду печенье, — ответила я, смотря на нового знакомого. Ваня, кажется, так он представился на улице, когда подошел ко мне.

— Почему? — задал вопрос другой мужчина, не менее симпатичный, с добрыми глазами и теплой улыбкой.

— Пока могу сказать одно, глядя на него, мне не хочется. Быть может, раньше я не любила печенье, — после моего ответа я заметила, как лица парней немного расслабились, и как-то взгляды стали более легкие и беззаботные, чем прежде. — Проклятая амнезия, — простонала я, прикрывая лицо руками. — Ничего не помню. Господи, что же мне делать?

— Даша, — прервал меня Андрей, и я резко вскинула голову. — Ты действительно не любишь печенье, — поведал он, неотрывно смотря мне в глаза, я же в ответ не могла отвести свой взгляд. Что-то мне казалось таким важным и необходимым, и было так страшно именно сейчас это упустить. Я всматривалась в до боли правильные глаза, пытаюсь рассмотреть в них хоть капельку нужной мне ниточки, капельку той зацепочки, которой мне так не хватает, чтобы зацепиться и ворваться в прошлое.

— Какой я была? — задала неожиданно для самой себя интересующий меня вопрос. — Расскажите все до мельчайшей подробности, чтобы я могла хоть от чего-то отталкиваться.

— Ты была моей любимой стервочкой, — негромко сказал Ваня.

— Кем еще я... была? — в тон ему спросила, глянув на этого мужчину.

— Настоящей. Ты была именно той, которая всегда все говорит в глаза, и которая не прячет свои эмоции, а в них ты очень хороша.

— Почему?

Две пары глаз смотрели на меня с обожанием, и я не могла понять их чувств, к сожалению, не могла, но как бы мне хотелось.

— Просто ты всегда делала именно то, что тебе хотелось, и как хотелось. Вот однажды ты чуть не повырывала волосы моей сестре, сейчас же Лера просто восхищается тобой.

— Было бы чем, — хмыкнула я и добавила: — Сейчас она тем более не будет от меня в восторге.

— Тобой восхищаться можно вечно, — сказал Ваня и наклонился ко мне, проведя рукой по моей скуле.

Этот мужчина был таким нежным и ласковым, мне так и хотелось прикрыть глаза, прижаться плотнее к его теплой ладони и наслаждаться этими нереальными ощущениями. Но я боялась, и мне казалось, что если я хоть на минуту расслаблюсь, то снова получу неожиданный удар, и не буду знать наверняка, реальный это удар, или просто судьба так решила пошутить надо мной.

Я резко встала со стула, отстраняя мужчину от себя и поправляя рукой ворот трикотажного гольфа. Мне ужасно стало жарко, находясь в этой кухне среди людей, которые

не пытаются причинить мне боль или напугать, а наоборот, хотят помочь.

— Здесь очень душно, — полупшепотом сказала я и едва ли не подбежала к окну, открывая его и распахивая настежь.

— Давай я дам тебе футболку.

— Нет, — резко прикрикнула я в ответ на предложение Вани и увидела два удивленных взгляда. — Все нормально, нормально... Просто эта близость... — я снова развернулась к окну и попросила еще рассказать, чтонибудь обо мне.

— У тебя аллергия на цветы, и ты ужасно ненавидишь, когда я тебя называю малявка, — отозвался Андрей, и я вскинула на него глаза и, снова сорвавшись с места, подошла к нему.

— Скажи, что это правда! — потребовала я. — Скажи мне, что это правда! Ты мой брат. Скажи! — начала кричать я.

— Даша, я, правда, твой брат. Верь мне, — попросил он, взяв меня за плечи и прижимая к себе. — Верь мне, Ласточка. Мы не причиним с Ваней тебе боли, слышишь?

— Никогда?

— Никогда... — ответил Ваня.

— Где я работала? — тут же произнесла немаловажный вопрос, резко меняя тему, дабы позволить себе поверить в эти нужные для меня слова.

— Ты парикмахер, и у тебя есть два салона.

— Серьезно? Может, мне стоит съездить туда? Возможно, это как-то поможет мне вспомнить хоть что-то.

— Мы обязательно туда поедem, но завтра, — сказал Ваня.

— Нет, прошу, давайте сегодня, сейчас же поедem туда.

— Даша, тебе лучше отдохнуть, — посоветовал брат.

— Но я не устала, — я врала, устала, и сил практически не осталось, но желание вспомнить хоть какой-то один момент из прошлой жизни пересиливало мое состояние, и я готова была сорваться с места и ехать в салон, о котором я не знала, прямо сейчас.

— Ты уверена? — Ваня взял меня за руку, и я едва заметно вздрогнула. Только если изначально это легкое касание причинило боль, то теперь же по коже прошла дрожь, сочетаемая с удовольствием.

— Ванечка, — я замерла, глядя в его нежные глаза, но передо мной словно наяву промелькнул бешеный взгляд Владимира. — Не прикасайся!

— Ласточка, я...

— Прощу, — я обратилась к обоим мужчинам. — Дайте мне время.

Я правой рукой прикрыла глаза, будто успокаивая себя, считая до десяти и пытаюсь выбросить из головы образ ненавистного человека, говорившего о нашей крепкой любви, которой, как я теперь понимаю, и в помине не было. Хоть на некоторое время.

— Если бы вы только знали, чего этот человек мне наговорил.

— Ты должна верить нам, — снова попросил Андрей.

— Действительно, я прошу только время. И... Пожалуйста, отвезите меня в салон.

До назначенного места мы доехали быстро, я всю дорогу вертела головой по сторонам, пытаюсь узреть что-то важное, касающееся меня, но, увы, такого там не нашлось, из-за чего я с горечью подавила слезы и прикрыла глаза. Если Иван — правда, мой мужчина, мне бы не хотелось, чтобы он видел мои мучения и переживания, поэтому я старалась сдерживать негативные эмоции.

Когда мы вошли в салон, на меня уставились три пары глаз: Марк и Алиса, мастера

этого салона, и девушка Наташа, как меня тут же оповестили, моя подруга с детства. Эта прекрасная, милая девушка, не медля и секунды, с визгом: «Дашка, ну, наконец-то, ты вернулась!» кинулась меня обнимать, щебеча при этом всякие глупости.

— Наташа, — позвал ее Ваня. — У Ласточки... амнезия, — с некой заминкой добавил он, опуская глаза в пол.

— Черт! Но, Даша, ты же вспомнишь все, правда? — с болью в глазах отозвалась подруга.

— Я... По крайней мере, я надеюсь на это. А сейчас извини, я бы хотела посмотреть это помещение, эту часть своей прошлой настоящей жизни.

Наташа кивнула, отошла в сторону, а я смогла пройти к своему кабинету, как только Андрей указал рукой, в каком направлении мне двигаться.

Окружающее не казалось мне знакомым, ни люди, находящиеся в этом салоне, ни само место. Все было чужим, далеким и неизвестным. Только вот почему-то я надеялась, что если увижу одну знакомую вещь, вспомню, если не все, то хотя бы самую малость. Но, увы, чуда не произошло, и моя память по-прежнему пуста. Единственное важное, что я открыла для себя — у меня есть брат, родной, и самый настоящий. Андрей.

Что насчет Вани, так он говорит, что я его девушка. Но разве могу я снова так обмануться, и поверить незнакомому мне мужчине. Могу ли я позволить себе снова ошибиться? Если Андрей действительно мой брат, он бы не позволил этому парню меня обманывать. Возможно, у меня есть шанс? Шанс на мое будущее.

— Здесь ты работала, Ласточка, — отозвался Иван, указывая на парикмахерское место.

Я подошла к столику и окинула взглядом рабочие принадлежности и инструменты. Ничего не было мне знакомым, что могло бы напомнить прошлое, но одно все же привлекло мое внимание...

— А это ты, — он указал на фотографии, висевшие на стене. На них была я, стоявшая с кубком на одном снимке, и сидящая на мотоцикле — на другом.

— Значит, я не падала с лестницы...

— Ты не падала с лестницы, это было падение с мотоцикла во время гонок.

— Но за что?

— Для Николаева ты ком в горле, — в который раз за день я вскинула голову, пытаюсь разглядеть эмоции на лице Ивана, который прошел в кабинет вместе со мной. — Во всех заездах ты, если и не занимала первое место, то просто побеждала Владимира, и его это до безумия злило. Маленькая и хрупкая девушка все время утирает нос мужику.

— Невероятно, — вполголоса возмутилась я. — Что с этим местом? — указала рукой на окружающую обстановку.

— Ты обожаешь эту работу, и у тебя всегда было много клиентов, которые ни к кому другому не хотели записываться, кроме тебя. Также у тебя было несколько семинаров, ты обучала молодых студентов.

— Я так хорошо делала свою работу?

— Более, чем...

— Я хочу попробовать, можно?

— Пойдем.

Мы снова вернулись в зал, где продолжала кипеть работа. Мастера делали свои дела, не отвлекаясь и не переглядываясь, и все здесь было слаженно и спокойно.

Иван подошел к девушке у стойки и о чем-то ее попросил, и уже через несколько минут

мне предоставили рабочее место со всеми инструментами и манекеном. Попросив ребят оставить меня одну, изначально я уселась в кресло, прикрыв глаза и снова считая до десяти. Собравшись с силами и мыслями, я потянулась к столу за расческой с частыми зубьями и, взяв ее в руки, тут же ощутила себя на своем месте. Пальцем провела по обушке и крепко сжала в руке. Дальше были ножницы. Я знала, как нужно правильно взять их в руку, продев большой и безымянный пальцы в кольца, и тут же, словно зная эту тему, я пару раз пощелкала ножницами, проверяя их скольжение. Они были идеальными.

Поднявшись с кресла, я подошла к манекену и, едва решив провести расческой по волосам, молниеносно отбросила инструменты в сторону, которые теперь не будут профпригодны, и вмиг направилась в сторону выхода.

В моей голове роились куча ненужных мыслей и страхов, и ни одной зацепной ниточки, ничего, связывающего меня и Ласточку. Выбежав на улицу, я уселась на скамейку, в том самом месте, где познакомилась с Иваном, и, уперев локти в колени, склонилась, прикрываясь от внешнего мира, сжимая до боли голову, зарываясь в пучину страха.

Я ведь, как только впервые прошла к столу, уже знала, как называются все эти парикмахерские инструменты, все причудливые бутылочки и зажимы, но стричь — это выше меня. Я не смогла, и не потому, что не захотела, я просто не знала, как это делать.

— Даша, — где-то на задворках разума услышала я, но поднять голову так и не смогла. — Милая, прошу, не огорчайся. Мы чтонибудь, придумаем, я обещаю тебе.

Я почувствовала легкое касание его руки к моим волосам, успокаивающий шепот и ласковые слова.

— Я пытаюсь, я очень хочу, но у меня ничего не получается...

— Нам просто нужно время, моя любимая Ласточка.

— Это так приятно звучит, — я слегка улыбнулась, посмотрев ему в глаза.

— Ты всегда была ею.

— Ласточкой? — переспросила я.

— Любимой, — нежный ответ, и теплое прикосновение руки к руке.

Домой мы вернулись, когда уже стемнело, и вдвоем. Андрей же уехала к семье, пообещав мне познакомить меня со своей беременной женой Евой и дочуркой Маришкой, а я же, в свою очередь, узнавала, что у меня все больше и больше родственников, что, несомненно, радовало.

В первую очередь мужчина провел меня в нашу спальню, где мы жили до аварии, и первым, что бросилось в глаза, это были цветы.

— Это что? Ромашки? — удивлённо посмотрела на него. Скорее всего, мои глаза выражали недоумение и, в то же время, интерес.

— Ромашки. Твои любимые, — как можно мягче пояснил Ваня.

— Но мне сказали, что у меня аллергия на цветы, — я не знала, возмутиться этому или паниковать.

— На ромашки — нет, — ответил мужчина и совсем невесомо улыбнулся, слегка приподняв уголки губ.

— Такого не бывает, — нежный, немного задорный блеск в его глазах, и я едва уловимо улыбнулась ему в ответ.

— С тобой все бывает, милая. Все.

— А это? — я указала на лежащий на столе предмет и недоуменно посмотрела на мужчину. На лице не осталось и намека на прежний настрой.

— Это наколенники.

— А зачем они мне? Для гонок?

— Да, для гонок.

— Ваня... Я тебя любила? — дежавю, не иначе, но меня действительно интересовал этот вопрос.

— Ты лишь однажды призналась...

— А ты?

— Я и раньше говорил тебе, и сейчас могу повторить, я люблю тебя, Даша, и никогда не перестану этого делать, и чувствовать, — говоря это, он четко смотрел мне в глаза, и самое удивительное, в этот раз я верила.

— Ты знаешь, мне почему-то кажется, что я должна сейчас ответить тебе, но... Я не помню, и врать не хочу.

— И не надо, я знаю правду и верю в нее. Ты призналась мне, когда теряла сознание, и я знаю, что это — не помутнение рассудка, ты всегда говоришь то, что считаешь нужным.

— Это бывало резко и ненужно?

— Часто, но терпимо, и я желаю, чтобы ты снова была такой же. Это бывает сложно, но я не могу без твоих подколов и выкрутасов...

— Здесь я чувствую себя хорошо, и, возможно, у меня все получится.

— У тебя нет выбора, Даша.

— Нет... Ты прав.

— Я думаю, на сегодня достаточно, тебе пора отдохнуть. Я сейчас принесу тебе одежду, а ты проходи пока в ванную.

— Спасибо тебе, Ваня...

— За что? — с непониманием спросил он.

— За покой в моей душе, — ответила я и, развернувшись, отправилась в душ.

Постаравшись отключить все мысли и, в принципе, мозги в целом, чтобы спокойно принять душ, я начала раздеваться, ощущая в теле ломоту и неприятное жжение, но так как я, напрочь сбитая с толку, забыла закрыть дверь на замок, через две минуты услышала приглушенный мат и громкий возглас.

— Какого х*ена это на тебе?

ГЛАВА 17

Ваня.

Больше месяца Даша находилась в руках этого изверга, беспомощная, наивная и ведомая. Я все это проклятое время не находил себе места, толком не зная, что происходит с моей Ласточкой. Того, что предоставляла охрана, мне было мало, я знал только поверхностно, куда она пошла, что делала во дворе, и т. д. Ее состояние, душевные переживания и самочувствие — вот самое главное, что меня волновало все это время, мне нужно всегда знать, что ее тревожит. Но Николаев, гнида, все провернул по-умному, не выпуская девушку никуда, абсолютно, а если она и выходила, то в сопровождении Владимира. Он полностью ограничил ее жизнь, давая возможность привыкнуть к нему, возможно, даже полюбить. От этой мысли меня передернуло, и захотелось тут же хорошенько избить этого урода, заставившего страдать мою Дашу, которая, к слову, и сама пока ни о чем не ведает.

Когда нам позвонил Михаил и сообщил, что девушка сбежала, мы, не медля поехали в нужном направлении, чтобы успеть перехватить ее до появления Владимира. И каково же

было наше удивление, когда нашли Ласточку возле салона. Изначально мне пришла мысль, что она вспомнила что-то, хоть малую долю, но позже я понял, ее привело сюда какое-то шестое чувство, чему я, несомненно, рад.

И вот сейчас, отправив Дашу в душ, я не мог выбросить из головы ее слова: «Здесь я чувствую себя хорошо, и, возможно, у меня все получится». Имеют ли они какой-то подтекст, скрывают ли какой-то смысл, вот что я не мог понять. Но когда вошел в ванную, чтобы отдать Ласточке обещанные вещи, ее тело повергло меня в шок.

— Какого х*ена это на тебе? — от моего крика, девушка дернулась, резко повернулась и, схватив висевшее полотенце, судорожно начала прикрываться. Я, словно озверевший, подошел к ней, убирая в сторону проклятую тряпку, но Даша вцепилась в нее и попыталась отойти от меня.

— Не надо, не трогай меня, прошу, — я мельком глянул в ее глаза и увидел в них боль, перемешанную со страхом. — Не делай этого, нет, — снова повторила она, так же судорожно прикрываясь полотенцем.

— Ласточка, что же он сделал с тобой? — я снова попытался убрать вещь в сторону, но Даша не дала мне этого сделать. — Девочка моя, разреши, я только взгляну, обещаю, что даже не притронусь.

— НЕТ! — прикрикнула она, вжимаясь в стену, к которой успела отойти.

— Это он сделал? — грубым голосом задал вопрос, немного отойдя от Даши, чтобы не пугать ее еще больше. Хотя, куда еще больше, бедная девочка дрожит вся и дышит так часто, будто сейчас сердце вырвется из груди. — Принимай душ, я жду тебя в комнате, — сказав это, я развернулся, собираясь выйти, но услышал свое имя:

— Ваня, — тихий шепот, и, обернувшись, увидел, как Даша сползает по стене. Я мгновенно оказался возле нее и, усевшись рядом, прижал ее к себе, нежно поглаживая по голове.

— Милая, не бойся меня, прошу, я не обижу тебя, я всегда был и буду рядом. Защищать тебя буду, уважать, любить, — шептал ей всякие нежности, которые рвались из меня. Я действительно хотел, чтобы она не боялась меня, чтобы доверяла, и еще больше хотелось, чтобы у нее прошла эта ужасная дрожь, вызванная страхом и болью. — Однажды, в прошлом году, ты мою бывшую перекрасила в светофор, отчего та рвала и метала, — начал я. — Я тогда был зол на тебя. Мы разругались, я думал, что тогда ты перешла все границы, а потом понял, что нет. Границу ты перешла, когда после этого поехала в клуб, и резко обзавелась женихом по имени Женя, вот тогда я поистине был...

— Он брал меня силой, — резко выпалила Даша, перебив мой рассказ. Я застыл и изначально попытался переварить эти слова внутри себя, хотел думать, что мне послышалось, и она вовсе не то имела в виду. Но ее напрягшееся тело словно окаменело в моих руках, а мое сердце сделало кульбит, и внутри будто все взорвалось от ярости.

— Что? — в надежде услышать другое, переспросил я.

— Он хватал меня... как куклу, и я не могла... — Даша начала всхлипывать, а я лишь сильнее прижал ее к себе, ощущая дрожь в ее теле. — Он говорил, что я... Я, нет, это не так, я чувствую, понимаешь? — она схватилась за голову и стала качать ею из стороны в сторону, — я не люблю жесткий секс, и... Не хочу ходить в эротическом белье по дому, — от этих слов мое сердце рухнуло вниз, словно в действительности оборвалось. Я убью эту тварь собственными руками, разорву на части и порежу на мелкие кусочки. Он пожалеет, что вообще связался с нами. — Он сказал, что у меня нет семьи, и вещи родителей я

попросила выкинуть. Неужели я была такой тварью, Ваня? — она встала передо мной на колени и, взяв маленькими холодными ладошками мое лицо в руки, смотрела мне в глаза, стараясь отыскать там ответ на свой вопрос. — Скажи, если ты действительно мой парень, скажи, это правда?

— Ласточка, умоляю тебя, успокойся, не переживай, я здесь, и никто больше не причинит тебе вреда. И хочу тебя заверить, у тебя есть семья, причем, большая и дружная. Кроме Андрея, у тебя есть и мама с папой, они сейчас в США по работе, и невестка с ее прекрасной дочуркой. Поверь, в твоей жизни все иначе, намного лучше и прекраснее того, что тебе наплел этот урод.

— И я не просила выбросить вещи родителей? — из ее глаз покатались слезы, и я, встав так же, как она, и обхватив руками ее лицо, начал вытирать мокрые дорожки.

— Ты бы никогда не смогла так поступить. Моя Даша заводная, взрывная, и, в то же время, любящая и нежная. Та Даша никогда не причиняла зла родным людям.

— А чужим?

— Ну, только той, которую перекрасила...

— Я должна перед ней извиниться, — четко сказала она.

— Не знаю, что тебе делать в этой ситуации, но скажу одно, пока мы тебе не вернем память, ты будешь под моим присмотром.

— А что будет, если....

— Не будет никаких «если»... Мы справимся с этим. Главное, что теперь ты действительно дома.

— Дома... И очень устала, — резко сменила тему и начала подниматься с пола. — Можно я теперь приму душ?

— Конечно. Я подожду тебя в спальне, а потом намажу ссадины мазью.

— Нет. Пожалуйста.... Оставь мазь, я сама...

— Уверена?

— Да, — ответила она и подождала, пока я выйду за дверь.

Быстро спустившись вниз в кухню, я нашел в аптечке мазь против синяков и ссадин и, вернувшись обратно в спальню, поставил баночку на прикроватную тумбочку. Не имея сил сразу же уйти, я подошел к двери ванной и услышал громкие всхлипы, доносящиеся изнутри. Руки сжались в кулаки, тело окаменело, а из горла так и рвался рев. Мне хотелось крушить все, что было передо мной, а лучше, чтобы это был сам Николаев, чтобы превратить его морду в кровавое месиво. Бить безжалостно, пока он не сдохнет, мерзкая тварь.

Перед глазами — черная пелена, ноги так и хотели нести меня к ней, к моей девочке, к моей Ласточке в ванную, но я понимал, если зайду туда, то сразу же спугну, а на это у меня нет права. Нет права причинять какой-либо вред Даше, пугать или, тем более, делать больно. А если я появлюсь там, она непременно испугается, подумает совершенно неправильно и не сможет мне довериться. Именно поэтому я сейчас сижу здесь и жду, когда она успокоится, примет душ и выйдет оттуда. Возможно, после этого ей станет хоть на долю легче, она оставит некую часть боли в излитых слезах.

Через какое-то время, пока я придумывал план мести Николаеву, услышал, как открылась дверь, и из-за нее показалась сначала женская ножка, а после и полностью девушка, слегка укутанная в банный халат. По всей видимости, хорошо обернуться и завязать пояс ей мешали все те же синяки, и при малейшем движении Даша морщилась от боли. Она прошла к тумбочке и, подняв голову, увидела в зеркале меня, от неожиданности вздрогнула и

опрокинула чашку, отчего та, встретившись со паркетом, громко стукнула и разлетелась на части.

— Ой...

— Не бойся...

— Ваня, — едва различимый шепот. — Я же попросила...

— Я не смог, ты там...

— Все нормально. Уже. А теперь разреши мне переодеться, — с мольбой в глазах попросила она.

— Точно не нужна помощь?

— Точно. Спасибо.

— Даша, ты всегда можешь обратиться ко мне.

— Хорошо...

— И если тебе сейчас ...

— Нет, сейчас все, что мне нужно, это намазаться мазью и прилечь отдохнуть. Прощу.

— Если что, я буду внизу.

— Спасибо.

Я прикрыл дверь и отправился в гостевую спальню, чтобы переодеться. Чуть позже, проходя мимо нашей комнаты, я остановился у двери, прислушиваясь. Внутри было тихо. Облегченно вздохнув, я отправился в гостиную позвонить Андрею.

— Извини, друг, что так поздно, — сказал я после того, как услышал ответ на том конце.

— Ничего, мы еще не спали. Как Даша?

— Да, как-то без изменений, и, черт, она так старается, но пока ничего не получается.

— Я надеюсь, время нам в помощь... Она что-то рассказала о жизни у Николаева?

— Самое важное, — и я вкратце пересказал другу о том, какую жизнь он придумал для Дарьи, воспользовавшись ее беспамятством.

— Вот урод, — в сердцах выкрикнул Андрей, и уже жене добавил, — Снежинка прости, я сейчас.

— Ладно, Андрей, не буду тебя отвлекать от жены, я сейчас тоже пойду, проверю Ласточку. Завтра Нина Васильевна с Максом возвращаются, может, сын даст толчок Даше.

— Будем надеяться. Спасибо тебе, Ваня.

— За что? — удивился я.

— За Дашу. Доброй ночи, — было мне ответом, и я услышал короткие гудки в телефоне.

Признаться честно, я не собирался оставлять Дашу одну даже ночью, когда она пыталась мирно спать, не думая обо всех проблемах. Увы, ее сон не был, как прежде, спокойным и умиротворенным, она то и дело дергалась и хмурилась, по всей видимости, ей снились кошмары, либо это стресс, который предоставил ей собственноручно Николаев.

Каждый раз, когда она вздрагивала или, лежа на боку, поджимала под себя ноги, мне хотелось разбудить ее и прижать к себе, чтобы она не мучилась от кошмаров. Но как только она успокаивалась, я понимал, что не могу ее тревожить, давал возможность немного поспать спокойно.

Просидев всю ночь на полу в спальне, под утро я все же уснул, сказывались бессонные ночи и дни переживаний. Разбудил меня детский довольный крик, и, разомкнув глаза, первым делом я посмотрел на кровать, но Даши там не оказалось. Недолго думая, я побежал вниз и увидел на диване в гостиной Дашу с Максом. Мне тут же стало легче и спокойнее,

потому как, с моей больной фантазией, я успел придумать всякий бред.

— Папа, ура, я так соскучился, — Макс подбежал ко мне и начал крепко обнимать, я же схватил его на руки и прижал к себе.

— Привет, сын, я тоже скучал по тебе. Как отдохнули? — искренне поинтересовался я, тем не менее, то и дело, бросая взгляд на Дашу.

— Отлично. Смотри, как я загорел, а еще мы с Ниной на слонах катались, — восхищенно произнес Макс.

— С Ниной Васильевной, Макс, ты же взрослый, уже все понимаешь.

— Да, прости, с Ниной Васильевной. А еще мы видели дельфинов, настоящих, только не в этом, не в дальфи... дельфри...

— Не в дельфинарии, Максим. Доброе утро, Иван, — поприветствовала меня женщина ставя на стол чашки с чаем. — Извините, немного похозяйничала, пока вы спали.

— Здравствуйте, Нина Васильевна, это ничего, это правильно. Вы уже познакомились?

Возникло неловкое молчание, после чего я подошел к Даше, протянул руку, приглашая ее присоединиться к нашей маленькой компании, а она замялась, опустив глаза вниз.

— Мы-то познакомились, только вот Даша почему-то испугалась...

— Папа, почему Даша говорит, что не помнит меня? — обиженно произнес сын.

— Но я и вправду тебя не помню, малыш, — с болью в голосе произнесла девушка.

— Макс, понимаешь, так в жизни случается, что человек может потерять память... — начал я, но ребенок меня перебил.

— Это означает, что она меня больше не любит? — обиженно спросил он.

— Нет, она любит, но только не помнит. А мы должны, в свою очередь, помочь ей, всегда быть рядом, поддерживать, и тогда наша Ласточка вернется.

— Обещаешь?

— Мы постараемся, Макс, — ответил я, потому как гарантии никакой не имел.

Мы все вместе расположились в столовой для завтрака, и я, уделяя больше внимания сыну, не переставал поглядывать в сторону Дашы, беспокоясь о ее состоянии. Слишком сильно переживал, и единственное, что меня сейчас радовало, она сразу же сдружилась с Максом. Они весело болтали и смеялись, и, смотря на эту умильную картину, мне становилось легче.

— Оп, ахах, — я резко вскинул голову от этого звука и безумно удивился. За эти сутки Ласточка впервые засмеялась, да еще так искренне и задорно. А все потому, что они с Максом начали баловаться, и в один момент, мокнув вафельные трубочки в варенье, измазали друг другу носы. Я улыбнулся этому зрелищу и уже на более веселой ноте продолжил пить чай.

Они долго дурачились и хохотали, а когда первая капля варенья оказалась на скатерти, они мгновенно вдвоем замолчали, сделав серьезные лица и уткнувшись в свои чашки.

— Сегодня можно и нарушить правила поведения за столом, — все с той же улыбкой на губах сказал я, и так же взяв трубочку, мокнул ее в варенье и коснулся носика Дашы, отчего она мне тепло улыбнулась и ответила:

— Если это действительно не сон, то давайте всегда нарушать эти правила...

Я застыл и почувствовал себя так, словно язык проглотил, понимая весь смысл сказанных ею слов.

— Я согласен, — ответил я, делая глоток уже почти допитого чая.

Чуть позже мы перешли в гостиную, а Нина Васильевна, сдав пост в виде Макса

отправилась к себе домой. Я чувствовал покой в окружении своей семьи, наконец-то мы были все в сборе: Даша, Макс и я, и единственное, что омрачало этот прекрасный день — амнезия моей любимой девушки. До боли в костях хотелось, чтобы она переживала с нами каждый момент, каждую ситуацию из прошлого, но, увы, у нее не было ни одного воспоминания.

Весь день мы провели втроем, играя в различные детские игры, жаря блины, готовя луковый суп и болтая о разных пустяках. Все было спокойно и отлично, пока Макс не вынес свое предложение на всеобщее обсуждение, и, возможно, именно ему я буду благодарен за это всю жизнь.

— Папа, а давай завтра пригласим Маришку с родителями в честь моего приезда? Я и подарок для нее привез.

— Маришку? — удивленно переспросила Даша, оседая на стул, возле которого стояла, взбивая тесто на блины. Лицо ее как-то изменилось, стало ярче или румянее, и в ее глазах я увидел свет, который когда-то светился в ней, в этой родной для меня девушке. — Это та милая девчушка, которая... Боже... Ваня... Я, я знаю ее... Помню... Ее... Голубые бездонные глаза и пораненная ручка... — говорила она, немного заикаясь, и не веря в происходящее, я же, в свою очередь, безумными глазами смотрел на нее и понимал, что дело сдвинулось с мертвой точки.

— Да, она была ранена в плечо...

— Да, такая жизнерадостная малышка... — она вздохнула, снова дрожа, и сказала, — Господи, спасибо тебе, — уткнулась лицом в ладонки и заплакала от счастья, понимая, что теперь, по возможности, она сможет вспомнить, если не все, то хоть малую часть своей жизни.

А я, в свою очередь, кивнул Макс, соглашаясь на его предложение, и поднял большой палец вверх, благодаря за прекрасную идею.

ГЛАВА 18

Ваня.

Сидя всей дружной семьей во дворе в летней беседке, я не мог налюбоваться присутствием своей невероятно драгоценной женщины. Несмотря на то, что она все еще находилась в растерянности и легком недоумении, мне было спокойно на душе от того, что она больше не в лапах паршивого Николаева. Одна мысль о том мерзавце, и все внутри меня начинает закипать, и так и хочется сорваться и рвануть к нему, чтоб отомстить за мою Ласточку. Сделать все, чтоб он мучительно долго страдал, упиваясь своими слезами и купаясь в собственной крови! Но я понимал, что еще рано, и мы с Андреем подогреем эту мразь к нашей долгожданной встрече, заставим его помучаться в ожидании и страхе.

Я еще раз обвел взглядом всех собравшихся за столом и заметил, к огромному сожалению, взволнованный взгляд Евы, которая, к слову, только с утра узнала о случившемся. Все это время Андрей говорил ей, что Даша уехала на курсы по парикмахерскому искусству за границу, дабы не расстраивать беременную жену. Но так как присутствие семьи Андрея стоило нам возможного возвращения памяти Даша, он решил аккуратно ее предупредить заранее, дома. И вот сейчас, в уютной семейной атмосфере, Ева беспрерывно смотрела на Ласточку, до сих пор не веря в происходящее.

Все это время Даша весело болтала с детьми, и хоть она не выглядела счастливой, вспомнившей прошлое, она призналась, что некоторые моменты с Маришкой помнит, чему несказанно рада.

Когда Андрей подсел ко мне, и мы разговаривали о его новом контракте с очередной фирмой, Ева негромко вскрикнула и схватилась за стол. От произошедшего мы резко все вместе вскинули на нее взгляд, а друг мгновенно оказался сидящим на корточках около нее, ошалевшими глазами глядя на немного растерянное лицо жены.

Она слегка улыбнулась и вздрогнула, кладя руку на округлившийся животик.

— Малышка толкнулась, — было нам ответом. — В первый раз...

Андрей положил руку рядом с ее и улыбнулся, по всей видимости, почувствовав толчок, и счастливо прикрыл глаза, после чего потянулся к лицу Евы, нежно касаясь губ и шепча «Спасибо».

— Можно мне? — спросила неуверенно Даша, косясь взглядом на живот. Ева тепло улыбнулась в ответ и, сказав что-то вроде «угу», легко махнула моей девочке, подзывая к себе.

Ласточка с огромным воодушевлением приблизилась к Еве и, положив руку на живот, просто стояла молча, в ожидании, прошло несколько секунд, как она счастливо улыбнулась и прикрыла рот ладошкой. В ее глазах читалась уйма эмоций, начиная с замешательства, заканчивая восхищением.

Андрей гладил свою Снежинку по руке, а Ласточка не могла найти сил, чтоб убрать руку, и это виделось по ее лицу, в таком восторге она пребывала от происходящего. Я же наблюдал за ее ладошкой и заметил, как рука едва уловимо дёрнулась, по всей видимости, от очередного толчка, и, переведя взгляд на лицо любимой, немного испугался, увидев, как по ее щеке катится слезинка. Она резко отдернула руку, прижав ее к губам, и закрывая глаза на мгновение, как мне показалось для того, чтобы сдержать эмоции. А когда она подняла слегка припухшие веки, я услышал невероятные слова, заставляющие пробежать тысячи, нет, миллионы мурашек по моему телу:

— У меня тоже может быть такое счастье?

Мы все застыли на месте, не в силах даже пошевелиться от услышанных слов, но Ева, как женщина, первая пришла нам на помощь.

— Дашка, у тебя обязательно будет такое счастье. Поверь мне, — с огромным воодушевлением сказала Ева, улыбаясь моей девочке.

— Только бы все вспомнить, — прошептала Ласточка, возвращаясь на свое место к детям.

День проходил достаточно спокойно, мы долгое время болтали ни о чем, и обо всем сразу, а чуть позже девочки с детьми отправились в игровую комнату, мы же с Андреем расположились в кабинете.

— Выпьем? — предложил я другу, на что он согласно кивнул, и я разлил по бокалам коньяк.

— Ваня, как тебе состояние Даши? — поинтересовался он.

— Потихоньку, малыми шагами она справляется, у нее получается хоть, что-то вспомнить. А для меня сейчас самое главное, что она в безопасности, вдали от этого уroda.

— Лучше не напоминай мне о нем.

— Хочешь, не хочешь, а придется. Наш план в силе? — решил уточнить я, хотя сам знал, Андрей один из первых, кто не отступится от мести.

— Смеешься? Я готов его голыми руками разорвать.

— Не смеюсь, Андрей, не смеюсь, потому как сам готов послать к черту этот план и расправиться с недоумком собственноручно, но это было бы для него слишком просто.

— Значит, завтра... — заверил друг.

— Завтра, — ответил я, полностью соглашаясь с ним.

Вечером, собравшись проводить Андрея с семьей, мы все вместе вышли на улицу, наслаждаясь теплым майским солнышком. Ева о чем-то весело щебетала с моей девочкой, я обратил внимание на Макса, который пытался мне доказать, что ему просто жизненно необходим в неполные шесть лет мобильный телефон.

— Дети — это прекрасно, даже когда они требуют то, что им не нужно, — вполголоса проговорил друг, я улыбнулся, соглашаясь с его мыслями, и услышал вопрос, который не давал мне покоя последние сутки. — Хотел бы братика или сестричку для Макса?

— Знаешь, Андрей, в последний день эта мысль из головы у меня не выходит. Хм, насколько сильно я хочу, чтоб Даша забеременела, только, как бы по-идиотски это не звучало, я ничего не могу с этим поделать, — я сжал кулаки, чувствуя свою слабость в данной ситуации. Ведь помочь Даше вспомнить — это не дать ей выпить нужного сиропа, уснуть, а утром проснуться, как ни в чем не бывало. Это время. Время, которое нужно пережить, не зная, сколько его понадобится, чтоб Ласточка смогла вспомнить, хотя бы самое важное, и мы должны, я должен помочь ей в этом.

— Все обязательно будет, друг, — Андрей улыбнулся, по-видимому, вспоминая что-то хорошее, и добавил, не медля, — Главное, что ты веришь в это и очень хочешь.

Да, я действительно верил, и желал этого, несмотря на то, что именно сейчас мое желание нереально. Но я сделаю все возможное, и буду ждать столько, сколько судьба прикажет.

Мимо нас по дороге с громким ревом промчался мотоцикл, и я, глянув на Ласточку, пропустил, наверное, несколько ударов сердца. Она вся сжалась и, прищурившись, смотрела вдаль, следя за байком буквально несколько секунд, и совсем неожиданно схватилась правой рукой за лоб и сморщилась от непонятной боли.

— Ай, больно, Ласточка, — воскликнула Маришка и выдернула ручку из захвата девушки. Все это время они держались за руки, весело переговариваясь, и, по всей видимости, не контролируя свои эмоции, Даша сжала маленькую ручку девочки, совершенно не имея злого умысла. Ева в этот момент дернулась к ним, но тут же была перехвачена Андреем, решившим оставить эту ситуацию только на Дашу и Маришку.

— Малышка, прости, пожалуйста, — она резко пришла в себя и присела около ребенка, — Я не специально, честно-честно. Не хотела причинить тебе боли, не обижайся на меня, — тараторила Даша, переживая о нанесенном вреде. Уверен, такое волнение в ее глазах вызвано произошедшим в недавнем прошлом, и от этого понимания у меня челюсти сжались от злости на Николаева.

Маришка той же ручкой, совсем невесомо убрала прядку волос с лица Даши и тихо прошептала:

— Ты что, Ласточка, не пележивай так... Уже все плошло, плавда-плавда... — мы улыбнулись на милые слова ребенка, а Даша, прикрыв глаза, положила руку на ручку малышки, которая все еще держала ее на щеке девушки.

— Я помню этот шум мотора, — начала моя девочка, так и продолжая сидеть около племянницы. — Помню, как я летела на огромной скорости по трассе, после чего меня подрезали на черном байке и... и знак какой-то, или нет, слово су... Не знаю. Помню разговор с Вовой в боксе и... Господи... — она резко вскинула голову, смотря на меня. — Он мне угрожал!

— Ты не говорила нам об этом, — сказал я, а Даша задумалась.

— Увы, сейчас я не знаю, почему... Но четко вижу картину, где мы с ним разговариваем, он тогда еще за руку меня схватил... Маришка, прости, моя девочка, — она снова обратилась к ребенку и, взяв ее на руки, с безумной любовью обняла маленькое тельце.

Мы втроем с Андреем и Евой переглянулись, и хоть сам факт картины из прошлого нас не радовал, мы были довольны, что Даша смогла вспомнить еще один момент из жизни. Моя Ласточка потихоньку приходит в себя, и я не мог скрыть радости за ее маленькие победы и, подойдя к ней, пальцем погладил щеку, заглянув в ее теплые глаза.

— Спасибо вам... — тихо прошептала она, смотря мне в глаза и едва заметно улыбаясь. Маришка в это время крепко прижала Дашу, обнимая за шею, и мгновенно сползла на землю, спеша к Максy.

Андрей подошел к сестре и обнял ее, улыбнувшись мне, я же не смог сдержать довольного вздоха и, подойдя, обнял их обоих. Спустя минуту мы посмотрели на Еву, которая мирно стояла в сторонке с милой улыбкой на губах.

— Я не одна, нас двое, и мы в очереди, — весело пояснила она, кладя руки на животик. Мы поняли ее мысли, и весело и по-доброму расхохотались от ее прекрасного заботливого вида.

И я не знаю, сколько мы еще так простояли, но нам наконец-то было спокойно, хотя бы от того, что мы все вместе, рядом, и можем просто наслаждаться обществом друг друга.

ГЛАВА 19

Ваня.

Какое счастье — знать, что Ласточка со мной, под моим присмотром и защитой, в моем доме, в стенах, где я могу не волноваться, что с ней что-то произойдет. Любимая всегда со мной или с Максом и Ниной Васильевной, если мне нужно быть на работе или в другом месте по делам. Позавчера был выходной у нашей няни, а мне срочно нужно было появиться в агентстве, и, не смея дергать Нину с заслуженного отдыха, я решил оставить Макса и Дашу вдвоем, предварительно поставив сигнализацию и запретив своей семье выходить на улицу. На это две головы кивнули мне в знак согласия и отправились играть в детскую. Я был спокоен, в случае чего, мне сразу позвонят ребята, которые следят за домом, и парни из охранного агентства, с которым я сотрудничаю много лет, тоже могут моментально переполошиться, и я буду в курсе уже через минуту, если вдруг сработает сигналка. Но чему я был удивлен, когда вернулся вечером домой, так это тому, что меня ждал горячий вкусный ужин. Даша и раньше готовила, но после случившегося — это впервые.

Когда я зашел в прихожую, мне в нос тут же ударил запах чего-то вкусного и домашнего, а пройдя в гостиную, заметил, что мои родные сидели на диване и читали по слогам слова, держа в руках книгу Макса. Даша аккуратно вела пальчиком по бумаге, а сын произносил написанное. В этот момент мне стало так приятно и тепло на душе, что меня ждут дома, и рады моему появлению. И я сделаю все, что в моих силах, главное, чтобы Даша вспомнила нашу жизнь, где мы снова сможем быть счастливы все вместе.

Сегодня же пришла пора расплаты с Николаевым, который даже не подозревал, что мы ему приготовили. Всю эту неделю он пытался найти мою девочку, но у него ничего не выходило, потому что в мой дом он не сунет свой поганный трусливый нос, а в остальных местах, где раньше обитала Даша, он уже побывал и ушел с нулевым результатом. Благо, родители Даши до сих пор в США, и у этого гада нет возможности добраться до них. Нам, е

свою очередь, было сложно объяснять Тамаре Николаевне и Борису Владимировичу, почему Даша им совсем не звонит, а также не принимает вызовы. Мы придумали самую достоверную версию, сказав, что у их дочери семинары по всей стране, она постоянно в разъездах, и, как будет возможность, она тут же им позвонит. Родители, с горем пополам, но все же поверили, а вчера состоялся долгожданный разговор, в котором мою Ласточку отчитали за холодное отношение, как к родителям, так и к себе, а девушке ничего не оставалось делать, как молча все выслушивать. Никто из нас не хотел, чтобы родители знали правду, ибо мы не могли предположить, как ониотреагируют на похищение их дочери.

Мы втроем сидели в кабинете видеонаблюдения Михаила и смотрели на большой монитор, в котором четко видели Николаева, только что пришедшего домой с какой-то дамочкой, и, по всей видимости, они собирались не чай пить у него в гостях. Не успев зайти в дом, он жадно набросился на свою спутницу, поспешно срывая с нее одежду, и ведя в сторону гостиной. Мы позволили ему немного насладиться происходящим, а когда Владимир хотел лишить свою подругу белья, Андрей резко нажал на кнопку, включая микрофон и произнося всего одно слово:

— Развлекаешься? — долго ждать реакцию Николаева нам не пришлось, он тут же вскинул голову от девушки и начал вертеться по сторонам, в поисках, по всей видимости, исходящего голоса. Благодаря профессионализму Михаила, мы не боялись, что наши голоса можно узнать, мужчина в микрофоны вставил механизмы изменения голоса, и мы стали свободно наслаждаться происходящим.

— Котик, ты дома не один? — пропищал ужасно приторный голос, и мы вместе глянули на «котика». Тот скривился, то ли от страха, то ли от ее голоса, но промолчал и принялся снова целовать подругу.

— Он че, парализованный? — спросил Миша, предварительно выключив микрофон. — Да я бы в такой ситуации уже в штаны наделал, а этот идиот дальше развлекается, точно ненормальный.

— Может, он подумал, что ему показалось? — предположил Андрей.

— Значит, нужно сделать так, чтобы не казалось, да и вообще не было возможности думать, — мы, переглянувшись, засмеялись, а когда притихли, снова включили микрофон.

— Как у тебя весело, а главное — страшно, верно, Владимир? — проговорил я, и мы заметили, как девушка резко вырвалась из его объятий и рванула собирать чуть ранее разбросанные по полу вещи. Она поспешно надела футболку и застегнула свои джинсы, верно направляясь к выходу.

— Лапочка, ты куда, а как же секс? — растерянным голосом спросил наш главный герой.

— Ты ненормальный, мы на групповуху не договаривались.

— Да я не знаю, что это такое...

— Когда разберешься, позвонишь! — выкрикнула она и хлопнула дверью, давая понять, что зла на своего партнёра.

— Когда он разберется, уже не сможет тебе позвонить, Лапочка, — с долей ехидства сказал я, на минуту выключая микрофон, а после снова нажал на кнопку и произнес: — Что, встреча обломалась? Ну, ты не расстраивайся, Вовка, я обещаю тебе лично, что сегодня ты еще развлечёшься, и куда круче, чем с этой цыпочкой.

— Я не хочу ни с кем развлекаться, уходите, — выкрикнул тот, снова вертя головой в поисках чего-то, что могло бы ему подсказать, что происходит. Испугался, мразь, ручки

дрожат, глазки бегают, рожа перекошенная, но ничего, когда моя девочка находилась в его лапах, ему страшно не было. Когда Ласточка находилась в руках этого изверга и принимала от него боль, он не думал, что все вернется бумерангом, так вот, теперь пусть помучается. Заслуженно!

— А кто будет спрашивать мнение какого-то дерьма? — удивленно произнес Миша, едва не придя в шок от желаний «дружка».

— Ты же не спрашивал, когда брал чужое, — сказал Андрей, и я видел, как заходили его желваки, и я сжал плечо друга, прекрасно понимая его состояние.

— Это что, из-за этой дурной девки? — здесь меня чуть не подбросило от оскорбления в адрес моей Ласточки, но Миша сдержал мой порыв, усадив меня обратно в кресло.

— Я бы на твоём месте был осторожнее на словах, и уж если ты так считаешь, то зачем держал у себя девушку, против её воли?

— Она находилась у меня по обоюдному желанию, просто без памяти, — было нам ответом.

— Чем ты с удовольствием и воспользовался, — грубо ответил я.

— Да она все равно в постели никчемная, даже стонать не умеет, — как же мне омерзительно было слушать это все, от чего у меня прошёл озноб по коже, но я держался, понимая, что своими эмоциями могу нарушить наш план.

— Так, может, это ты, гнида, полный ноль? — спросил Михаил, подогревая обстановку.

— Думаю, я ей понравился, — да, тварь, понравился, так, что она до сих пор вздрагивает при каждом шорохе или моем касании.

— Ладно, ненужные разговоры опустим. Меня интересует, зачем тебе нужна была Дарья? — жестким голосом продолжил Тарасов.

— Да отомстить ей хотел, и все, чтобы она немного попустилась, а то решила, что всегда может брать надо мной верх, но это не так, теперь она поймет, наконец, что не стоит лазить у меня под ногами. И чертов золотой байк тоже будет моим, как только я доберусь до этой стервы! — кричал он, заметно переживая и, в то же время, выплевывая из своего поганого рта всю желчь, которая в нем имелась. Я же, услышав о золотом байке, успел проклясть себя, что подарил его Дашке на восемнадцатилетие. Возможно, если бы не он, то и Ласточка моя горя бы не знала.

Неожиданно со стороны послышался шорох, и мы поняли, что пришло время назначенному действию.

— Кто здесь? — перепуганный голос Николаева едва меня не рассмешил, и мы решили продолжить только начавшееся представление.

— Твоя смерть пришла, Вова, не переживай. Всего лишь смерть, — услышал я голос друга и снова посмотрел на экран. Урод дернулся, смотря в сторону окна, где только что промелькнула тень громилы, и снова обернулся назад, пытаясь понять, откуда идут наши замаскированные голоса.

— Что вам нужно, где вы? — мне показалось, что он начал дрожать, я же лишь рассмеялся от происходящего. И да, черт возьми, я был счастлив, что эта мразь боится.

— В аду! — выкрикнул я, и в этот момент окно в его гостиной разбилось, и послышался дикий рев, отчего Николаев взвыл, хватаясь за светильник, стоявший на ближайшей тумбе.

— Страшно? Взрослому и такому сильному мужчине и страшно? Ну, да о чем это я, там же не слабая и беззащитная девушка, которая не в силах противостоять мужику. Хотя, сомневаюсь, что ты мужик, по крайней мере, не после сегодняшнего вечера...

После моих слов через окно в комнату влез здоровый амбал, под два метра ростом, с битой в руках и в маске на лице, можно было видеть его нездоровый оскал на губах, и как игриво он шевелит бровями, постукивая своим орудием по ладони.

— Уходите! — едва не завизжал Вова и резко развернулся к двери, откуда послышались шаги, и скоро перед нами предстал еще один мужик, точно такой же, как и первый, только немного уступающий в росте. — Да что вам нужно? Я хочу разговаривать с Иваном, дайте мне с ним поговорить!

Переглянувшись с нами, Миша вытащил механизм из микрофона, и я сказал уже своим голосом:

— И что ты хочешь нового мне сказать, чего еще я не слышал из твоего поганого рта?

— Ваня, хочешь, я извинюсь перед Дашей?

— Не хочу! Дальше...

— Я прошу, дай возможность исправиться, только не убивайте меня, — чуть ли не плакал этот урод, начиная умолять оставить ему его никчемную жизнь.

— Всего лишь убить тебя было бы слишком просто, — ответил я, насмехаясь. — У нас есть другой сюрприз.

— Пожалуйста, не надо, — он поочередно глянул на свою компанию, прислонившись к стене и скатываясь на пол, при этом роняя светильник.

— Парни, можете начинать, — и мы услышали, как одна за другой звякнули бляхи на их ремнях, и Владимир завыл, в прямом смысле этого слова.

— Нагибайся, падла... — и на этих словах Миша выключил микрофон и камеры, не имея желания ни самому любоваться, ни нам показывать гома страсти.

— Ну, что же, думаю, можно считать дело завершенным, дальше парни сами разберутся, — ответил начбез, а мы лишь кивнули на его слова.

— Ваня, что ты имел в виду, когда говорил о незащитной девушке, которая не в силах противостоять мужику? Что он делал Даше? — неожиданно спросил Андрей, и я видел, как он переживает, не зная, что услышит в ответ.

— Андрей, давай не...

— Вишневский, говори, — зло прошипел он, перебивая меня на полуслове.

— Андрюх, успокойся, Ване тоже нелегко, — решил влезть в разговор Миша.

— Я хочу знать!

— Этот урод брал ее силой... — быстро произнес Миша, и по моему телу снова пошли мурашки.

— Когда Дашка у меня осталась в первую ночь после возвращения, я заметил на ее теле невероятное количество синяков и ссадин, — рассказал я, не сильно вдаваясь в подробности.

— А как ты мог заметить это на ее теле в первую ночь после возвращения? — зло прошипел Андрей, сверля меня гневным взглядом.

— Только вот не надо думать, что я сволочь и...

— Ребят, угомонитесь, мы вдвоем знаем, что Ваня не причинит вреда Ласточке! — прикрикнул Тарасов, глядя на нас.

— Прости, Вань, просто я в бешенстве. Су*а, — взвыл Андрей, хватаясь за голову. — Я бы прямо сейчас поехал туда и отодрал эту гниду битой. До чего же тварь.

— Я бы тоже не прочь этим заняться, — согласился я.

— Так, умники, поверьте, Николаеву сейчас не лучше, чем было бы с вашими палками, — прервав нас, выпалил Миша.

— Слава Богу, не с нашими, — ответил Андрей, отчего мы все втроем засмеялись.

— Кому-то хоть каплю его жаль? — осторожно спросил я, надеясь на нужный ответ, и, получив его в виде отрицательных кивков друзей, довольно улыбнулся и наконец-то расслабленно выдохнул, осознав, что все это время практически не дышал полной грудью.

— Ладно, герои, дело сделано, пусть теперь эта мразь страдает, а мы — по домам. И вообще, вас дома женщины ждут, марш отсюда, — ругнулся Миша, выгоняя нас из своего кабинета.

Дома я оказался глубокой ночью и, тихо войдя в гостиную, увидел мрачный свет из кухни. Поняв, что там находится моя девочка, я включил свет, чтобы ни в коем случае ее не напугать. Но вышло наоборот. Как раз, когда я щелкнул выключателем, Даша спускалась с лестницы и вздрогнула, как только загорелся свет. Мой взгляд упал на ее изящные маленькие ножки в белых банных тапочках, и я понял, что еще недавно она принимала ванну, а когда поднял глаза, двигаясь вверх по ее телу, заметил махровый халат, который совсем немного приоткрывал холмики ее красивой груди. Господи, как я скучаю по любимой, но, собрав волю в кулак, глянул в карие омуты ее глаз и прочитал в них страх. Быстро подойдя к Ласточке, буквально почувствовал дрожь в ее теле и обнял, крепко прижав к себе, при этом четко ощущая ее и шепча на ушко:

— Ты под моей защитой, любимая, теперь никто не причинит тебе вреда. Обещаю.

Я почувствовал, как она вздрогнула и оттолкнула меня, хватая вазу с рядом стоявшего комода.

— Тронешь меня, не прощу!

ГЛАВА 20

Даша.

Весь прошедший день я провела с Максом и Ниной Васильевной, мы играли, готовили и просто смеялись, наслаждаясь обществом друг друга. Милая женщина пыталась натолкнуть меня на те или иные воспоминания, и где-то ей это удавалось, а порой потуги были напрасными, и я не могла внять ее словам. Иногда я ловила себя на мысли, что задумываюсь о Ване, и мне не было страшно, даже наоборот, я ощущала в душе какой-то приятный прилив чего-то, только чего именно, понять не могла. Просто мне хотелось, чтобы в данный момент он оказался с нами, сидел рядом, или смотрел так, как может смотреть только Ваня. Хотя иногда меня и пугал его взгляд, или даже присутствие, но желание сильнее некоторых страхов.

Когда начало темнеть на улице, я предложила няне поехать домой, а Максиму пообещала почитать перед сном, и женщина согласилась с моим предложением, предварительно позвонив Ивану и отчитавшись, что пост сдан. Проведя Нину Васильевну до двери, мы с ребенком отправились играть в его комнату и долгое время гоняли радиоуправляемые машины, весело хохоча и прыгая уже позже по всему дому. Когда времени было ближе к десяти, Макс сам вызвался идти в душ, после чего сказал, будет ждать меня в своей комнате для сказки.

Я же отправилась в свою спальню, чтобы тоже принять душ и немного расслабиться под струями теплой воды. Открыв шкаф, я взяла новое белье и направилась в ванную комнату, предварительно закрыв дверь на защелку. Бросила взгляд на зеркало, и мне почему-то захотелось подойти к нему и внимательно рассмотреть себя, что я незамедлительно сделала, пойдя на поводу у своего желания.

Рукой прикоснулась к холодному стеклу и ощутила легкие колики на теплой коже,

пальцами очень медленно провела от края к центру, и остановилась там, где отражалось мое лицо. Здесь я хмыкнула и застыла взглядом на щеках, удивляясь потрясающим вещам. В этом доме я не дрожала от страха в каждой комнате, не боялась, что сейчас ко мне ворвутся и потребуют немыслимого, в этой семье меня не обижали, и я ни разу за всю неделю проживания здесь не услышала оскорбления в свой адрес. Все, что я получала в этих стенах, среди этих людей, лишь заботу, тепло и любовь, которые так и лучились от их поведения. Я смело могу сказать, что каждая комната, весь дом целиком излучает счастье, и только воспоминания о прожитом месяце не дают мне окончательного покоя и умиротворения, чтобы я смогла снова жить, как прежде.

Отбросив в сторону свое домашнее платье, я снова вернула взгляд к зеркалу, на моем теле больше не появлялись новые синяки, а старые стали исчезать, медленно, но верно; щеки приобрели румянец, который раньше и вовсе отсутствовал, и я бы сказала, что мое лицо стало даже более миловидным. Наверное, все заключается в моем душевном состоянии.

Скинув с себя нижнее белье, я осторожно ступила в кабинку и моментально вздрогнула, потому как изначально из крана на тело полилась холодная вода, на смену которой быстро пришла теплая. Выдавив немного ванильного геля на мочалку, я вспенила его и принялась несильно натирать кожу, перемещая руку с плеч, ниже и ниже, и когда все тело было в пене, я просто встала под воду, не смывая руками, а наслаждаясь брызгами и ласками сильных мужских рук, касающихся груди, живота...

— Боже! — я резко распахнула глаза и рукой быстро уперлась в стеклянную дверцу кабинки, разнося шум по всей ванной комнате.

Сначала я не поняла, что произошло, а потом перед глазами предстала четкая картина, где мы с Ваней принимаем душ и наслаждаемся друг другом. Да я едва не в действительности почувствовала его руки на себе, такой мощный толчок в душу ощутила, что сердце заколотилось, как ненормальное, грозя вырваться изнутри. Моя грудь вздымалась так сильно, что дышать становилось нереально сложно, и я попыталась несколько раз глубоко вздохнуть, насколько это было возможно на данный момент, и, быстро сполоснувшись, выбралась из душа.

Наспех вытершись полотенцем, я поняла, что слишком долго предавалась своим мыслям, и меня, наверное, уже Макс заждался. Так же быстро я надела белье и банный халат с тапочками и отправилась на поиски ребенка.

— Ты заждался, Макс? — негромко спросила я, когда вошла в детскую и заметила ребенка, сидящего в позе лотоса на кровати.

— Нет, что ты, я же понимаю, что девушкам нужно больше времени, чем нам, мужчинам, — я несмело улыбнулась этой реплике и присела рядом.

— Что читать будем? — посмотрела на малыша, не найдя рядом ни единой книги.

— Я не хочу сегодня читать, я хочу с тобой разговаривать, — было мне ответом.

— Ты четко выговариваешь все буквы, — заметила я.

— А ты больше не та Даша, которая была всегда со мной.

— А какой я была с тобой?

— Естественной, что ли. Мы всегда с тобой много веселились, как сегодня вечером, а еще ты меня научила разным словечкам.

— Плохим? — я шутливо ему подмигнула, а Макс улыбнулся.

— Нет, но папе не нравилось, за что он шутливо нас наказывал. А по выходным мы все вместе ездили кушать мороженное.

— Даже зимой?

— В основном. Ведь именно зимой мы жили вместе. И мы ездили кататься на коньках.

— Прости, малыш, я не помню этого, — шепотом произнесла я, ощущая, как глаза защипали от непролитых слез.

— Ну, что ты, Ласточка, не вини себя, ведь ты не виновата, — я почувствовала, как мою шею обвили теплые маленькие ладошки, и на душе стало так хорошо и тепло, что я улыбнулась в ответ, обнимая прекрасное маленькое тельце.

— Ты слишком умный, — сказала я, и по лицу все же скатилась одинокая слезинка. Макс ладошкой провел по щеке, вытирая каплю, и тихо сказал:

— А еще я хочу, чтобы ты была моей мамой, — от этих слов мое сердце пропустило удар, и мне стало не по себе, а я ведь даже не знаю, где мама малыша.

— Это же... А где твоя мама? — несмело спросила я, не зная, чего ожидать, какого ответа, но мальчик меня снова поразил своим умом.

— Мы с папой — мужчины, и никогда не разговариваем на такие темы, но знаю одно, мама улетела на небо, и теперь у меня есть ты.

— Господи, — я едва вздохнула, но, подняв глаза, улыбнулась, понимая, насколько сильный и умный сын Вани.

— Все, Ласточка, теперь мне пора спать, а то папа вернется и будет ругать меня.

— Что-то он задерживается сегодня.

— Это бывает, — просто махнул ручкой и улегся под одеяло. — Ты иди, тоже отдыхай, а я сам усну, чай, не маленький, — я снова улыбнулась и, наклонившись, поцеловала его щечку, как тут же снова почувствовала его ручки на шее и тихий шепот в ухо: — Я люблю тебя, моя будущая мама.

Я замерла от этих слов, но ответила:

— И я люблю тебя, Макс, — и ощутила ответный поцелуй в щеку, после которого я отстранилась и, тихонько пройдя к выходу, прикрыла дверь, облокачиваясь на нее и закрывая глаза. Неуверенности в любви к малышу у меня не было, я четко ощущала это чувство, и за неделю до глубины души прониклась к ребенку. Я уже не представляла и дня без него.

Простояв так несколько минут, успокаивая свои эмоции, я решила спуститься вниз за стаканом воды, после чего закрыться в спальне и прислушиваться к приходу Ивана. В кухне горел свет над плитой, тускло отображая дорожку, и я начала спускаться осторожно по ступенькам, дабы не разбудить возможно уже уснувшего малыша. Неожиданно в гостиной включился свет, и я едва ли не ахнула, не ожидая, что сейчас появится Ваня, ведь я рассчитывала во время его прихода быть у себя в спальне.

Мужчина был как всегда красив, темно-синие, я бы даже сказала — практически черные джинсы и серая футболка безумно шли его подкачанному телу, а волосы, уложенные в творческом беспорядке, придавали ему сексуальности и брутальности. Я заметила его блуждающий по мне голодный взгляд и еще больше испугалась, сама толком не понимая, чего, ведь от этого взгляда по телу прошли приятные мурашки. Он мгновенно подошел ко мне и крепко прижал, шепча нежным голосом:

— Ты под моей защитой, любимая, теперь никто не причинит тебе вреда. Обещаю.

Я стояла у лестницы, прижатая мощным телом к стене, зафиксированная сильными руками, поверженная этим манящим запахом. Все до жути напоминало мне ту ситуацию в доме Николаева, только здесь был совершенно другой мужчина. И я не знала, как вести себя,

если я частично и вспомнила Ивана, то в эти мгновения не входил его характер. Я со всей силы оттолкнула его от себя и дрожащими руками схватила вазу, до этого мирно стоявшую на комод.

— Тронешь меня, не прощу!

Я сама испугалась своего состояния, но и поделаться ничего не могла, лишь увидела растерянный взгляд Вани, который, по всей видимости, не знал, как реагировать на мой ненормальный выпад. Тяжело дыша, я продолжала смотреть в его глаза и поняла, что мужчина не причинит мне вреда, чувствовала, ощущала, не знаю, как назвать, но я опустила зажатую руку с вазой и на мгновение прикрыла глаза. А после почувствовала нежное прикосновение руки к руке, и моя ладонь оказалась пуста, а когда я открыла глаза, как раз Иван ставил вазу на место.

— Прости, — прошептала я и услышала судорожный вдох, понимая, что причиняю ему боль своим поведением. — Прости, что веду себя, как трусиха, и...

— Ты не трусиха, — чуть громче, чем следовало, произнес Ваня и снова ближе подошел ко мне. — Не вини себя в своих страхах, слышишь? Не вини! Только Николаев виновен во всем, и он понесет свое наказание! — при упоминании этой фамилии мое тело сжалось, и по позвоночнику прошел холодный озноб, и мне до безумия захотелось, чтобы Ваня обнял меня снова, и чтобы сейчас я не боялась его прикосновений.

Я сама потянулась, касаясь слегка шершавой щеки, опускаясь к шее, и резко окунулась в крепкие и надежные объятия, почувствовав прилив чего-то невесомого и правильно выбранного. Я схватилась за его футболку, стараясь как можно ближе притянуть к себе, почувствовать поддержку и просто забыться, растворяясь в надежности. Ваня обнял меня не менее крепко, положив одну руку на плечи, другую на спину, и сжимая так, чтобы мне не было больно, но я могла ощущать себя нужной и защищенной. Манящий запах, наверное, родного человека дурманил мне сознание, и я до невыносимого чувствовала себя хорошо и приятно, расслабляясь и погружаясь в легкость, и казалось, что именно сейчас я парю высоко над облаками, где никто не сможет причинить мне боль.

Душа стала настолько легкой и невесомой, какой я не ощущала с тех самых пор, как очнулась в больнице, и мне было страшно открыть глаза и увидеть, что это сон, все нереально, я боялась нарушить этот момент, который надолго врежется в мою память.

— Однажды, чтобы меня позлить, ты показала мне своего «жениха» Женю, который вообще был не в курсе этого, но ему тогда здорово от меня влетело, после чего его отвезли в больницу.

— Поцелуй меня, — шепотом попросила я, прервав только начавшийся рассказ, а мужчина замер, внимательно всматриваясь в мои глаза. — Поцелуй же, прошу!

— Тебе не нужно меня об этом просить, — как-то холодно сказал он, ну, конечно же, кто захочет целовать девушку, которую... — Я готов вечно тебя целовать, — перебивает мои мысли и тут же накрывает мои губы своими, осторожно касаясь нежной плоти. Языком раскрывая рот и проникая глубже, касаясь моего языка, ведя его в замысловатом танце страсти и одновременно дикой нежности. Мое тело расслабляется еще больше, ноги становятся ватными, и я понимаю, если бы не поддержка мужчины, то уже рухнула бы на пол. Во рту чувствую его вкус и легкий запах сигарет, а нос вдыхает, по всей видимости, запах его геля после бритья.

Продолжает неистово целовать, а его рука с плеч перемещается в мои волосы, жадно сжимая их и прижимая меня еще ближе, с большей страстью. Я слышу свой стон и чувствую

нарастающий комок страсти внизу живота, миллионы мурашек проносятся по моему телу, и я понимаю, что мне не хочется отстраняться от этого мужчины. Нежное поглаживание его руки по моей спине. Даже через махровую ткань халата я ощущаю его тепло и нежность, он медленно отстраняется от моих губ и перемещает руку к ключице, проводя пальцами по линии выреза, и останавливаясь у края лифа. Долго смотрит, как поднимается и опускается моя грудь, сам при этом тяжело дышит, и я ощущаю на своей коже, покрытой мурашками, его дыхание, судорожное, страстное и манящее.

Все это время я наблюдала за его губами, которые еще минуту назад меня так сладко целовали, а сейчас шевелятся в немом разговоре, по крайней мере, так я думала изначально, пока Ваня не положил свою ладонь мне на щеку и не произнес более громко:

— Иди в свою спальню, иначе я за себя не ручаюсь.

— Но...

— Иди. Ложись. Спать. — Он отчеканил каждое слово, разворачивая меня к лестнице. — Я не хочу, чтобы завтра ты жалела о случившемся. Еще не время, ты пока слишком далека, — шепотом добавил он мне на ухо. И я, не думая, быстро поднялась вверх, моментально закрывая дверь на замок и заваливаясь в прямом смысле на кровать, чтобы прогнать ощущения его рук на своем теле, его голос из своих ушей, его запах из своего носа, только вкус прогнать не смогу.

Утро меня встретило ярким солнцем, заглядывающим в мое окно. Я сладко потянулась, зевая, и не спеша выбралась из постели, направляясь в ванную комнату. Быстро приняв душ, я надела лосины и футболку и отправилась вниз, но едва открыла дверь своей спальни, как рщупила божественный аромат кофе, ммм... Нина Васильевна — чудо, подумала я, и сбежала по ступенькам, словно пятнадцатилетняя девчонка, довольная, что ей приготовили завтрак.

— Нина... — хотела позвать я, когда увидела в кухне Ивана в спортивных штанах и фартуке на голое тело, который как раз дожаривал блинчики, а за столом сидел довольный Макс. Моя улыбка озорной девчонки на миг пропала, и появилась уже взрослая улыбка девушки, у которой просто приятное утро. — Всем доброе утро.

— Доброе.

— Доброе.

Меня по очереди поцеловали в щеку, только Макса мужчина приподнял на руках и после звонкого чмока опустил обратно на пол, а потом они вдвоем отодвинули мне стул и усадили за стол. Вскоре передо мной появилась чашка горячего дымящегося кофе и тарелка с блинами и малиновым вареньем. Глянув на это все, я едва ли не облизалась и, взяв в руку вилку, на миг подняла голову.

— А вы?

— А мы ждем одобрения, — ответил Ваня.

— Угу, — кивнул Макс, и я, не смея заставлять ждать мужчин, вилкой наколола блинчик, сложенный треугольником, макнула в варенье и, приблизив ко рту, откусила кусочек лакомства, блаженно зажмуривая глаза от удовольствия.

— Изумительно вкусно, — ответила я, после того как прожевала последний кусочек, и ребята, весело улыбнувшись и дав друг другу «пять», уселись рядом со мной, наминать нежнейшие блины.

Когда я доела пятый блинчик, то откинулась на спинку стула и довольно потерла живот, понимая, что налопалась на весь день. Неожиданно мне в голову приходит вопрос, который,

не медля, задаю Ивану.

— А где Нина Васильевна, и почему ты не на работе? — обратилась я к мужчине, глядя на его губы.

— Потому что утром один смышлённый парень поведал мне, что вчера вы разговаривали о наших совместных прогулках, поэтому сейчас мы едем кушать мороженное и кататься на коньках. А Нине Васильевне я дал выходной.

— Хей, парень, — обратилась я к Макс. — Ты сдал весь наш разговор?

— Нет, только про мороженное, уж больно мне его захотелось, — и он подмигнул отцу, на что я только с улыбкой покачала головой.

— Ладно, тогда беги в свою комнату одеваться.

— Слушаюсь! — и мальчуган резко подорвался из-за стола и рванул вверх по лестнице.

— Ласточка, — обратился ко мне мужчина, когда мы остались одни. Я подняла на него свои глаза. — Вчера...

— Вчера, — перебила я, — вчера. Я бы не пожалела ни о чем, — шепотом произнесла я, улыбнулась и поднялась из-за стола. Ваня сделал то же самое, и я, не думая, быстро подошла к нему и поцеловала, едва касаясь его нежных теплых губ со вкусом малинового варенья. — Спасибо за завтрак. И это для тебя мое персональное доброе утро.

ГЛАВА 21

Ваня.

Прошло несколько дней после нашей прогулки на каток, и да, мы здорово провели время, хохоча без умолка, не сдерживая эмоции и проявляя свои чувства. Ласточка стала больше доверять мне и идти на сближение, но нового пока вспомнить ничего не смогла, по всей видимости, не такое значимое место «Снежный дворец», раз не смог подарить моей девочке новые воспоминания. Макс все больше и больше тянулся к девушке, она же в свою очередь не отлипала от моего сына, что не могло меня не радовать.

После катка Даша изъявила желание посетить гинеколога, дабы удостовериться, что ее будущей беременности ничего не будет угрожать. Я не мог понять этого желания, но был счастлив, что малышка думает о будущем, я надеюсь, о нашем совместном будущем. Когда Ласточка сбежала от Николаева, ее обследовали все врачи, которые только нужны были, и я благодарен Богу, что все обошлось хорошо, когда не обнаружилось ни переломов, ни каких-либо заболеваний, которые мог передать эта мразь. И вот сегодня в офис мне должны были прислать результаты проведенных несколько дней назад анализов, и я с каким-то безумным волнением ждал, когда получу в руки эти бумаги.

— Иван Сергеевич, может быть, кофе? — поинтересовалась моя секретарша, заглянув ко мне в кабинет. — Вы какой-то нервный сегодня.

— Нет, Виктория, спасибо, — ответил я, меньше всего нуждаясь в чей-нибудь поддержке.

— Тук-тук, — тут же в проеме двери показалась голова друга. — Можно к вам, великий шеф? — улыбнулся Андрей и вошел в кабинет.

— Привет, друг, — я встал, поприветствовал друга и предложил присесть.

— Кофе угостишь? — я кивнул и глянул на стоящую все еще здесь Вику, она улыбнулась и скрылась за дверью. — А я не один, — довольно пропел Андрюха, а я непонимающе уставился на него, когда тот добавил. — Со мной куча девчонок.

— Не понял.

— Что ты так напрягся? Неужели думаешь, что я своих принцесс променяю на

непонятно кого?

— Фух, — расслабленно выдохнул я.

— Снежинка с Маришкой решили провести тебя вместе со мной, при этом прихватив Ласточку, — я чуть было не сорвался с места, так мне хотелось ее увидеть, но Андрей меня остановил.

— Вань, ты чего, они скоро подойдут.

— Да, просто соскучился, — пояснил я свой порыв, сам же понимая, что дело не только в этом.

В дверях снова показалась голова Вики, и она, извинившись, сказала:

— Иван Сергеевич, здесь курьер принес результаты анализов.

— Спасибо, — она поднесла мне папку и удалилась, оставив дверь открытой.

— Что за анализы? — с интересом спросил друг.

— Сейчас расскажу.

Дождавшись, когда девушка принесет кофе и оставит нас одних, предварительно закрыв двери, я ответил:

— Даша решила сдать анализы, чтобы в случае чего забеременеть, не переживая о здоровье. Я не знаю, чем вызван этот порыв, но я счастлив, — задорно ответил я.

— Вы идете на сближение, что не может не радовать, — с улыбкой на губах ответил Андрей. — Ласточка начинает тебе доверять. А вы уже говорили о детях?

— В том то и дело, что нет, да я пока и не имею права ее просить об этом. Но любимая думает о нас, как о паре, по крайней мере, я понял это именно так... — снова довольно пропел я.

— Я так понял, подробностей не будет, — констатировал Золотарев.

— Обойдешься, — ответил я, от чего мы весело засмеялись, мой же смех был вызван и истерикой.

Не знаю, почему меня била тревога, и я с таким волнением ожидал результата анализов, а теперь мне было страшно даже просто открыть синюю папку. Мне казалось, то, что я там увижу, меня не сильно обрадует, поэтому я старался оттянуть момент.

— Вань, хватит, — немного грубо проговорил Андрей, когда я делал очередной глоток кофе.

Я со вздохом отставил чашку и взял в руки папку. Открыв ее, первым, на что наткнулись глаза, было: Общий клинический анализ крови, общий анализ мочи. Определение волчаночного антикоагулянта, антител к фосфолипидам, антител к кардиолипину, к хорионическому гонадотропину, как написано, они являются факторами невынашивания плода. Все прочие анализы, которые были предоставлены, указывали на положительный результат, то бишь, Даша целиком и полностью здорова и готова родить прекрасного малыша. Все было бы прекрасно, если бы я не открыл последнюю страницу в папке. «Беременность: преждевременное прерывание (аборт)».

— Твою мать! — воскликнул я и глянул на друга, тот непонимающе уставился на меня. Еще раз бросил взгляд на бумаги, примерное время аборта — апрель. Су*а! — Вот тварь!

— Да что случилось? — взволновано поинтересовался Андрей.

— Даша была беременна, — прошептал я и хотел, было, показать ему заключение, как в дверь вошли наши девочки с малышкой.

— Привет, — дружно поздоровались они, а Маришка подбежала к отцу, усаживаясь к нему на колени.

— А что вы тут делаете? — поинтересовалась девушка, а я быстро закрыл папку, убирая ее в стол.

— Немного работаем, я помогаю Ване, — я благодарно улыбнулся другу, что тот не стал говорить правду, ибо я не хотел огорчать девушек, и свою любимую — тем более.

— А мы плишли позвать вас на обед, мама говолит, что куколка в ее животике тлебует еды. — Господи, у меня внутри все сжалось от этих слов, так больно мне стало за свою Ласточку, и я на миг взглянул на нее. Даша застенчиво поглядывала на меня из-под лба, и выглядела такой невинной и безумно милой, что мне срочно захотелось ее обнять, но я сдержал свой порыв, чтобы не вызвать подозрения.

— А куколка сама маме об этом сказала? — шутливо спросил Андрей у Марины, и мы все вместе уставились на Еву.

Она несколько долгих минут взирала на нас взглядом, который давал понять, что мы сумасшедшие, а потом, хмыкнув, осторожно поднялась с дивана:

— Грех смеяться над беременной женщиной, между прочим, нас двое, и мы можем обидеться, — гордо сказала Ева и сама при этом засмеялась, потащив и нас за собой.

Немного отсмеявшись, Андрей предложил все же отправиться на обед, сказав мне, что после мы разберемся с документами. Напомнил мне об этом. Внутри у меня снова скрутилось все в тугий жгучий узел, но я приказал себе внешне не подавать вида, чтобы Даша и Ева не смогли заметить мои переживания.

Все два часа, которые мы провели в кафе, я не мог отвести взгляда от Даши. То, какой милой и счастливой она была, делало меня злым, даже больше — я зверел. И в этом нет ни капли вины девушки, я был зол на Николаева, ведь Ласточка сейчас могла бы быть беременной и ходить с животиком, а вместо этого она ходит и пытается вспомнить хотя бы кусочек прошлого. Черт. Я был зол на себя, что не смог тогда остановить любимую, и разрешил ей участвовать в этих паршивых гонках. Я просто зол на весь мир, кроме Даши.

Разве я мог злиться на этого белокурого ангела с невероятными глазами, пропитанными нежностью и трепетом, обращенным к Маришке. Я буду винить всех, кроме любимой, и обязательно сделаю свою птичку счастливой.

После обеда, Андрей вызвонил Тарасова, попросив его отвести наших девчонок, а сам нетерпеливо отправился ко мне в кабинет.

— Говори! — громко потребовал он, едва успев закрыть кабинет.

— Поехали! — тем же тоном ответил я, хватая документы из ящика.

— Ваня, может, мы сначала поговорим?

— Нет, я хочу посмотреть на эту мразь собственными глазами.

Не понимая моих эмоций, Андрей последовал за мной, и уже через полчаса мы находились в больнице, где теперь проживает Николаев, с травмами, почти не совместимыми с жизнью. Быстро проходя темные обшарпанные коридоры и безликих медсестер, я едва сдерживался, чтобы ни на кого не наброситься и не растерзать, вымещая свою бешеную злость и боль, которые поселились во мне после прочтения последней страницы.

Несмотря на то, что на двери стоял охранник «шкаф», я что было силы отшвырнул его в сторону и с грохотом открыл дверь, которая закрипела и ударилась о стену. В нос ударил запах лекарств, а позади себя я услышал, как вошел Андрей.

— Ну что, друг, сам отключишь все приборы, или доставишь мне удовольствие насладиться этим? — я заметил, как в дверях показался тот же охранник, но он был нашим

человеком, и все прекрасно понимал.

— Что ты имел в виду, когда сказал...

— Хоть Даша и сильно пострадала, падая с мотоцикла, но ребенок остался жив каким-то невероятным чудом, а эта падаля все решил сам и приказал сделать аборт моей девочке! — едва не взревел я от отчаяния и схватился за голову, когда в эту же секунду услышал равномерный писк прибора. Подняв глаза, увидел, что Николаев был уже мертв.

Андрей был зол не меньше меня, но в глазах был блеск, адреналин, он отправил это ничтожество на тот свет, и я уверен, ни капли не жалел об этом.

ГЛАВА 22

Ваня.

У меня мог родиться крошечный малыш, с маленькими глазенками, вздернутым носиком и розовыми губками, малыш, который был бы от моей любимой Ласточки, но какая-то гнида решила иначе. Сука. Как же я его ненавижу, Николаев, мразь! А вдруг это могла быть девочка, крохотная, хрупкая, копия своей мамы, да я бы с ума сошел от счастья. Помню, как Макса забирал из роддома, держа его на руках, не знал предела своему счастью, даже никого не подпускал к сыну, чтобы ему не навредили. Слишком он мой, слишком родной. Да и, несмотря на то, что я не любил Леру, мне было нелегко проститься с ней, тем более, что мой ребенок, моя частичка, остался без матери. Только Даша тогда прилетела на всех порах, и лишь ей, единственной, я позволил взять Макса на руки, а она, не раздумывая, тут же исполнила свое желание. Ее глаза сияли от счастья и неверия в происходящее, и я видел, с каким воодушевлением она держит моего крохотного сына, и тогда я решил, что, как только Ласточка станет более взрослой, я срочно ее заберу в свое гнездышко. Забрал, и не уберег. Господи, за что ты так нас наказываешь, за что наказываешь Дашу, которая до безумия любит детей и просто не мыслит жизни без них.

— Тебе нужно успокоиться и принять это...

Я сидел на лавочке в парке около больницы, предаваясь размышлениям, когда услышал голос друга, вернувшегося из палаты, он отдавал распоряжения своим ребятам по поводу исчезновения трупа Николаева.

— Хм, принять. Андрей, что я должен принять? Что моего не родившегося ребенка, который совершенно ни в чем не виноват, убили? Да еще и кто? Мразь, которая последние годы только то и делает, что ненавидит мою женщину. А за что? А все просто, она сильнее и умнее этой гниды.

— Ты будешь говорить Ласточке? — ничего не ответив на мой монолог, спросил друг. Я видел, как он нервничает и переживает, его выдавали сильно сжатые до белизны в пальцах кулаки и желваки, гуляющие на скулах.

Я резко махнул головой, отрицая, а потом добавил:

— Зная Дашу, уверен, что она будет винить себя в случившемся, а я не имею права позволить ей этого, потому что в том, что произошло, вина только Николаева!

— Он заплатил за содеянное. Еще у себя в доме.

— О да, пусть он теперь сгниет, тварь!

Мы на некоторое время замолчали, каждый обдумывая ситуацию со своей точки зрения. А я все пытался представить, как я теперь буду смотреть в глаза любимой Ласточке и чувствовать свое горе, но скрывать от нее.

— Вань, так будет действительно лучше. А у вас крепкая любовь, и Даша пошла на сближение с тобой, так что, думаю, две полосочки вас скоро посетят, — улыбнулся Андрей,

а я в ответ лишь кивнул, представляя ситуацию, когда Даша обрадует меня пополнением. Но что-то я размечтался, ведь сначала нужно заслужить доверие девушки, а главное сейчас — найти силы в себе.

— Помнишь, как Даша сияла, когда я только одной ей разрешил подержать новорожденного Макса? — спросил я у Андрея. Он согласно кивнул, улыбаясь шире, видимо, вспоминая тот прекрасный момент. — Ласточка вся изнутри лучилась тогда, и в тот момент я понял, что эта строптивица мне нужна, хм, как воздух, и даже больше. Хотя, — здесь я немного помедлил, но произнес, — Даша меня покорила давно, только не решался я к ней подходить, как к женщине. Еще и этот полудурок Стас, как же я был зол на тебя и твоих родителей...

— За что? — с удивлением спросил друг.

— Вы подарили ей квартиру, а там она начала жить с ним. Мне казалось, что рано для нее это, да и, что скрывать, ревновал я уже тогда.

— Да, друг, влип ты конкретно, — негромко проговорил Андрей.

— И основательно, — добавил я, прикуривая сигарету, которая была в портмоне для особых случаев. А сегодня именно он, тот случай.

— Знаешь, Иван, я одного никогда не мог понять, зачем ты женился?

— Благородный рыцарь, бл*ть, — усмехнулся я, делая очередную затяжку. — Просто мне хотелось, чтобы мой ребенок рос в полноценной семье, а вышло вон как.

— Макс спрашивает о маме?

— Офф, здесь немного другое, — я выдохнул дым и чуть скривился, но не от отвращения, а от безвыходности ситуации. — Он хочет, чтобы Даша была его мамой, — тихо добавил я.

— Что ж, это вовсе не удивительно, судя по их отношениям, к тому же, я прекрасно знаю, как дети чувствуют любовь взрослых, — пояснил Андрей, а я улыбнулся его словам.

— Маришка, — не спросил, констатировал.

— Да, она сама начала меня называть папой, я был на седьмом небе от счастья.

— Будоражающее чувство, когда чужой ребенок называет тебя родителем? — спросил я, интересуясь, что может испытывать Ласточка.

— Хм, будоражающее. По сути, Марина даже Еве не дочь, но это — если смотреть с биологической точки зрения, а если опустить всю прочую х*рню, роднее человека не найдешь. И чувство такое, что мы для девочки — настоящие родители.

— Вы и так самые настоящие родители, которые просто повернуты на своем чаде, — улыбнувшись, добавил я, от чего Андрей рассмеялся, и мы, наконец, почувствовали облегчение после случившегося.

— Я буду счастлив, если у вас с Ласточкой родится малыш, — спокойно сказал друг, и я заметил в его глазах некую горечь за свою любимую сестру. — Хотя, Иван, я тебе не завидую, сам за Снежинку переживаю ужасно, и за доченьку — не меньше.

— Девка? — довольно спросил я.

— Уверен, — прошептал он и откинулся на спинку скамейки.

Друг счастлив, и я безумно рад за него, что хоть он смог добиться своего счастья, но я не огорчился на счет себя, а верил, что вместе с Ласточкой мы все преодолеем.

— Слушай, а интересная у вас с сестрой судьба, друг, — неожиданно заметил я, а мужчина вскинул голову и прислушался, — Ваши родители в шоке, наверное, сразу от двоих внуков.

— Я думаю, они счастливы. Кстати, через неделю возвращаются окончательно, — узнал я новость и не совсем обрадовался, учитывая не полностью восстановившуюся память Даши.

— Надеюсь, что у нас еще есть время.

Еще около часа мы просидели в парке, болтая о разном. Вспоминая счастливые моменты или же, наоборот, то время, где нам не совсем улыбалось оказаться снова. Глядя сейчас на Андрея, я понимал, что мужчина счастлив, окруженный девичьей заботой и любовью, он сверкал, словно начищенный медяк. И вот благодаря ему я понял, что попытаюсь сделать все, чтобы Даша мне поверила целиком и полностью, и впустила меня в свою жизнь, которую я смогу разукрасить яркими красками. Чтобы впустила меня и Макса, и мы вместе сможем разделить счастье, любовь и покой нашей семьи, которая, я думаю, со временем пополнится, и станет поистине настоящей.

ГЛАВА 23

Даша.

Прохладный августовский ветерок подул мне в лицо, и я ощутила легкую дрожь по телу, ведь скоро осень, и погода не становилась теплее, а наоборот, с каждым днем все прохладнее. Но сейчас моя дрожь была скорее не из-за холода, а от того, что сегодня приезжают родители из США, и мне поистине было страшно, не имея понятия, как себя вести с ними. Я же так и не вспомнила их, хоть мне Ваня и показывал фотографии. Но в моей памяти не всплыли никакие моменты из прошлого, и от этого становилось жутко, мне казалось, что я никогда не смогу ничего вспомнить. Ребята, конечно, подсказали, как мне себя вести с мамой и папой, но это не давало мне легкости и уверенности, а я по-прежнему волновалась, боясь огорчить родных.

Четыре месяца, почти четыре месяца прошло, а я так и не смогла до конца все вспомнить, да и можно ли сказать, что я хоть половину вспомнила, я не знаю. Я даже не знаю, что нужно сделать, чтобы я вспомнила, потому как Ваня с Максом всегда рядом, да и брат со своей семьей навещают меня практически каждый день, а во все мои любимые места мы уже наведались, даже в то, где произошло «падение с лестницы». Безрезультатно! Не совсем, конечно, но и большого прогресса нет.

Я вздрогнула от неожиданно обвивших рук Ванечки, и вмиг расслабилась, зная, что этот мужчина не причинит мне боли.

— Прости, не хотел пугать, — тихо прошептал он мне на ушко, от чего по телу прошла новая дрожь, только уже не от холода, а от хриповатого голоса Ивана.

— Просто не ожидала, — в тон ему ответила и крепче прижалась к его телу. Совсем стал родной и настолько близкий, что порой мне хочется сорваться в его объятия и тонуть в них, но я снова боялась, и на этот раз сама не знала, чего именно.

— О чем думаешь? — этот вопрос застал меня врасплох.

— Почему ты все еще со мной, почему терпишь, ведь я практически ничего не вспомнила за такое долгое время, — сама от себя не ожидала таких слов, но произнесла их, не понятно, как, еще и дрожащим голосом, и тут же почувствовала, как тело мужчины напряглось, и он тяжело выдохнул.

— Ласточка, — как-то по-особому пропел он. — Запомни раз и навсегда, я тебя не терплю, и никогда не терпел, мои чувства к тебе основаны лишь на одной безумной и чистой любви. И еще, — на этих словах он развернул меня к себе и заглянул в глаза, так глубоко, что казалось, будто он пытается там что-то рассмотреть, или сквозь них залезть мне в душу. — Не так уж и много времени прошло, и у нас все получится, слышишь, ты вспомнишь всю

нашу жизнь. Верь мне, — он ладонями взялся за мои щеки, слегка поглаживая большими пальцами. — Ты веришь мне?

Все, что я могла сделать — кивнуть, и сама, не медля больше и секунды, потянулась к его губам, но, увы, была остановлена его же руками.

— Мне этого мало, понимаешь, я слышать хочу, что ты мне доверяешь, слышать, — снова шепотом сказал он, а я выпалила на одном дыхании, сама от себя не ожидая такой наглости:

— Да доверяю я тебе, иначе не стояла бы в твоих объятьях, а теперь целуй меня уже!

— Вот это — моя девочка, — услышала его рык, и тут же ощутила теплые губы на своих, которые просто поглощали меня, вели, словно в диком танце, и неистово целовали, отняв весь воздух в легких.

Почувствовала его пальцы на затылке, глубоко зарывшиеся в мои волосы, и сама, не думая, обвила шею любимого и почувствовала приятный укол в сердце от осознания своей мысли. Ванечка действительно любимый. Мы целовались, не замечая ничего вокруг, и наслаждались касаниями друг друга, как я услышала его стон, сопровождающийся очередным поцелуем, только теперь Ваня целовал скулу, направляясь к ушку.

Я же правую руку спустила по его груди к животу и ногтями царапнула кубики пресса сквозь рубашку, от чего услышала, как он резко втянул воздух и еще сильнее сжал меня в своих объятьях.

— Ой, да у них совсем тут любовь, — услышала я голос женщины, который заставил меня отпрянуть от губ Ивана и уткнуться лицом ему в грудь. Так, вдох, выдох, нужно собраться и обнять маму. Господи, это же наверняка она.

Собрав всю волю в кулак, я легко и непринужденно оторвалась от Вани и подошла к маме, тут же обнимая ее и целуя, после чего заметила, как из ее глаз брызнули слезы:

— Мамуль, ты чего? — решила уточнить я, и, черт, как же дико было называть маму мамой, при этом, совершенно не зная ее, ощущая себя ничтожеством и дрянью из-за того, что даже при виде этой женщины я так ее и не вспомнила, не узнала. Главное, что я поняла, мне безумно не понравилось, что она плачет, от этого мое сердце сжалось, добивая меня и выворачивая изнутри.

— Даша, ты порой такая засранка. Ну, вот почему не звонила так долго, я же скучаю, переживаю, — начала пояснять мама, и я снова почувствовала себя в этой семье нужной и любимой, в отличие от того дома, где жила несколько месяцев назад.

— Мам, я не могла...

— Да знаю я, знаю, — перебила она меня, а я на миг застыла, боясь того, что она знает правду. — Твои семинары меня до добра не доведут, — услышав конец ее фразы, я с легкостью выдохнула и снова обняла маму.

— Я обещаю, мамочка, что больше такого не повторится, да и с семинарами я завязала навсегда, — сказала я то, что давно чувствовала, но боялась признаться Ване, а тут как раз и повод появился.

— Как завязала? Это же твое любимое дело, Дашенька, или, быть может, у вас с Ванечкой пополнение намечается? — предположила мама, и я услышала, как тяжело выдохнул вышеупомянутый, стоявший сейчас за моей спиной.

— Пока об этом рано думать, — тихо проговорила я и продолжила. — Просто поняла, что не хочу больше стричь, не мое это...

— Как — не твое? — в один голос с мужчиной удивилась мама.

— Салоны, конечно же, будут, но я не буду в них работать. И да, если Ванечка не будет против, я бы с удовольствием в будущем понянчилась с нашим ребенком, но это не сейчас, — я кинула на него взгляд, заметив, как брови Ивана взметнулись в верх, и я, было, подумала, что погорячилась с признанием, как тут же услышала ответ.

— Для этого тебе нужно будет выйти за меня замуж, — я тут же почувствовала мгновенную дрожь в теле и несмело улыбнулась, что я вообще себе думаю, но мужчина, видимо, в действительности серьезно задумался над этим, ибо выжидающе смотрел на меня.

— Вань, давай позже об этом поговорим, — попросила я его и обернулась к маме. — Мамуль, а где папа?

— Ой, он срочно поехал в офис, что в принципе не удивительно, ты же знаешь, как он вечно пропадает на работе.

— Знаю, — соврала я и глянула на брата, который появился в воротах с Маришкой, но сказать, что он был радостным, я не могла.

— Всем привет, — сказал он и подошел к матери, они поприветствовали друг друга, и я, наконец-то, услышала то, что мне не давало покоя.

— Андрюш, а где Ева? — в этот момент женщина уже держала на руках девочку, а та с любовью обвила шею бабушки маленькими ручками.

— Мы отвезли мамочку в больницу, малышка плосится на свет, а мамочке так больно было, и я испугалась, — парировала девочка, и мы мигом уставились на Андрея.

— Да, — с печальным вздохом сказал он, потирая лоб и зажмуривая глаза, — У Евы преждевременные роды, поэтому сегодня не до посиделок, я просто возвращался домой за нужными вещами, и мы с Мариной решили заехать к вам на минутку.

— Дети мои, Даша, Ваня, вы не обидитесь, если я поеду с Андреем в больницу? — поинтересовалась мама. Я немного огорченно вздохнула, ведь надеялась, что в присутствии ее я смогу что-то вспомнить, особенно саму маму, но не могла не согласиться, что Еве сейчас поддержка нужна больше, чем мне.

Проводив Андрея, Маришку и маму до машины, мы снова обнялись, и мама шепнула мне на ушко три заветных слова, от которых у меня прошли мурашки по телу:

— Я люблю тебя.

Я улыбнулась, но ничего не ответила, до конца не понимая своих чувств, и, возможно, кто-то бы меня осудил за это, но я не хочу больше врать маме.

Проводив взглядом машину брата, я обернулась к Ване и заметила, что он уже наблюдает за мной, полностью погрузившись в свои мысли. Мне тут же захотелось его обнять, но пришлось сдержать свой порыв, иначе я причинила бы ему еще большую боль. Я и так себя винила в том, что этот прекрасный мужчина страдает из-за меня, не может наслаждаться жизнью, и просто чувствовать себя счастливым. Ведь, как я успела понять, ему нужна только я, а из-за моих проблем он во многом себя сдерживает и ущемляет. Черт. Все из-за меня.

— Ласточка, а ведь я не шутил, — произнес он, продолжая смотреть на меня.

— Я знаю, Вань, пойдем, нас Макс ждет, — после этих слов заметила, как он улыбнулся, и я приподняла бровь, как бы спрашивая, в чем дело. И ответ последовал незамедлительно.

— Ты раньше тоже убегала от ответов.

Я задумалась, не совсем понимая, что бы это могло значить, но спросила:

— Это хорошо или плохо?

— Я думаю, что это замечательно, — улыбнулся он и, обвив рукой мою талию, направился вместе со мной ко входу в дом, я же, не раздумывая, последовала с ним, понимая, что во мне просыпается именно та самая Ласточка, из прежней жизни.

Войдя в дом, мы обнаружили Нину Васильевну, которая сутилась в столовой, и Максима играющего там же с паровозом.

— Нина, гостей не будет, Тамара Николаевна вместе с Андреем уехала в больницу, Ева рожает, так что мы спокойно посидим в узком семейном кругу, — объяснил мужчина и, взяв мою ладошку, поцеловал, от чего я немного смутилась и опустила глаза.

— Вань, а может, я Максима заберу к себе, а вы вдвоем побудете, — будничным тоном предложила женщина, от чего я еще больше опешила, но не стала отнекиваться, полагаясь на Ивана.

Он глянул на меня и, видимо, не увидев во мне паники, обратился к сыну:

— Макс, как ты смотришь на то, чтобы поехать к Нине Васильевне?

— Если только изначально будет мультик, — выставил свое условие ребенок.

— Конечно, будет, когда это я тебя обманывала? — посетовала Нина, и они вместе с малышом рассмеялись, а я лишь улыбнулась их дружескому общению, и тут же немного заволновалась. Мы останемся с Ваней в доме одни. Совсем. Наедине.

Видимо, заметив мое волнение, Ваня наклонился к уху и прошептал:

— Не переживай, все будет хорошо.

И я кивнула, действительно ему доверяя.

ГЛАВА 24

Даша.

Когда мы, наконец, остались одни, Ваня предложил поужинать. Усевшись за огромный стол, который готовился для приема родственников, мы принялись уплетать стоявшие на нем блюда. Еды было море, просто не передать словами, и, конечно, нам хотелось попробовать как можно больше и столько, сколько в нас могло влезть. При этом я чувствовала себя совсем раскрепощенно, без страха и волнения, наверное, впервые за все то время, что я находилась здесь, мне было настолько легко и прекрасно. Моя душа отдыхала.

Перед тем, как мы сели ужинать, мужчина разжег камин, потому как на улице стало к ночи совсем прохладно, и он хотел позаботиться обо мне, отчего меня накрыло очередной волной тепла. Было слышно, как потрескивают поленья в огне, а легкий запах ароматизированных свечей, которые мы зажгли вместе с камином, придавал этой большой комнате нотки романтизма и интимности, которые поглощали и захватывали своей пикантностью. Полумрак, ужин с замечательным мужчиной. Чувства, которые я испытывала к нему, все чаще и чаще подталкивали меня к тому шагу, который я решилась сделать. И я была уверена, что жалеть не буду о его свершении.

Я вообще не хочу ни о чем жалеть рядом с этим мужчиной, в этой семье, в этом доме, ведь именно они дарят мне любовь и заботу, и именно здесь я ощущаю себя цельной и нужной. Здесь мне позволено жить, а не существовать, что я и пытаюсь сделать. И если меня что-то и отвлекало от этого, то лишь мое беспамятство в отношении родных, всей душой желающих мне добра. И ради них я преодолею все невзгоды, и сама подарю им не меньшую любовь, только бы мне все вспомнить, чтобы я могла понять, от чего отталкиваться и как жить.

И вот сегодня я поняла, что пора переходить на новую ступеньку жизни, на новый этап отношений с Ванечкой, с мужчиной, который, если верить рассказам о прошлом, снова

покорил мое сердце, завладел душой и окутал заботой. Я не боялась его, доверяла, поэтому смело решилась на поступок, который в дальнейшем изменит нашу с ним жизнь, по крайней мере, я на это надеюсь.

Перед ужином я надела льняное белое платье, которое лишь на талии облегало тело, и то с помощью пояска канатика, в остальном же оно было словно одуванчик, воздушное и едва осязаемое, открывающее плечи и шею. Наверное, в таком наряде я чувствовала себя более раскрепощенно, и поэтому, когда Иван прошел в смежную кухню для того, чтобы взять мороженое и сироп, я легко задела канатик, развязывая его, и пальцами спуская по рукам широкие бретели, тем самым освобождая себя от одежды. И именно в этот момент я впервые за вечер почувствовала волнение, но, зарубив его на корню, приготовилась ждать реакцию мужчины, который уже через несколько секунд обернулся и замер, даже слегка приоткрыв рот от изумления. А еще спустя секунду он начал идти, только мимо, от чего я разволновалась и поняла, что сделала глупость, и не нужно было мне себя так вести, но, не успев додумать, я услышала легкий стук посуды о стекло. Резко повернув голову, увидела, как Ваня поставил пиалки на стеклянный столик около камина, и сам уже направился ко мне.

Легкое касание его руки к моему лбу, щеке, губам, теплый взгляд и едва слышный шепот:

— Ты уверена? — все, что я могла, это кивнуть в знак согласия, и сама так же провела рукой по его лицу, как и он секунду назад.

И тут же я почувствовала, как меня подхватили сильные горячие руки и понесли в сторону камина, и в этот же миг ощутила под собой мягкий ковер, лежащий у огня. Все это время Ваня не отпуская взгляд моих карих глаз, пытаюсь что-то высмотреть в них, то ли страх, то ли решимость, до конца я не поняла, но заметила, как он начал наклоняться к моему лицу, и почувствовала нежное касание его губ. Мимолетное, проносащее по телу миллион мурашек, заставляющее замереть в ожидании. Так же стоя передо мной на коленях, он начинает прокладывать дорожку из поцелуев от губ по шее, и к ключице, от чего мое сердце бьется все чаще и чаще, но не от волнения, а от возбуждения, накрывшего меня при виде его горящих глаз. Пока губы исследовали шею и плечи, его правая рука находилась у меня на бедре и нежно гладила кожу, слегка царапая ногтями. И когда пальцы оказались на сгибе около треугольника, я выгнулась и застонала, сгорая от желания. В этот момент мужчина приподнял голову, снова всматриваясь мне в глаза, и, что-то решив для себя, отстранился, от чего я почувствовала пустоту и холод. А уже через секунду возле меня оказались две пиалки, одна — с мороженым, а вторая — с сиропом. И снова Ванины руки на моем теле. Он расположился между моих ног, предварительно раздвинув их, и немного склонился ко мне, снова завладевая губами, только на этот раз в глубоком и страстном поцелуе, играя моим языком, и взрывая мозг от возбуждения и эмоций, которые дарят его губы.

Я пальцами провела по его спине и плечам, слегка надавливая и царапая, чтобы в следующий миг услышать его страстное рычание от получаемого удовольствия. Когда нам перестало хватать воздуха, он отстранился от губ, целуя мое лицо и снова переходя к шее, а потом и вовсе все закончилось. Проследив за его действиями, увидела, как он наклонился к емкости, стоявшей около меня, и, набрав в ложечку сиропа, приблизил ее к моим губам и совсем немного капнул темно-красной жидкости и, переместив руку, тонкой струйкой налил мне на грудь, от чего я еще чаще задышала. Вернув ложку на место, он завел мои руки мне за

голову, а я, не думая, язычком слизала сироп со своих губ, за что получила глубокий и влажный, но, в то же время, быстрый поцелуй. Снова жгучий взгляд глаза в глаза, и Ваня лизнул ложбинку между грудей, перемещаясь к округлостям, прерываясь на поцелуи и едва ощутимые ласки. Когда мужчина добрался до соска, я почувствовала на нем холод. Приоткрыв до этого закрытые глаза, я заметила, что он уже вымазывает меня мороженым. И как только кусочек оказался в нужном месте, Ваня тут же захватил горошину в плен, посасывая ее и прикусывая, от чего между ног у меня стало слишком мокро, и я снова застонала и приподняла бедра, упираясь в набухшую плоть. Теперь последовал стон Ванечки, и он проделал тот же маневр и со второй грудью, уделяя ей не меньше внимания.

Губы спустились к животу, и я почувствовала, как он принялся облизывать все тот же сироп вокруг моего пупка, а потом случился шок, или взрыв, когда его рука осторожно проникла мне в трусики и нежно погладила влажные складочки, заставив меня задохнуться от нахлынувшего оргазма. Все еще прерывисто дыша, я потянулась руками к шее любимого, но была перехвачена, он взял мои запястья и снова завел мне за голову.

— Лежи смирно, девочка моя, я покажу, как тебя нужно любить, — от его сладких слов я довольно мурлыкнула и улеглась, в ожидании продолжения. — Ты самая прекрасная в мире, достойная любви, и я докажу, что от секса можно, и даже нужно, получать удовольствие.

Он кончиками пальцев нежно провел по бокам, слегка задевая набухшую грудь, и спускаясь ниже к бедрам, подцепил трусики и потянул их вниз, по ногам, освобождая меня от последней детали гардероба. И не успела я насладиться наготой своего тела, как ощутила на левом бедре его язык, который поднимался к моей промежности, а зубы слегка прикусывали ставшую очень чувствительной кожу. И когда он впервые лизнул меня там, я задержала дыхание и выгнулась, а по телу прошли новые волны наслаждения. Я по инерции хотела сомкнуть ноги, но Ванечка руками развел их только шире и продолжил свою мучительную ласку. Я же могла только стонать и чувствовать его тяжелое дыхание на своих нижних губках.

Мне казалось, что весь мир перевернулся за то время, что я проводила в объятиях любимого. Даже не знала, как долго мы находились в столовой, погружаясь в чувственные ласки и обволакиваясь любовью. Внезапно почувствовала, как мужчина приподнялся и провел правой рукой по телу, слегка сжимая грудь, и губами склоняясь к лицу, обдавая мои губы жарким дыханием. Вторая рука Ванечки находилась в моих волосах, и он сам, безумно возбужденный, едва находя в себе силы, чтобы не сорваться, задал интересующий его вопрос:

— Ты не пожалеешь?

И я произнесла лишь одно слово за такое долгое время, голосом, охрипшим от страсти и волнения:

— Никогда.

И в этот момент в мою плоть уперлась головка члена, я испустила стон и подалась вперед, захватывая в плен желанного мужчину. Он замер, давая время мне привыкнуть к прекрасным ощущениям, а затем полностью вошел в меня, наполняя и вознося к небу, придавая уверенности и ощущение желанности. Изначально его толчки были излишне осторожными, я чувствовала, что он боится причинить мне боль, но уже через несколько минут он стал более глубоко и резко входить в меня, доводя до исступления. Наши пальцы были сцеплены в замок над моей головой, а он смотрел мне в глаза, пытаясь не упустить

момента страсти и удовольствия в них, я же не отпускала его омуты, замороженная их глубиной. По виску любимого потекла струйка пота, а я потянулась к губам, чтобы снова почувствовать его вкус. Подарив легкий поцелуй, Ваня на миг покинул мое разгоряченное лоно, перевернул на живот и, высоко приподняв мне бедра, сам встал на колени и снова вошел в меня до упора, от чего я издала глубокий стон. В этой позе я так сильно его ощущала каждое его движение внутри, все мои нервные окончания были настолько накалены, что я снова и снова получала оргазм, понимая, что поступила верно, когда доверилась этому мужчине.

Чувствовала, как дрожал и стонал любимый, и сама я уже просто кричала от прекрасных ощущений, вцепившись пальцами в ковер, и приподнимая голову от каждого его жадного толчка. Когда на меня снова нахлынул оргазм, я почувствовала, как набухшая плоть мужчины подрагивает во мне и взрывается, получая то же удовольствие, что и я, и услышала его громкий победный стон.

Ваня улегся на бок и потащил меня за собой, прижимая и обнимая своими руками. Тела липли, волосы были мокрыми, а наше глубокое дыхание — одно на двоих. В унисон.

Не знаю, сколько мы так пролежали. Я — глядя на огонь и ощущая спиной уже мирно вздымающуюся грудь мужчины, а он — перебирая мои волосы пальцами, как бы причесывая их и иногда покусывая плечо. Но в один момент я произнесла то, что обоих повергло в шок:

— Это было круче, чем тогда в кабинете, когда ты вымаливал у меня прощение.

От этих слов мужчина резко приподнялся, и мы с удивлением посмотрели друг другу в глаза, не сразу поняв, как реагировать на это. Но уже через несколько секунд Ваня крепко прижал меня к себе, а я ощутила, что по моей щеке катится одинокая слезинка счастья.

Мой прерывистый вздох, и словно камень с души упал от облегчения. Вспомнила. Не знаю, насколько много, это предстояло проверить, но нас с Ванечкой вспомнила. Это было последнее, о чем подумала я, погружаясь в спокойный сон.

Ваня.

Малышка уснула, а я осторожно поднялся и нашел плед, чтобы укрыть любимое тело, которое во время безумной любви пропиталось потом. Главное, чтобы Ласточка не простудилась, иначе я буду себя ругать за свою неосторожность.

Безумные часы невероятной любви, и я был настолько счастлив, что она доверилась мне, не побоялась, а как я был удивлен, увидев ее, обнаженную и раскованную, что едва челюсть до пола не отвисла. Даша все такая же шикарная и сексуальная, как и раньше, а учитывая, как давно мы не были вместе, я вообще едва ли с ума не сошел от ее вида. Божественная, и вся моя.

Укрыв ее пледом, я легонько коснулся губами ее виска и улыбнулся, наслаждаясь видом ее, спящей; хрупкая, беззащитная и невероятно красивая, полностью расслабленная в моих руках. На душе стало так легко после осознания, что она вспомнила о нас. Такое чувство, что теперь все будет иначе, не так, как раньше, а намного лучше, и я сделаю, чтобы именно так и было.

Стараясь не разбудить любимую, я осторожно принялся убирать со стола невероятное количество еды, и сколько бы мы с малышкой не пытались съесть, но и четверти не проглотили, благо, холодильник огромный, продукты не пропадут, а завтра можно будет снова позвать всех в гости. Теперь даже повод есть. Когда почти все было убрано со стола, я услышал звонок своего мобильного и, схватив его, тут же отключил звук, а увидев имя звонившего, и вовсе чертыхнулся, совсем позабыв о друге и его рожаящей жене.

— Слушаю, — не громко произнес я.

— Вань, прости, что звоню так поздно, — я быстро кинул взгляд на часы микроволновки. Полпервого ночи.

— Андрей, это ты прости, что не позвонили. Что-то с Евой или малышкой? — взволновано поинтересовался я, стараясь не повышать голос.

— Все просто замечательно, Ева мне дочку родила, красавица невероятная. Господи, — с воодушевлением говорил Золотарев.

— Друг, я искренне тебя поздравляю. Тебя и Еву. Счастлив за вас, и желаю вам терпения, а малышке — здоровья крепкого.

— Уж об этом я позабочусь, — подтвердил мужчина на том конце и, сменив тональность голоса, поинтересовался: — У вас как дела?

— А у нас не хуже вашего, но об этом мы поговорим при встрече, — улыбнулся я и быстро попрощался с другом, еще раз поздравив его с прекрасным пополнением в семье.

Отложив телефон, я решил заняться посудой, но, не успев помыть и пары тарелок, почувствовал нежные ручки на своем животе и легкое касание губ на спине. Обернувшись, увидел сонную любимую, которая искренне смотрела мне в глаза и сладко улыбалась.

— Все-таки разбудил тебя, — подтвердил я свои догадки.

— Это даже хорошо, без тебя как-то неуютно. Кто звонил? — тут же сменила тему моя любимая.

— Андрей. Ты стала тетей прекрасной малышки, — в этот момент я заметил, как засияли глаза Ласточки, и она сильнее прижалась ко мне, вымещая в этом объятии свое счастье за брата и Еву.

— Как назвали?

— Твой брат пока не сознался в этом.

Даша хмыкнула и, приподняв голову, потянулась к губам, я же, не медля, поцеловал ее, передавая через поцелуй всю свою любовь и нежность к этой девушке. Мои руки легли ей на попку, слегка сжимая и поглаживая сквозь плед, в который девушка была обернута, а она своими руками прошла по моей груди, снова царапая и возбуждая, возвращая приутихшую страсть.

— Я люблю тебя, — услышал ее едва различимый шепот, оторвался от губ, чтобы посмотреть ей в глаза и понять, что не ослышался. Но, заметив в них полноту нежности и любви, снова припал к припухшим розовым губам. Схватил девушку под попку. Плед соскользнул на пол, оставаясь на прохладном кафеле кухни, сам же я понес драгоценную ношу в уже нашу спальню, чтобы продолжить эту прекрасную, во всех смыслах ночь, уже в более удобной обстановке.

ГЛАВА 25

Ваня.

Сейчас было именно то состояние, когда, кроме как петть, ничего не хочется. Петть от счастья, и просто любить, так, как я это делаю со своей Ласточкой. Боль и переживания прошли, уступив место спокойствию и непередаваемой эйфории, которая вселилась в меня с того момента, когда к Даше вернулась память. Невероятное облегчение появилось после того, как она призналась, что все вспомнила. Спокойно и немного — я бы даже сказал — непривычно от того, какой девушка стала. В ней больше не было строптивости и язвительности, наоборот, она казалась мудрой и уравновешенной, что неудивительно после случившегося.

И вот сегодня, собравшись в нашем загородном доме, который я купил несколько месяцев назад для своей семьи, по случаю дня рождения любимой, видел, как достойно и правильно она себя ведет. Да, она снова открыто смеется, и глаза ее сияют от счастья, но она больше не совершает детские поступки или какие-то мелкие гадости, чтобы мне насолить или просто подразнить. Даша выросла. Единственное, что меня ужасно злит, это какой путь ей пришлось пройти, чтобы осознать свое поведение. Иногда кажется, что лучше бы она оставалась строптивой, нежели перенесла круги ада в доме мерзавца Николаева.

Что мне до безумия нравится в девушке — ее появившаяся скромность, порой растерянный взгляд и красные щечки. Ничто так не греет душу, как женщина, которая со спокойствием смотрит на тебя, выражая теплоту чувств. Настоящая. Без игры. Ласковая. Теперь я понимаю, что, несмотря на настроение, погоду или время года, эта малышка озарит весь Мир и подарит улыбку, вложив в нее всю свою любовь.

Послышался стук в дверь, и через пару секунд в проеме показалась светловолосая головка с извиняющейся улыбкой на лице:

— Можно к вам? — спокойным голосом поинтересовалась Даша и, глянув на меня, потупила глазки, немного стесняясь. Мы с Андреем сидели в кабинете, разговаривая то о работе, то о наших семьях, и пили коньяк, вернее сказать — «грели» его, ведь у нас есть дела важнее, чем напиться. Наши женщины. А у друга еще и грудная малышка, которой чуть больше месяца.

— Ласточка, — нежно улыбнулся мой собеседник, я лишь кивнул, а он продолжил: — Конечно, проходи, сестренка.

— А я не одна, — и, войдя в кабинет, она придержала дверь, и следом вошел Макс.

— Мы вам не помешали? — вот кто не меняется, так это мой дорогой сын.

— Нет, конечно. Беги ко мне, — парень рванул мне на колени, крепко обнимая за шею, от чего моя улыбка поползла вверх. Даша, увидев такую картину, очаровательно хихикнула и подошла ближе, присаживаясь на свободный диван.

Я окинул взглядом ее стройные ноги и невольно сглотнул, с каждым разом все больше и больше восхищаясь их красотой и изяществом. Прошелся взглядом по всему ее телу и наткнулся на серьезный взгляд, понимая, что Даша с Максом пришли не в гляделки играть.

— Бать, а мы поговорить пришли, — начал сын, но Даша его перебила.

— Макс, — пожурила она его, слегка наклонив голову и пристально смотря на ребенка.

— Ладно, ладно, папа, — поправил он и продолжил, а я лишь удивился глобальному изменению любимой, ведь это она научила сына этим словам. — Так вот, мы посоветовались с ма... с Ласточкой и пришли к общему выводу: мы хотим, что она была моей мамой.

Когда сын говорил эти слова, на его лице читались серьезность и уверенность, а вот Даша — наоборот, занервничала и закусилла нижнюю губу, тревожно бросая взгляд то на меня, то на Андрея. А их желание не было для меня новостью, и я ждал, что однажды произойдет этот разговор, и вот именно сейчас, когда казалось, что лучше уже не бывает, Макс внес свою лепту.

— Родные мои, вы слишком мне дороги, чтобы я был против такой перспективы.

— Ура, — громко закричал сын и снова сжал меня в объятиях, показывая свою благодарность, после чего рванул к теперь уже своей маме, и так же сжал ее своими маленькими ладошками. По щекам Даши покатались слезы, но я знал, что это от счастья. Глянул на Андрея, а он лишь с улыбкой наблюдал за происходящим.

Любимая подняла голову, успокоившись, и посмотрела на меня:

— Вань, это правда? — в этот момент в ее глазах было столько нежности и в то же время страха, но я видел, как она держится. Сильная. Моя.

— Конечно, правда, — ответил я, улыбнувшись, понимая, как Даше нужна моя поддержка, особенно сейчас.

— Ты разрешаешь нам? Уверен?

— Разрешаю, — для наглядности кивнул и добавил: — Более того, я не имею права запрещать.

— Спасибо, — лукавый взгляд и нежная улыбка обещают, что ночью меня ждет особая благодарность. Глупенькая, еще не понимает, что я для нее все, что угодно, сделаю, главное — чтобы ей было хорошо.

— Теперь у меня есть племянник, — воскликнул друг, и я понял, что мы действительно теперь одна семья, единственное, что этому мешает, это наши не зарегистрированные отношения с Дашей. Пора вести любимую под венец.

После слов брата девушка изменилась в лице, и я понял, что ей есть, что еще нам сказать. Она снова разволновалась и начала заламывать пальцы, мне не нравилось ее поведение, которое вызывало во мне лишь страх.

— Макс, иди к Маришке, погуляй, заодно и сообщи всем новость, что у тебя теперь есть мама, — по всей видимости, друг тоже заметил необычность поведения Ласточки и поспешил разузнать, в чем проблема.

— Только вы недолго, а то мы с мамой договорились разрезать торт вместе, — попросил сын и, звонко чмокнув девушку в щеку, убежал к гостям на закрытую террасу.

Я подошел к любимой и, присев рядом, взял ее маленькую ладошку в руки, нежно поглаживая костяшки пальцев.

— Даша, — начал, было, друг, но девушка перебила его.

— Андрей, Ваня, — она бросила взгляд сначала на него, потом на меня и опустила глаза на свою ладошку, которую я оккупировал. Девушка судорожно дышала, а спустя несколько минут, сама себе кивнув, решилась, предварительно отняв у меня свою руку, и, что-то достав из кармана, сжала кулачок. — Ребят, в общем, у меня же день рождения, и я решила, вы сегодня не будете меня ругать, и можно вам сказать.

— Почему ты решила, что мы будем тебя ругать, что произошло? — встревоженно посмотрел в ее глаза.

— Только, пожалуйста, как бы там ни было, я решила, что так должно быть, и, в общем, я в любом случае счастлива. Вот, — она открыла протянутую ладошку, в которой удобно разместилась белая тонкая палочка, на которой было две темных полоски. Тест. Положительный. Господи!

— Ласточка, — я, не имея сил сдерживаться, крепко обнял ее, покрывая лицо поцелуями, а потом заглянул в глаза, и не увидел того искреннего, должного счастья, о котором она поведала. — Ты не рада?

— Нет, что ты! — воскликнула она, выдавливая из себя улыбку. — Я безумно рада, просто...

— Когда ты сделала тест? — решил уточнить Андрей.

— Еще две недели назад, — виновато ответила и снова потупила глазки. Вот это да, моя женщина беременна от меня больше двух недель, а я узнаю об этом только сейчас.

— Почему, почему ты мне ничего не сказала?

— Я, когда увидела, очень испугалась и подумала, что ты будешь против. Я слабачка, и

просто не смогла тебе сказать даже этого...

— Ты не слабачка. Ты очень сильная девушка, но при этом должна доверять своему мужчине, — подтвердил друг.

— Я очень хочу, чтобы ты мне доверяла, особенно — самое важное, — попросил я, понимая, что первым хочу знать о случившихся изменениях с Дашей.

— А если окажется, что...

— Поверь, не окажется! Уже не окажется.

— Ласточка, сестренка, уже и времени прошло достаточно, и анализы ты сдавала, — говорил Андрей, а я напрягся, вспоминая те бумажки, в которых говорилось об аборте, о не родившемся нашем ребенке.

— Но я не видела, что в них, Ваня не показал мне. — Друг в этот момент укоризненно на меня глянул, а я сделал вид, что не заметил этого, ибо не собирался посвящать любимую в жуткие новости.

— Оттого и не показал, девочка моя, что там все хорошо, со здоровьем у тебя все в порядке, никаких проблем, а бумажки те где-то у меня на работе затерялись, — нашел выход я и снова обнял ее, показывая, как счастлив благодаря новости о будущем ребенке. Ласточка облегченно выдохнула и прижалась своими губами к моим в легком поцелуе.

— Дарья, иди ко мне, хочу поздравить тебя, — грозно позвал Золотарев, а мы, оторвавшись друг от друга, улыбнулись.

— И ничего ты не грозный, я все помню уже! — и она кинула в него рядом лежащую маленькую подушку, тот схватил ее и кинул в меня, после чего сам подошел к Даше и, приподняв ее с дивана, обнял крепко-крепко и что-то прошептал ей на ухо.

— Эх, вот повезло тебе, Андрюха, что ты брат, при другом бы раскладе я бы тебе морду набил уже за то, что мою любимую обнимаешь.

— При другом раскладе меня бы здесь и не было.

— Дураки, — пожурела нас малышка, и мы все втроем устремили взгляд на двери, у которой послышался тихий стук, а через секунду показалась Ева с крохой на руках. Андрей в мгновение ока оказался около них, придерживая двери, и после, помогая жене удобно расположиться на диване.

Мы все с замиранием смотрели на маленький комочек в руках Евы. Аленка что-то лопотала и периодически дергала малюсенькой ручкой, сжатой в кулачок. Я умилялся таким прекрасным видом, и вдруг полностью осознал, что у меня тоже скоро родится такое долгожданное счастье. Сделаю все, чтобы моя семья была в безопасности, и у нас родился здоровый малыш, братик или сестричка Макса.

Бросил взгляд на Дашу и заметил, как по ее щеке покатилась одинокая слезинка. Она постаралась ее тут же незаметно стереть, но я развернул любимую к себе, а она попыталась спрятать лицо от моего взгляда.

— Малыш, посмотри на меня, — попросил я и поднял ладонями ее лицо, она послушано посмотрела мне в глаза и улыбнулась.

— Я счастлива, и мне уже до безумия хочется подержать на руках нашего ребеночка.

— Время пролетит незаметно, верь мне, — она положила голову мне на грудь и прикрыла глаза, наслаждаясь моими объятиями.

— Я чего-то не знаю? — шепотом поинтересовалась Ева, наблюдая наши объятия и спокойно укачивая на руках дочурку.

— Мы беременны, — сказал я и коснулся пока еще плоского животика Даши.

— Дорогие мои, я рада за вас, — с улыбкой проговорила девушка и взглянула на кроху. — Кому, как не мне, знать, какое огромное — это маленькое счастье.

Да я и сам знал, как здорово, когда твоя маленькая кровинка умещается на ладонях, или произносит первое слово, делает первый шаг, или просто звонко смеется. Неужели я смогу все это пережить вместе с Ласточкой? Самому до сих пор не верится.

Андрей присел рядом с женой и счастливо наблюдал за маневрами новорожденной дочери, которая ручкой пыталась отыскать свой обед.

Вскоре мы оставили чету Золотаревых кормить Аленку, а сами отправились обратно к гостям.

Вечером, когда все гости разошлись, я отправил Нину Васильевну на выходные, решив провести три дня в кругу нашей семьи. Конечно же, Нина не была нам чужой, но и женщине отдыхать тоже следует.

Мы расположились в кухне, Макс уплетал торт, а Даша ела салат из морепродуктов, с удовольствием причмокивая, а я лишь улыбался их действиям. Так тепло и уютно было находиться рядом с ними, наконец-то все вместе, и хотелось, чтобы так было всегда. Макс, — обратился я к сыну и сделал глоток своего кофе. — У нас с мамой есть для тебя прекрасная новость.

Даша нервно улыбнулась и положила очередную креветку с майонезом в рот, я же ободряюще погладил ее по руке и продолжил:

— Скоро у тебя появится братик или сестричка.

Последовала долгая тишина, а затем ответ сына меня до безумия удивил, и я застыл с чашкой у рта, не смея ничего сказать. Да я ведь и предположить себе не мог раньше, что у меня когда-то еще появится ребенок, брат или сестра Макса. Но теперь я понял, насколько я ошибался в себе и своих мыслях.

ГЛАВА 26

Даша.

Когда я сделала тест, не поверила своим глазам, но и вмиг испугалась, что ребенок мог быть от того мерзавца, хоть и времени уже прошло достаточно много. Все равно страх остался, и, наверное, поэтому я начала мыслить не в том направлении, но теперь, когда меня заверили мои мужчины в том, что ребенок Ванечкин, я спокойно вздохнула. Отлегло!

Сейчас же я просто наслаждалась поеданием салата из креветок, оказывается, это такая вкуснятина. Думаю, это беременность повлияла на мой вкус, потому как, насколько я вспомнила, и Ваня подтвердил, я не особо жаловала морепродукты, а тут прямо оторваться не могу. Единственное, что смогло меня отвлечь от еды — рассказ о будущем пополнении Максу.

После долгой тишины меня начал накрывать страх, что теперь уже и мой сын не захочет себе братика или сестричку, когда, наконец, последовал ответ из детских уст:

— А то я прям не знал.

Мы вдвоем с Иваном устремили на него взгляд, не понимая, что именно имеет в виду Макс, а он так и продолжал лопать торт.

— Максим, сынок, потрудись объяснить, — спокойно попросил мужчина.

— Пап, ты сам посмотри на нашу маму, она же румяная стала, немного застенчивая, и кушает такое нереальное. Кто станет есть пирожное, потом заедать его селедкой, и после этого запивать молоком? Только беременные! — в конце он глаза сделал, словно по пять копеек, и снова положил кусочек сладкого в рот. — Ну и к тому же мне брательник нужен,

так что нечего здесь удивляться.

— А если будет девочка? — поинтересовался Ваня.

— Значит, буду защищать ее от всяких пацанов!

— И любить будешь?

— И любить буду. Спрашиваешь еще, только мне вот что интересно...

— Что? — спросила я, уже думая, что же мальчика так заинтересовало.

— Откуда у мамы в животике появилась эта мелочь? — от этих слов я едва ли не подавилась очередной креветкой и с мольбой в глазах посмотрела на любимого. — Это же надо было ее туда так засунуть?

— Макс, никто ребенка туда не засовывал, и он только будет расти, и расти в маме, а мама будет у нас кругленькая и еще более красивая.

— Так, а как?..

— Да никак, Макс. Вырастешь, узнаешь!

— Ну и ладно, скучно с вами, взрослыми, пойду к себе, — встал из-за стола не слишком довольный ребенок, и уже было направился на выход из кухни, как его окликнул Иван:

— Напоминаю, в доме прислуги нет, — Максим кивнул. — Мы с тобой мужчины, и обязаны маме помогать, тем более теперь, — сын снова кивнул и подошел обратно к столу, взял свое блюдо и чашку и отнес в мойку.

— Вы иногда такие буки, родители, — улыбнулся мальчуган, при этом поцеловав меня в щеку.

— Ох, схлопочешь, Макс! — серьезно проговорил глава семейства.

— Не верю, не верю, — пританцовывая, пел ребенок, отправляясь на выход, чтобы, в случае чего, сбежать от наказания.

Я улыбнулась любимому и отодвинула свою тарелку, наконец-то поняв, что наелась. Встав из-за стола, подошла к нему и удобно разместилась на его коленях.

— Пока не растолстела, поблаженствую на тебе.

— Ты можешь быть в любое время на мне, вне зависимости от своего веса, — Ванечка аккуратно провел пальцами по моей щеке и легонько прикоснулся губами к губам, даря нежность и тепло. Я прикрыла глаза, наслаждаясь его близостью и отвечая на поцелуй, перерастающий из невесомого в страстный.

— Ой, — я резко оторвалась от мужчины, услышав голос ребенка. — А я всего лишь за соком пришел, и ничего не видел.

Сказать, что мне стыдно было, ничего не сказать. Я сижу на возбужденном мужчине, четко ощущая его твердость, а тут резко появляется сын.

— Знаешь, Макс, держись, — после этих слов Ваня аккуратно пересаживает меня на соседний стул и мчит за сыном, а тот, в свою очередь, с визгом буквально вылетает из кухни, я же остаюсь на своем месте, весело хохоча над своими любимыми мужчинами.

С каждой минутой я все больше и больше понимаю, как же мне хорошо с ними, как повезло, что именно они рядом, и делают меня счастливой. Вытащили из рутины боли и обмана и превратили в красивую любящую и любимую женщину.

— Вань, я тебя прошу, только один раз!

— Одну не пушу!

— Мне просто нужно понять для себя.

— Мама Ласточка, ты хочешь, чтобы папа с ума сошел?

Я пораженно вздохнула, понимая, что мужчин мне не переубедить, и лишь согласно кивнула в сторону предмета нашего спора, за что получила довольную улыбку.

— Так-то лучше. Еще и беременная!

— О, Бог мой!

Неделю назад я сообщила о ребеночке, так Ваня теперь мне проходу не дает, вечно следит, чтобы я не поднимала ничего тяжелого, не ела запрещенных врачом продуктов, и просто не волновалась. Я, конечно, до безумия уже люблю нашу кроху, но и безмерная опека иногда надоедает. Хотя грех жаловаться, когда о тебе заботится такой мужчина, как Иван Вишневский.

Сегодня, проснувшись утром, я решила, что хочу проехаться на байке и понять, нужно ли мне это, вызывает ли во мне скорость такой же экстрим, как и раньше, или все закончилось там же, в прошлой жизни. И вот сейчас, уговорив любимого, и то под его чутким руководством, мы садились на мотоцикл. Я крепко прижалась грудью к его спине, обвивая руками мужскую талию и чувствуя некую дрожь в своем теле. На голове уже красовался шлем, а любимый как раз надевал свой, повернувшись ко мне на миг, и ободряюще улыбнулся. После услышала, как он завел железного коня, и почувствовала сильную ладонь на своем запястье, и байк осторожно тронулся с места, постепенно набирая скорость. По мере поднятия стрелки на спидометре, так же поднимался и мой страх, а я все больше и больше сжималась, а мой страх был в первую очередь за кроху в моем животе, и я начала стучать Ване по спине и требовать остановиться.

Почувствовала, что мы остановились, когда Иван попытался разжать мои руки на себе и, сделав это с третьей попытки, резко повернулся ко мне и сжал в своих крепких и надежных объятиях. А я почувствовала горячие слезы, катившиеся по моим щекам, и тихий шепот любимого:

— Ласточка, родная моя, не переживай, слышишь, малышка, все хорошо. Я же рядом, и ничего не случилось, тише, тише.

— Это же, я же, у меня же, — начала хриплым голосом я, не имея сил продолжить.

— Мы ехали 60 км/ч.

— Но у меня ребеночек, я не могу так рисковать, слышишь? Во мне жизнь новая. Жизнь! — продолжала я плакать.

— Я счастлив, что гонки больше — не твое, — успокаивающе говорил Ванечка, глядя меня по волосам.

— Теперь я хочу посвятить себя только вам, своей семье. Тебе и детям.

— Люблю тебя, Ласточка, — почувствовала нежные губы на своих и утонула в ласке любимого мужчины.

Домой мы добрались едва ли не пешком, благо, отъехали не далеко, иначе я не смогла бы добраться на мотоцикле. Нет, байк — это не мое! Уже не мое! Как же я так раньше обожала гонки, а сейчас вид этого куска железа вызывает во мне страх. И я действительно для себя решила — муж и дети — все, что мне нужно. Теперь только семья будет приносить мне адреналин и эмоции.

— Любимая, — позвал меня Ваня, когда я снимала шлем, будучи в гараже.

— Да? — обернулась к нему и задохнулась от близости, ну что же такое, вроде, не впервые, а вызывает такие невероятные чувства, что впору сойти с ума. Он несколько секунд

молчал, но все же решился сказать то, что, по всей видимости, его тревожит.

— Помнишь золотой байк? — я кивнула, а он продолжил. — Он находится в закрытом боксе, под хорошей охраной.

— Ну, вот пусть себе там и находится, — резко выпалила я. — И никогда в жизни не позволяй нашим детям садиться за руль этого зверя.

— Слушаюсь, моя Королева! — мгновенно ответил он и коснулся пальцами моего лица, отодвигая прядку волос и наклоняясь ближе. — Я тут подумал, почему бы нам вечером не посидеть на улице в беседке...

— Романтический ужин? — немного лукаво уточнила я.

— Ну... не совсем, еще с нами будут Макс и Нина Васильевна.

— Я только «за», любимый!

Как же было тепло и уютно, я от каждого жеста, каждого касания и улыбки любимого ощущала его заботу. Казалось, она была посвящена только мне, но, в то же время, Ваня и Максуду уделял не меньше внимания и своей любви.

Мы мило беседовали за ужином, перебрасываясь незначущими репликами, потом Нина стала давать советы, что и как делать, чем питаться, и так далее, чтобы беременность протекала хорошо. Эта женщина была частью нашей семьи, даже для меня, учитывая, что я не так много с ней общалась.

Почувствовала, как на плечи лег шерстяной мягкий плед, окутывая своим теплом. Подняла голову и посмотрела на любимого, который заботливо меня укрывал, благодарно улыбнулась и, наклонив голову, щекой потерлась о его руку, лежащую на моем плече. Присев рядом, он притянул меня ближе к себе и обнял, нежно поглаживая рукой животик, в котором живет наш маленький ребенок.

Так, забравшись с ногами в кресло, сидя в объятиях самого дорогого человека, наблюдая, как Макс о чем-то весело спорит с няней, я поняла, что в любовь не играют, ею не рискуют, и не пренебрегают, как тогда, полгода назад сделала я. Выбрала гонки, риск и драйв, вместо счастья семьи и близких мне людей. И в том, что произошло, была только моя вина, и я получила по заслугам, пусть и жестоко, но теперь я понимаю, чего именно мне хочется от жизни. Любить, и быть любимой: женой и мамой.

ГЛАВА 27

Ваня.

— Любимая, чем ты хочешь заняться сегодня вечером? — мы сидели в гостиной на диване, и я разминал уставшие ножки жены. Да, поженились мы, когда Даша, будучи на третьем месяце, кричала, что с большим животом она за меня не пойдет, и мне придется ждать до родов. И это притом, что я сразу, как только узнал о грядущем пополнении, пытался затащить ее в ЗАГС. Тогда это было бесполезно. Только спустя время малышка начала сама настаивать на тихой свадьбе.

— Я хочу заняться любовью, — томно прошептала она, поддразнивая меня и еще больше возбуждая.

— Безумно заманчивое предложение, но с этим придется подождать, — ответил я, понимая, что еще немного, и сорвусь.

— Что, толстененькая тебя не возбуждает? — обиженно надув губки, тем же тоном проговорила Ласточка.

— Шутишь? — изумился я, глядя во все глаза, и, помогая ей подняться, подвинулся ближе. Взяв ее руку, положил себе на пах. — Ты такая аппетитная...

— Пышечка? — она сильнее сжала мой член, а я чуть не завыл от вожделения.

— А что, даже если и пышечка? Ты невероятная! Слишком очаровательная, и вся моя, — говоря это, я наклонился к любимой и слегка коснулся ее губ.

— Еще чуть-чуть, да? — едва не плача, проговорила она.

— Совсем чуть-чуть. Вот родится крошечка, и тогда я тебя за все девять месяцев отлюблю.

— Угу, конечно, это я тебя отлюблю. Ты же мне не даешь, — еще больше надув губки, просопела любимая, и я расхохотался от ее вида и слов, сказанных так серьезно. — Эй, ты смеешься над беременной, и не стыдно?

— Абсолютно нет.

Я резко прекратил смеяться и снова наклонился к любимой, глядя пальцами ее щечку, и серьезно, но с нежностью смотря в глаза, прошептал ей слова любви:

— Ты самая прекрасная женщина в мире, самая нежная, красивая, желанная, самая роскошная. Любить тебя — огромное счастье, и я никогда ни на кого не променяю свою Ласточку. Ты бесценна! Помни, пожалуйста, об этом. Я люблю тебя даже вот такую волнующую, кругленькую и очаровательную.

От моих слов у любимой покатались слезинки по щекам, я знал, что они от счастья, и осторожно вытер большими пальцами.

— Ты слишком трепетно ко мне относишься, — сказала она и всхлипнула, а я улыбнулся.

— Лишь настолько, насколько ты заслуживаешь, — прошептал я и припал к сладким губам. Понимал, что играю с огнем, но и не целовать свою девочку не мог. Слишком люблю, слишком она желанна! — Совсем скоро я доберусь до моего сладкого тела, — и в подтверждение ладонью накрыл налитую грудь и услышал сдавленный стон любимой.

— Ванька, ты меня доведешь до приступа, — шептала она, после чего откинула голову назад, предоставляя свою шею для моих поцелуев.

— Любимая, тебя только до оргазма...

— Ммм... — простонала малышка, когда моя рука скользнула ей под ночную рубашку. — Этого я очень хочу.

— Но немного позже, — ласково ответил я и глубоко и нежно поцеловал ее, поднимая на руки и неся в сторону лестницы.

— Ванечка, я же тяжелая, опусти меня, давай, я сама.

— А давай, я сам буду решать, тяжелая моя любимая жена или нет? Договорились? — я остановился, глядя ей в глаза и понимая, что лучшей женщины, такой заботливой, мне не найти.

— Ладно, договорились, только скажи, куда ты меня несешь?

— Сейчас узнаешь...

Донеся Ласточку до спальни, я уложил ее на кровать и на минуту скрылся в ванной, а по возвращении принялся снимать с нее ночную рубашку. Малышка была шикарной, ее необъятный животик с нашим малышом придавал ей шарма и женственности, делая фигуру более пышной и сексуальной. Сама девушка стала очень ранимой и скромной, последнее, кстати, меня вообще возбуждало до невероятности.

Я ладонью нежно провел по животу, повторяя все изгибы, касаясь каждой клеточки, не упуская и миллиметра ее шелковой кожи. Губами повторил путь и с любовью прижался щекой, за что получил ощутимый толчок детской ножкой.

Почувствовал, как любимая засмеялась, и сам не удержался, и начал хохотать вместе с ней, продолжая поглаживать маленькое чудо, которое скоро появится на свет.

— Это кроха ругает свою маму, — прошептала Даша, поглаживая меня по волосам.

— Почему тебя? Мне кажется, это я мешаю ей спать.

— Неа, — довольно промурлыкала Ласточка, улыбаясь и наслаждаясь моими ласками. — Я же улеглась, не двигаюсь, вот и ей не спится, а так, если бы чем-то занималась, то кроха спала бы себе, убаюканная.

— Вот какие чудеса, — ответил я и снова почувствовал толчок, и меня накрыли какие-то невероятные ощущения. Нельзя передать словами те чувства, которые сейчас крутятся во мне, знать, что в твоей любимой женщине растет ваш ребенок, это непередаваемо прекрасно!

Я несколько минут еще сидел, прижавшись к Дашиному животу, наслаждаясь прекрасными мгновениями, и понимая, насколько я счастлив.

— Любимый, мне становится прохладно, — услышал я шепот и нахмурился, совсем забыл, что любимая в одних трусиках. Поднявшись, снова прошел в ванную, проверить, достаточно ли набралось воды, а вернувшись, нежно снял нижнюю деталь гардероба с жены. Поднял на руки и отнес Ласточку в ванную, заботливо укладывая в воду. — Теплая, с моим любимым маслом, — снова промурлыкала она и, распустив волосы, откинула их на поручень, чтобы не намочить во время купания.

Я промолчал и, взяв с полки мочалку, налил на нее немного геля, вспенил, и принялся намыливать тело Даши. Осторожно, практически невесомо, прошелся по шее и ключице, спускаясь к груди, которой я уделил особое внимание, касаясь каждой с особой нежностью. Услышал легкий стон, и моя девочка немного выгнулась, насколько позволяло ее нынешнее состояние. Все это время она лежала с закрытыми глазами, и лишь сейчас открыв их, посмотрела на меня затуманенным взглядом. Моя возбужденная девочка, слишком чувствительная. Наклонился и страстно припал к сладким, розовым губкам и ощутил мокрую ручку на своей шее, которая крепко обняла меня, прижимая к себе и не отпуская ни на секунду. Ее язычок играл с моим, унося на пьедестал страсти и нежности, я же мягко сжал грудь жены, большим пальцем надавил на возбужденный сосок и проглотил очередной стон малышки.

— Любимая, — хрипло проговорил я, не узнавая свой голос, и попытался отдышаться. — Мы сюда пришли купаться, и только купаться.

— Скучный ты, — посетовала она и уложила голову обратно на поручень, принимая мою заботу.

Пусть и скучный, но я до безумия в своей душе переживал за Дашу и нашего ребенка, и поэтому сдерживал себя, хотя врачи и утверждают, что оргазм вовсе не вреден при беременности.

Заботливо вымыв драгоценную жену, я помог ей подняться и, вытерев насухо ее тело, завернул в теплый халат и отнес обратно на кровать.

— Ты пока засыпай, а твой скучный муж быстро примет душ, — предложил я и укрыл девушку одеялом, но тут же почувствовал, как она схватила меня за руку, не отпуская.

— Ванечка, ты не скучный, — и для утвердительности покачала головой. — Ты самый заботливый, замечательный...

— Ласточка, ты чего, не переживай так, я знаю, что ты не со зла.

— Конечно, не со зла, просто до ужаса хочу своего мужа.

— Спи, моя королева.

Чмокнув ее в носик, отправился обратно в ванную, спустил воду и сам наспех искупался под холодным душем. А когда вышел в спальню, Даши на кровати не оказалось. От этого мое сердце пропустило удар, ведь после случившегося я не отхожу от нее ни на метр, несмотря на то, что ей уже ничего не угрожает, особенно в нашем доме.

Почувствовал теплые ладошки на спине, легкие поглаживания и томный шепот:

— Ты, наверное, принимал холодный душ, чтобы успокоиться, — по моему телу прошли мурашки от нежности любимой, и я тяжело вздохнул, понимая, к чему она ведет. — Тогда мне придется тебя согреть. Ты заботишься обо мне, я позабочусь о тебе, так что быстро садись на кровать и не смей перечить беременно женщине, — последние слова она едва ли не прокричала, и я мгновенно послушался ее, устраиваясь на краю матраса.

Только сейчас заметил, что на ней уже красуется обтягивающий топ, доходящий до середины бедра, а волосы собраны в небрежный симпатичный хвост. Она сексуально, насколько позволяла ее нынешняя комплекция, продефилировала ко мне и, жестом попросив моей поддержки, медленно держась за руку, опустилась на колени.

— Помоги мне, — прошептала она и, облизав язычком нижнюю губу, принялась стаскивать с меня боксеры. Я понял, что это моя капитуляция, и помог жене себя раздеть, отдаваясь на волю ее рукам и сладкому роту.

Она склонила голову и слегка лизнула головку, ручкой проведя по всей длине члена, и снова пробуя его на вкус, от чего я охнул, и тут же едва не кончил от долгожданного ощущения. Так приятны и важны были ее ласки и касания, что я полностью отдался во власть своей женщине, наслаждаясь ее любовью. Сам уже положил руку ей на затылок и слегка задавал ритм, сжимая волосы, но не причиняя боли, позволяя оторваться от меня, как только ей это будет необходимо, и слышал стоны Даши, которая сама же получала удовольствие от происходящего.

Услышал какой-то непонятный звук, и в этот же момент жена отстранилась от меня, а я, опустив голову, заметил ее виноватый взгляд и слегка дрожащую нижнюю губу.

— Ванечка, — будничным тоном начала она. — У меня воды отошли, я рожая.

— Твою налево, малышка, — тревожно простонал я и, вскочив с кровати, быстро оделся, помогая Даше сделать то же самое, и, мгновенно усадив ее в машину, рванул в роддом, молясь, чтобы мы успели доехать вовремя.

Я не помню, как мы добрались до пункта назначения, не помню все то время ожидания в коридоре больницы, мои мысли были лишь с Дашей и с Богом, которого я просил помочь моей любимой жене и нашей крохе. Очнулся я только тогда, когда врач сказала, что с моей женой и ребенком все отлично, и через полчаса я смогу их увидеть. От сердца отлегло, и оно наполнилось новыми эмоциями и еще большей любовью, ведь теперь у меня две кровинки, ради которых я готов на все. А Ласточка? Хм, она моя единственная, настоящая, проверенная временем и испытаниями любовь, которую я буду всю жизнь ценить и оберегать, не смотря ни на что.

ЭПИЛОГ

Сегодня вся наша семья собралась в загородном доме, который Ванечка купил для меня, и даже его родители, которых я вижу второй раз в жизни, приехали на этот праздник семьи. Почему семьи? Да потому, что повода не было, мы просто решили побыть все вместе. Теплая, семейная атмосфера, разговоры по душам, детский смех и веселое щебетание птиц. Все это было настолько приятным и важным, а главное — искренним, без намека на сарказм

или ложь. В данном месте и именно в эту секунду я понимала, насколько счастлива находиться здесь, со своей огромной семьей, в объятиях любимого мужчины, и слышать слово «мама» от своего сына.

— Чем занимается моя любимая Сонечка? — шепотом спрашиваю я, подходя к мужу, удобно разместившемуся на подвесном лежаке. Он давно ушел из-за стола, чтобы больше времени провести с доченькой, а делить ее он ни с кем не любил.

— Папку слюнявит наша кроха, все, как обычно, — так же шепотом проговорил муж и немного подвинулся, освобождая место для меня. Я удобно разместилась у него под бочком, с нежностью наблюдая за малышкой, которая создавала папе еще одно мокрое пятно на темно-синей футболке. Почему дочь не называет меня мамой? Все просто, мы едва научились держать головку, и все, чем занимаемся, это кушаем и спим. Так что такую привилегию я получаю пока только от Макса. Поправка, еще мы кричим по ночам, как раз тогда, когда Ваня доказывает раз за разом мне свою любовь.

— Тебе в этом больше везет, — улыбнулась я, поглаживая Соню по крохотной ножке.

— Потому что наша дочь слишком моя, — грозно, но не громко проговорил Ваня, а я, подняв голову, посмотрела ему в глаза и тихонько засмеялась.

— Это как?

— Я больше люблю ее, и не спорь, — тут же попросил он, видя мою попытку начать возмущаться.

— А я и не спорю, потому что это не так, а все дело в том, что Соня — девочка, а папы дочкам все разрешают. Но я не против, милый.

— Вот и здорово, я хоть одну девочку воспитаю правильно, не такую строптивую, как ее мать.

— Эй, я же вовсе не строптивая, — начала ругать мужа за необоснованные наезды.

— Смотри, где мы находимся, — улыбнулся Ванечка и наклонился к моим губам для поцелуя, я же перекрыла ему путь своей рукой.

— Но сейчас мы не в спальни, поэтому никаких поцелуев на людях.

— Никаких?

— Угу, совсем, — уточнила я и улыбнулась, до сих пор вспоминая свои предродовые ласки.

— Значит, нужно срочно всех разгонять.

— Не жмись, любимый, пусть детки погуляют.

Я заметила, как Сонечка начала засыпать под наш размеренный шепот, при этом безумно мило причмокивая малюсенькими губками и сжимая в крохотном кулачке отцовскую футболку.

— Ну вот, не успела родиться, а уже за жабры папку взяла, — весело пропел милый, а я лишь легонько улыбнулась и сквозь сон услышала голос сына:

— Батя, что, наши женщины уснули?

— Вымотались, пусть поспят, сынок, ведь у них впереди большая миссия.

— Это еще какая? — удивленно поинтересовался Максимка.

— А им предстоит попозже воспитывать твоего братика.

— Ну, вы даете! — восторженно прошептал ребенок. — У нас будет большая семья.

— Семья, которую нам подарила наша мама.

— Мама, — нежно протянул сын, подтверждая слова отца.

Вот так за меня решили мои любимые мужчины, а я не была против, ведь держать на

руках крохотное тельце — это самое огромное счастье. А видеть в глазах любимого море нежности и безграничного тепла — это предел моих мечтаний.

Все сидевшие родственники чувствовали себя комфортно и уверенно, даже в отсутствии нас, потому что они прекрасно понимали, насколько сильно нам нужно уединение. И не смотря на любовь к ним, думаю, муж, как и я, не отказался бы остаться в коконе нашей молодой семьи, и проводить время вот так всегда. В объятьях, в разговорах, в мечтах. И пусть в памяти еще свежи те раны и страдания, которые мне довелось перенести, но я безумно благодарна Богу, что он дал мне шанс на новую жизнь, новую меня, и я сделаю все, чтобы мой муж и мои дети никогда не разочаровались во мне. И да, я подарю им мальчугана.

ГЛАВА БОНУС

В кухне сидели двое мужчин, с наслаждением попивая ароматный терпкий кофе, болтая абсолютно на разные темы, и нарезая только им одним известные салаты для ужина. Вся семья находилась дома, как и положено в выходные дни, особенно в последние теплые летние деньки.

Довольная Соня лежала на покрывале, расстеленном на зеленой траве, и наслаждалась последними лучами солнца на закате дня. Недалеко от девочки в песочнице играл семилетний Женечка, изредка заливаясь смехом, наблюдая за проделками его любимой собаки Дикки. На своем, полюбившемся много лет назад, лежаке, изящно растянувшись, лежала прекрасная блондинка, любимая и любящая жена и мать, просто красивая и счастливая женщина, как и прежде именуемая Ласточкой.

Как внутри дома, так и вне его, эта семья святилась счастьем, как когда-то они того и хотели, и любой мог бы позавидовать им, ведь не каждый способен пронести счастье через годы, уважать друг друга и просто поддаваться в нужные моменты, делая уступки в той или иной ситуации. Находить компромиссы, вот в чем заключается мир каждого дома.

— Пап, тебе не кажется, что наша мама чем-то расстроена? — верно подметил Максим, уже взрослый восемнадцатилетний парень, с хорошо сложенным, для его возраста, телом и с чертами лица, унаследованными от отца. Можно было даже сказать, что они братья, просто с достаточной разницей в возрасте, что окружающие зачастую и думали.

— Она не расстроена, Макс, она зла на меня, — ответил отец, чьи волосы на висках были слегка подернуты сединой, совсем немного, напоминая вплетенные нити, отчего жена зачастую смеялась, будто он специально красит себе волосы. Все эти подделки были с любовью, без капли злобы или ненависти.

— За что? — удивленно приподнял брови парень, высыпая в миску нарезанное вареное куриное филе. На его памяти не так уж и много разногласий родителей, может быть даже — ни одного. То ли не ругались никогда, то ли делали это не при детях, основываясь на факте, что дети подражают родителям.

— Потому, что мама беременна, — с сияющей улыбкой на устах пояснил мужчина и принялся нарезать маринованные грибы.

— Ух, ты, это же прекрасно! — порадовался сын, и резко задумался, — Подожди, я как бы понимаю, что ты имеешь к этому прямое отношение, но зла-то почему? Вы взрослые люди и...

— Макс, просто Даша уже не собиралась больше рожать, решила остановиться на Женьке, но ты же знаешь мою любовь к детям.

— Знаю, помню, ощущал.

— В общем, это было сделано немного при помощи обмана, и теперь со мной не

разговаривают, — пожаловался Ваня на свою судьбинушку.

— И каким же образом, если не секрет? — поинтересовался парень, знающий, что в их семье приветствовали такие темы, в пределах допустимого. Ведь сама Даша, когда сыну исполнилось шестнадцать, рассказывала ему о способах контрацепции, и даже настаивала, в принципе зная сущность мужчин.

— Подменил таблетки, — улыбнулся отец и склонил голову над разделочной доской, давая понять сыну, что о большем не скажет ни слова, а тот глуп не был, интересоваться дальше бы и сам не стал.

Приготовив вкусный ужин, мужчины вынесли из веранды стол, поставив его прямо посередине двора, и пока Максим делал последние приготовления, его отец разжигал огонь в мангале для приготовления так любимых его женой шашлыков. Он бросил взгляд на Ласточку и улыбнулся, заметив, как она, едва учуяв запах дыма, приподняла голову и начала морщить носик, пытаясь уловить, откуда идет запах. Но когда заприметила мужа, довольно улыбающегося, и смотрящего прямо на нее, она быстро показала язык и снова отвернулась, чем вызвала приступ смеха у мужчины. Детвора непонимающе уставилась на родителей, и лишь один Максим, зная ситуацию, подмигнул отцу с легкой улыбкой на губах.

Когда все было готово, Женька с Сонькой уселись на свои места, Максим сел рядом с братом, а Ваня молча подошел к жене, так и отдыхающей на лежаке, поднял на руки и, принеся к столу, усадил на стул, стоявший рядом с его стулом. Дарья фыркнула, поднялась и, взяв свой стул, демонстративно переставила тот к дочке и уместилась, не желая сидеть возле мужа. Ваня улыбался на эти действия и ни капли не волновался, знал, что это показное, и на данном этапе жена желает его заботы, даже немного подчинения. А он был не против, ведь безмерно любил ее столько лет, не растеряв и капли нежности к ней. Жена и их дети были неотъемлемой частью его жизни.

Ваня не стал спорить, и остался на своем месте, давая возможность покапризничать жене. Старший сын включил негромко музыку, и семья принялась за ужин.

— Мам, а вы с папой не хотите купить нам еще одну сестричку? — произнес Женя, от чего Даша даже подавилась, а дочка несильно постучала по ее спине. — Просто я подумал, как-то несправедливо, нас трое, а вас с Соней двое, непорядок.

Ласточка поежилась, а Макс, хмыкнув, поднялся из-за стола и исчез в доме. Глава семьи наоборот, уперев взгляд в тарелку, наслаждался едой, и всем своим видом пытался показать, что совсем ни при чем, и понятия не имеет, откуда такие мысли у младшего сына.

— Можешь не переживать, котенок, папа об этом уже позаботился, — ответила молодая женщина, положив в рот любимую креветку. Ванька, гад, знал, что она любит во время беременности.

— Уже купил? — с восхищением спросил сын.

— Нет, но уже заказал.

Все довольно засмеялись, как раз в тот момент, когда Максим вернулся с пледом в руках и заботливо укрыл маму, которой сейчас никоим образом нельзя было болеть, а вечера нынче уже прохладные.

— Спасибо, сынок, — поблагодарила старшего сына Дарья, поцеловав того в щеку, а после бросила лукавый взгляд на мужа и подмигнула, давая понять, что больше не сердится. Да и не могла она, ведь у нее такая замечательная семья, а теперь еще один малыш от этого мужчины живет у нее под сердцем.

— Чем сына подкупил? — спросила Ласточка, когда они остались с Ваней наедине, а

Максим отправил ребятню укладываться спать.

— Новой радиоуправляемой машиной.

— Ты балуешь его, — посетовала она, крепче прижалась к мужскому телу и, достав из глубокой пиалы кусочек жареного мяса, с удовольствием поднесла его к носу, наслаждаясь дымком и свежим воздухом.

— Не больше, чем ты, любимая.

— И очень пользуешься моей добротой. Беременность — коварство с твоей стороны, но я не против, ребеночек же от тебя.

— Можно подумать, могло быть иначе, — пробурчал он и зубами выхватил жареный кусочек из пальцев жены.

— Эй, это было мое, — поругала Даша мужа и полезла за новым кусочком шашлыка. — А теперь, Ванечка, знай, я буду самой капризной во время этой беременности, как никогда раньше.

— Меня это не пугает, я люблю тебя любую.

— И готовь побольше еды.

— Собираешься становиться толстухой? — поглядывая на ее новый кусочек, поинтересовался мужчина.

— Нет. Бегемотом, — с напускной строгостью ответила она.

— Представляешь, какая у тебя грудь будет, — с горящим взглядом представил он и расхохотался.

— Ну, теперь точно можно много кушать, еще больше любить будешь

— Родная, — вдруг тихо заговорил муж. — Я даже не представляю, можно ли любить еще больше, еще сильнее, но я сделаю все, чтобы ты чувствовала всю мою любовь и заботу. Будь самой капризной беременной, и я буду только счастлив от этого.

— Какой же ты у меня ненасытный, Ванечка, но такой любимый.

Конец.

Больше книг на сайте — Knigolub.net